

Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

ОРЕШИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. 1917 – 1921 ГГ.**

Специальность 00.07.02 - Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
доцент Терещенко Юрий Яковлевич

Москва – 2015

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Северный Кавказ в 1917 – начале 1918 гг.:	
национально-государственное строительство в условиях революции	62
§1. Этнополитическая характеристика северокавказского региона	
накануне Февральской революции 1917 г.	62
§2. Северный Кавказ между двумя революциями:	
начальный этап государственного строительства в регионе	75
§3. Кризис региональной государственности	
на Северном Кавказе	102
Глава 2. Национально-государственное строительство	
на Северном Кавказе. 1918 – 1920 гг.	123
§1. Советская государственность на Северном Кавказе. 1918 г.	123
§2. Северный Кавказ под «белой» властью:	
особенности национально-государственного строительства.	
1918 – 1920 гг.	144
§3. Этнический аспект государственного	
строительства на Северном Кавказе. 1918 – 1920 гг.	162
2.3.1. Национально-государственное строительство	
в казачьих областях Северного Кавказа	162
2.3.2. Национально-государственное строительство	
в горских регионах Северного Кавказа	182
2.3.3. Движение «зеленых» на Северном Кавказе	
«третий путь» государственного строительства	198
Глава 3. Национально-государственное строительство	
на Северном Кавказе в 1920-1921 гг.	208
§1. Национально-государственное строительство	
в Ставропольской губернии и Кубано-Черноморской области	212

§2. Национально-государственное строительство	
на Тереке и в Дагестане в 1920 – 1921 гг.....	222
Заключение.....	247
Библиография.....	255

Введение

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война оказали огромное влияние на развитие России, став началом кардинальных перемен во всех сферах жизни общества, в том числе и в области национальной политики. Актуальность национального вопроса в нашей стране была обусловлена исторически сложившимся многонациональным и многоконфессиональным составом ее населения, однако особую остроту он приобретал в период радикальных трансформаций политической и социально-экономической системы, в годы революций. Одним из главных вопросов любой революции (и Февральская революция 1917 г., свергшая монархию Романовых не была исключением) является вопрос о власти – то есть вопрос выбора новой модели государственности.

Под моделью государственности в работе понимается совокупность основных характеристик формы правления и формы государственного устройства страны, иначе говоря, ее государственный строй. Основными формами правления являются республиканская и монархическая, которые, в свою очередь, подразделяются на ряд видов. Под формой государственного устройства понимается способ территориальной организации государства, определяющий его внутреннее строение, деление на составные части и принципы их взаимоотношения между собой¹. В этом отношении все страны подразделяются на унитарные (характеризующиеся отсутствием у административно-территориальных единиц признаков суверенитета) и федеративные (части которых являются государственными образованиями с ограниченным суверенитетом). В свою очередь, федерация может быть основана на административно-территориальном принципе или на национально-

¹ Чиркин В.Е. Государствоведение: Учебник. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Юристъ, 2000. С. 157-159.

территориальном, когда регионы образуются в зависимости от этнического состава населения.

В такой многонациональной стране, как Россия, выбор нового государственного строя («вопрос о власти») оказывался тесно связан с выбором и проведением в жизнь новых принципов государственной национальной политики («национальный вопрос»). Иными словами, перед политической элитой, возглавившей Россию после февраля 1917 г., встала задача определения принципов национально-государственного устройства страны – то есть поиск определенной формы общественных отношений и организации государственности, выражающей взаимосвязь территориальной организации государственной власти и национальной структуры общества, соотношение суверенитета государства и национальных суверенитетов этнических общностей, объединяемых в составе государства².

На повестке дня оказался вопрос национально-государственного строительства в масштабах как всего государства, так и отдельных его частей (регионов). Национально-государственное строительство как вид деятельности по управлению государством представляет собой решение правовых вопросов в области национальных отношений в полиэтничном государстве³. Следует отметить, что чем разнообразнее этнический и религиозный состав населения того или иного государства, тем с большими трудностями сталкиваются органы государственной власти, занимающиеся национально-государственным строительством.

В России сложности при его проведении после 1917 г. были связаны также и с тем, что национально-государственное строительство в ней началось и протекало в условиях острейшего системного социально-экономического и политического кризиса, поразившего государство и общество. Его проявлениями явились две революции, произошедшие в одном году (Февральская и

² См.: Экономика и право: словарь-справочник / Сост. Л.П. Кураков, В.Л. Кураков, А.Л. Кураков. М.: Вуз и школа, 2004.

³ См.: Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова и др.; отв. редактор В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. М., 2006.

Октябрьская), начавшаяся вслед за ними Гражданская война, охватившая большую часть территории бывшей Российской империи, иностранная интервенция, фактический распад страны, а также череда локальных кризисов, с которыми сталкивались как Временное правительство, так и советское и белогвардейские правительства. Можно говорить о завершении кризиса и начале стабилизации общественно-политической ситуации лишь применительно к весне 1921 г.

Вопрос о поиске причин этого кризиса не является задачей нашего исследования, тем не менее, следует отметить, что его истоки коренились в тех острых политических, экономических, социальных, национальных, религиозных противоречиях, которые накопились в стране как один из результатов осуществления комплексной, т.н. «догоняющей» модернизации Российской империи в конце XIX – начале XX вв., перехода от аграрного, традиционного к индустриальному типу общества. Подобные противоречия, на мой взгляд, являются неизбежными следствиями модернизации, и все государства так или иначе столкнулись с ними, однако российская политическая элита оказалась не в состоянии найти адекватные «ответы» на «вызовы» модернизации, что, в конечном итоге, и привело к революции. Следует отметить, что вызревание революционного кризиса, вне всякого сомнения, ускорилось вследствие вступления России в Первую мировую войну 1914-1918 гг., к которой она была не готова. Тем не менее, различные российские политические силы, как в центре страны, так и на ее окраинах, попытались на протяжении 1917-1921 гг. представить свое видение путей преодоления кризиса и дальнейших вариантов развития страны. В той или иной степени, им приходилось затрагивать вопросы национальной политики, заниматься национально-государственным строительством на подконтрольной территории, без чего достичь стабилизации представлялось проблематичным.

Одной из таких окраин, в которой кризисные явления проявились наиболее остро, где в Гражданскую войну оказалось втянуто множество народов, политических партий и общественных организаций, а также иностранные

государства, стал Северный Кавказ – регион, отличавшийся этническим, языковым и религиозным многообразием⁴. Национально-религиозный состав края оказал большое влияние на процессы национально-государственного строительства, протекавшие на Кавказе в послереволюционный период. Специфику северокавказского региона при проведении государственной национальной политики должны были учитывать как Временное правительство, так и органы государственной власти Советской и «Белой» России.

Еще одна особенность этого региона по сравнению с внутренними губерниями России заключалась в том, что активное участие в событиях революции 1917 г. и Гражданской войны принимали представители коренных народов края – горцев, а также казачества, при этом политическая элита казаков и горцев выдвигала различные (порой диаметрально противоположные) проекты государственного устройства, отстаивая (в том числе вооруженным путем) свое видение политического будущего России в целом и Северного Кавказа в частности. Таким образом, процессы национально-государственного строительства на Северном Кавказе после свержения монархии обладали спецификой по сравнению с аналогичными процессами в центральных частях страны и на других ее окраинах.

Объектом моего исследования является процесс национально-государственного строительства на Северном Кавказе в период двух российских революций 1917 г. и Гражданской войны, а предметом – анализ моделей государственности, которые различные политические силы (как общероссийские, так и местные) пытались внедрить в регионе в данный период времени. Цель работы – выявить общие черты национально-государственного строительства на Северном Кавказе, а также специфические особенности его проявления в северокавказском крае, понять, в чем заключалась данная специфика, определить суть социально-политического кризиса в регионе в указанный временной промежуток и поиск путей и средств его разрешения.

⁴ Игонин А.В., Оборский Е.Ю., Суханова Н.И. Северокавказское общество на историческом переломе (1917-конец 1920-х гг.). Ставрополь: Изд. СГУ, 2009.

В своей работе я предпринял попытку решить следующие задачи, вытекающие из формулировки темы: проследить историю становления и развития всех северокавказских политических режимов, их эволюцию и взаимоотношения друг с другом, выделить основные этапы государственного строительства и обозначить цели и задачи, преследуемые на каждом этапе основными участниками борьбы, социальный, национальный и классовый состав последователей того или иного течения, средства, использовавшиеся ими для достижения этих целей, выявить причины изменения отношения местного населения к различным политическим проектам, реализовывавшимся в крае, понять, почему в конечном итоге война завершилась победой большевиков и утверждением советской государственности, показать те политические изменения, которые произошли на Северном Кавказе в результате Гражданской войны, понять, какой строй в конечном итоге утвердился в регионе.

Хронологические рамки исследования. Работа построена по проблемно-хронологическому принципу и ограничивается в основном 1917 – 1921 гг., т.е. временем от начала Февральской революции и до окончания активной фазы Гражданской войны, упрочения советской власти и начала стабилизации общественно-политической обстановки в крае⁵, хотя отчасти освещаются и предшествующие, и последующие события, без которых невозможно точно представить и реконструировать происходящие перемены.

Географически исследование охватывает составные территориальные единицы Северного Кавказа - территории Ставропольской и Черноморской губерний, Кубанской, Терской и Дагестанской областей в границах на 1 января 1917 г. (современные Ставропольский и Краснодарский края, Республики Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня, Дагестан и некоторые сопредельные территории).

Новизна исследования заключается в проведении комплексного, целостного исследования государственно-политических преобразований на Северном Кавказе

⁵ Семенов А.А., Щербинин С.А. Власть и население Северного Кавказа в период Гражданской войны и НЭПа (1917-1925). Славянск-на-Кубани: Изд. Центр СГПИ, 2008. С. 95.

в период революций 1917 г. и Гражданской войны, понимаемых как совокупность сосуществующих и сменяющих друг друга моделей государственности, выявлении общих закономерностей и специфических особенностей становления нового государственного устройства и управления в данном регионе путем использования как неопубликованных документов центральных и местных архивов, так и опубликованных, но не нашедших отражения в трудах предшественников.

Теоретико-методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности, научности и системности, которые предполагают изучение исторических фактов и явлений в причинно-следственной связи, последовательном развитии и взаимозависимости. В работе наряду с общенаучными использованы специально-исторические методы, такие, как сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-системный. Проведение исследования диктует необходимость обращения к методам смежных с историей гуманитарных дисциплин, таких, как социальная психология, культурная антропология и, прежде всего, регионалистика, которая, в свою очередь, отражает синтез подходов различных наук к региональным исследованиям, т.к. полномасштабную и целостную картину национального строительства невозможно реконструировать без изучения особенностей развития окраинных территорий. Региональный подход, с одной стороны, позволяет раскрыть локальные явления в общем процессе, а, с другой, - проанализировать и оценить взаимодействие центра и регионов⁶.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может представлять интерес для специалистов в области отечественной и региональной истории, для подготовки лекционных курсов по истории России XX в. и специальных занятий, посвященных Февральской и Октябрьской революциям и Гражданской войне в России, обобщающих трудов по истории Северного

⁶ См.: Зубаревич Н.В. Управление развитием пространства Российской Федерации: коридор возможностей / Н. В. Зубаревич // Государство. Общество. Управление. М.: Альпина Паблишер, 2013.

Кавказа, разработки спецкурсов по истории народов Северного Кавказа, белогвардейской и советской национальной политики.

Положения, выносимые на защиту.

1. Большое влияние на ход национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг. оказал процесс «этнической мобилизации» - осознание представителями той или иной этнической общности себя в качестве самостоятельной политической силы, затронувший горские и кочевые народы края, а также казачество, который был в значительной степени инспирирован региональными элитами и лидерами национальных движений, стремившихся к расширению своего политического влияния в северокавказском регионе.

2. Главной силой, стремившейся к построению на Северном Кавказе суверенного государства, было горское национальное движение, внутри которого шла острая борьба между национальными демократами, выступавшими за создание демократической светской парламентской республики, и исламистами, пытавшимися воплотить в жизнь идею теократической мусульманской монархии. Раскол горских элит, не сумевших преодолеть внутренние разногласия, обусловил распад горских государств в регионе.

3. В отличие от горцев, казачья политическая элита не выдвигала сепаратистских лозунгов, однако выступала за создание на Северном Кавказе автономных казачьих политических объединений, обладавших широким внутренним самоуправлением и преобразование России в федеративную республику. Тем не менее, лидеры казачества оказались не в состоянии выработать единый внутри – и внешнеполитический курс, что предопределило слабость казачьих государственных образований на Северном Кавказе и привело их к крушению.

4. Лидеры Белого движения, рассматривая Северный Кавказ в качестве неотъемлемой части России, в процессе реализации своей политики государственного строительства вынуждены были учитывать интересы лидеров национальных движений и позицию региональных элит (горских и казачьих), идя

им на уступки. В частности, они вынуждены были де-факто признать существующие в регионе казачьи государственные образования и гарантировать внутреннее самоуправление горских народов.

5. Советские автономные государственные образования на Северном Кавказе первоначально создавались без учета национального признака, в границах старых административно-территориальных единиц, однако, начиная с осени 1920 г., большевики вынуждены были внести коррективы в проводимую ими политику, взяв курс на создание национально-территориальных автономий, выступив инициатором создания в конце 1920 – начале 1921 гг. Дагестанской и Горской АССР, которые представляли собой форму коллективной автономии проживавших на их территории горских народов, в то время как регионы с преобладанием не горского населения (Ставропольская губерния, Кубано-Черноморская область) не получили автономии и управлялись на тех же основаниях, что и другие российские губернии.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре истории России XX – XXI вв. Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Основные положения диссертации изложены в ряде статей, которые были опубликованы в научных журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданиях ВАК.

Источниковая база исследования

Источников по данной теме очень много, в связи с чем перед исследователем, изучающим данную проблему, встает задача их подробной и четкой классификации по типам, видам и публикациям. Существует несколько типологий источников. Одна из наиболее распространенных, предложенная советским историком Л.Н. Пушкаревым, предполагает выделение семи типов исторических источников: вещественных, письменных, устных, этнографических,

данных языка (лингвистических), кино-фото документов, фонодокументов⁷. Существуют и другие классификации источников по типам (например, известный советский и российский историк И.Д. Ковальченко с позиций учения о носимой источникам информации делил их на вещественные, письменные, изобразительные и фонические), но все они предполагают выделение *письменных источников*, как особого типа, представляющего собой письменные документы во всем многообразии содержания и формы.

Именно этот тип источников является основным для изучения тематики национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг. Остальные типы источников (такие, как агитационные плакаты эпохи революции и Гражданской войны, фотографии, кинохроника, памятники материальной культуры тех лет, имеющие отношение к Северному Кавказу) носят исключительно вспомогательный характер и могут привлекаться для более точного понимания исторического фона протекавших процессов.

По источнику происхождения все письменные исторические источники, посвященные национально-государственному строительству на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг., делятся на официальные и неофициальные (личные). *Официальные письменные источники* включают в себя законодательные акты, делопроизводственную документацию, дипломатические и военные документы, а также материалы периодической прессы изучаемого периода. К *неофициальным письменным источникам* относятся источники личного происхождения: мемуары, дневники, личные письма. По такому критерию, как публикации, выделяют источники *опубликованные* и *неопубликованные* (архивные).

Письменные исторические источники можно разделить также на *общие*, посвященные в целом революции 1917 г. и Гражданской войне, деятельности Временного правительства, советского и белогвардейских правительств, функционированию государственных и партийных органов в Советской России и становлению органов государственной власти на территории, контролируемой белыми, внешней политике России в 1917 – 1921 гг., проводимой Временным,

⁷ См.: Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975.

советским и белогвардейскими правительствами, взаимоотношению ее как со странами Антанты, так и с Центральными державами, а также национально-государственному строительству в России в 1917 – 1921 гг., в проведении которого принимали участие как красные, так и белые; и *специальные*, непосредственно относящиеся к Северному Кавказу. Общеисторические памятники дают представление об изучаемой исторической эпохе, позволяют объяснить процессы национально-государственного строительства, протекавшие в данный период времени, понять их суть. Опираясь на них, мы можем реконструировать те модели государственности, которые предлагались различными политическими силами в России в указанный временной промежуток, проследить эволюцию сменявших друг друга режимов, понять причины победы большевиков в масштабе всей страны, выявить особенности проводимой в то время государственной национальной политики, а также взаимоотношений центральных органов государственной власти с региональными.

В то же время, исторические источники местного (северокавказского) происхождения позволяют нам полнее охарактеризовать и проанализировать суть политических процессов, имевших место на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг., что, в свою очередь, помогает выявить региональную специфику процессов национально-государственного строительства в крае.

К *опубликованным* источникам относятся сборники документов и материалов, посвященные истории революции 1917 г. и Гражданской войне на Северном Кавказе в целом, и национально-государственному строительству в регионе в частности. Первые публикации документов по проблеме относятся к концу 1920-х – 1930-м гг., однако в данный период времени они публиковались исключительно в виде приложений в монографиях исследователей, изучавших Гражданскую войну на Кавказе. Подборка источников (в основном, раскрывающих процесс советского строительства в крае), содержится, например, в трудах А.А. Тахо-Годи и И.Э. Разгона. Однако репрезентативность этих источников можно оценить как в целом невысокую. Выборка их неполна и

зависит в большей степени от предпочтений авторов. Кроме того, невелик и сам объем документов, введенных в научный оборот.

Положение начинает меняться во второй половине 1950-х гг., когда, в связи с подготовкой к празднованию 40-летия Октябрьской революции, начинается публикация сборников документов и материалов, посвященных Февральской и Октябрьской революциям и Гражданской войне, а также советскому строительству в указанную эпоху в отдельных регионах, в том числе и северокавказских. В частности, в этот период появились следующие сборники: «Борьба за власть Советов в Дагестане: Сборник воспоминаний участников» (1957 г.), «Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917 – 1920 гг.): Документы и материалы» (1957 г.), «Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917 – 1920 гг.): Сборник документов и материалов» (1958 г.), «Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917 – 1920 гг.: Сборник документов и материалов» (1957 г.), «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане: 1917 – 1921 гг.: Сборник документов и материалов» (1958 г.), «За власть Советов в Кабарде и Балкарии: Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образование Кабардино-Балкарской автономной области (1917 – 1922 гг.)» (1957 г.).

Их отличительной чертой являлось то, что в них были представлены, в основном, документы, посвященные деятельности большевистской партии по подготовке и проведению революции на Северном Кавказе, роли РКП (б) в Гражданской войне и упрочении советской власти в крае, решении вопросов национальной политики, в частности, создания первых советских автономий народов Северного Кавказа. Их тенденциозность заключается в том, что приводимые в них документы носят в значительной степени апологетический характер по отношению к большевистской партии, односторонне освещают события, имея целью показать решающий, по мнению составителей этих сборников, вклад большевиков, в осуществление на Кавказе революционных перемен, подчеркнуть неизбежность установления в регионе советской власти, положительный характер проводимых большевиками преобразований, в том

числе и в области национально-государственного строительства. В то же время, документы небольшевистского и несоветского происхождения практически не нашли в данных публикациях отражения.

В 1960-е – начале 1970-х гг. возрастает интерес к публикациям документов, посвященных становлению органов советской власти на Северном Кавказе в 1920 - 1921 гг., в частности, деятельности революционных комитетов, становлению советских автономий в крае («Образование Дагестанской АССР (1920 – 1921 гг.): Сборник документов и материалов» (1962 г.), «Революционные Комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (1919 – 1921 гг.). Сборник документов и материалов» (1962 г.), «Революционные комитеты Кабардино-Балкарии и их деятельность по восстановлению и упрочению Советской власти и организации социалистического строительства. Декабрь 1919 г. – июль 1920 г.: Сборник документов и материалов» (1968 г.), «Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 г, - август 1920 г.): Сборник документов и материалов» (1971 г.)). Эти коллекции документов содержат большой и ценный фактический материал, раскрывающий сущность проводимой большевиками национальной политики на Кавказе в начале 1920-х гг., показывающий сложности, с которыми они столкнулись в ходе советского и национально-государственного строительства в крае. В отличие от предшествующего периода, в этих сборниках содержатся некоторые документы и материалы, свидетельствующие о трудностях становления советской власти в крае, недовольстве значительной части населения проводимой большевиками политики, низкой эффективности деятельности ревкомов и Советов в первые годы существования новой власти, что способствует формированию более объективного взгляда на содержание советской национальной политики на Северном Кавказе в 1920 – 1921 гг.

В конце 1960-х – начале 1980-х гг. издаются сборники документов и материалов, посвященные, главным образом, государственному (преимущественно советскому) строительству в крае, расширяется круг

документов, посвященных Гражданской войне в национальных республиках Северного Кавказа, национальному движению кавказских горцев. В частности, в 1977 – 1978 гг. вышел в свет двухтомник, посвященный съездам народов Терека в 1918 г., на которых решались вопросы национально-государственного строительства в Терской области и выбора модели государственности терских народов. В нем были представлены стенограммы протоколов пяти съездов, состоявшихся в январе – декабре 1918 г., приведены принятые резолюции и законодательные акты, ставшие правовой основой Терской Советской республики – одного из первых советских государственных образований на Кавказе. Однако и в выпущенных в это время сборниках практически не содержалось документов, раскрывающих национальную политику Временного правительства, белогвардейских органов власти, национальных правительств на Северном Кавказе.

В какой-то степени этот пробел был устранен в начале 1990-х гг., когда появилась возможность опубликовать ряд новых ценных документов. В 1994 г. вышел сборник документов и материалов под названием «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.), Горская республика (1918 – 1920 гг.): Документы и материалы». В нем были приведены документы, посвященные возникновению и функционированию Союза объединенных горцев в 1917 – 1918 гг., становлению Горской республики, в частности, национальной политике ее лидеров в 1918 – начале 1919 гг., взаимоотношениям их с Советской и «Белой» Россией, что позволяет понять нам получить представление об эволюции горского национального движения на протяжении 1917 – 1920 гг., о той модели государственного устройства, которую пытались реализовать на Северном Кавказе горские национал-демократы в 1918 – 1919 гг., национально-религиозной политике руководства Горской республики – суверенного государства, существовавшего на части территории Северо-Восточного Кавказа в ноябре 1918 – мае 1919 гг.

Однако надо отметить, что полного издания источников по теме национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917 – 1921

гг. нет до сих пор, поэтому возникает необходимость привлечения *архивных (неопубликованных)* исторических источников. Обращение к архивным документам позволяет существенно расширить наше представление как об изучаемой эпохе в целом, так и о процессах национально-государственного строительства на Северном Кавказе в годы революции и Гражданской войны.

В центральных архивах представлены, в основном, материалы, характеризующие политику центральных органов государственной власти на Северном Кавказе, их взаимоотношения с региональными властями и политическими образованиями. Среди наиболее важных собраний документов и материалов, необходимо отметить фонд Р-1779 (Канцелярия Временного правительства) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), фонд Р-1788 (Министерство внутренних дел Временного правительства) этого же архива, которые содержат документы законодательного характера, изданные Временным правительством и посвященные национально-государственному устройству в северокавказских губерниях и областях, преобразованию органов управления и самоуправления на территории казачьих войск, отчеты губернских и областных комиссариатов министру внутренних дел, раскрывающие ход проводимых преобразований, отношение к новым органам государственной власти местных жителей, а также данные о возникновении и функционировании различных национальных общественных организаций, их участии в политической жизни Северного Кавказа и отношении к Временному правительству.

Советская национальная политика на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг. находит отражение в фондах ВЦИК (Р-1235), Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (Р-393) и особенно Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (Р-1318) ГАРФ, содержащего протоколы заседаний Наркомнаца, в частности, Отдела горцев Кавказа и его подотделов, проекты национально-территориальных преобразований на Северном Кавказе, материалы представительств Горской и Дагестанской автономных республик при Наркомнаце. Целый ряд фондов посвящен деятельности органов государственной власти на «белом» Юге, в частности, на Северном Кавказе в 1918 – 1920 гг., когда

этот регион находился под властью генерала А.И. Деникина: фонд Р-115 (Южнорусская конференция по созданию союза государственных образований на Юге России), Р-439 (Особое совещание при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России), Р-446 (Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России), Р-5354 (Управление внутренних дел Особого совещания (до декабря 1919 г.) при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России). В них представлены документы и материалы, посвященные созданию органов государственной власти на Северном Кавказе в период господства белых и их эволюции на протяжении 1918 – 1920 гг., национальной и религиозной политике белогвардейских властей в данном регионе, их взаимоотношениям с казачьим и горским национальными движениями.

Документы и материалы, посвященные белогвардейскому национально-государственному строительству, содержатся и в фонде Р-39779 (Партизанский отряд генерала Бичерахова. 1918-1919) Российского государственного военного архива (РГВА). Они освещают одну из первых попыток создания белогвардейской государственности на Северном Кавказе, предпринятую в августе 1918 г. полковником Л.Ф. Бичераховым, чей проект государственного строительства представлял собой альтернативу деникинскому.

Ценные документальные материалы, раскрывающие роль центральных и местных органов большевистской партии (РСДРП (б)/РКП (б)) в осуществлении национальной политики на Северном Кавказе, проведении национально-государственного строительства, создании советских автономных республик, взаимоотношению партийных и советских органов в 1917 – 1921 гг., взаимодействию партийных организаций с революционными комитетами, Советами, а также иными политическими партиями и движениями находятся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (фонды ЦК КПСС (17), Кавказского бюро ЦК РКП (б) (64), Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б) (65). Представленные в РГАСПИ фонды 80 (Киров С.М.) и 85 (Орджоникидзе Г.К.) содержат документы, посвященные роли С.М. Кирова и Г.К.

Орджоникидзе – видных деятелей большевистской партии, в установлении советской власти на Северном Кавказе, создании Северо-Кавказской Советской республики, организации органов государственной власти в 1920 – 1921 гг., разработке проектов создания Дагестанской и Горской АССР, выработке их Конституций. Фонды 274 (Центральный комитет Партии социалистов-революционеров (эсеров) (1901-1923)) и 354 (Организация «Кермен» (1917 – 1918)) РГАСПИ содержат документы, освещающие участие левых социалистических партий в установлении советской власти на Северном Кавказе в 1917 - 1921 гг., их роль в национально-государственном строительстве в 1918 г., в том числе в создании Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской Советских республик.

В местных архивах представлены документы, в основном имеющие отношение к тому или иному региону, его развитию в годы революции и Гражданской войны, смене власти на протяжении указанного периода. Среди наиболее важных из них следует отметить фонды Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А) Р-1 (Войсковое правительство Терского казачьего войска. 1917-1920), 225 (Караулов Михаил Александрович), содержащие материалы, посвященные созданию государственности терского казачества в 1917 – 1920 гг. и взаимоотношению Терского казачьего войска как отдельной административно-территориальной и политической единицы с органами власти Временного, советского и деникинских правительств; Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) – Р-6 (Канцелярия Совета Кубанского краевого правительства), Р-1542 (Кубанская Законодательная Рада. 1918 – 1920 гг.), в которых содержатся документы высших органов власти казачьей Кубанской Народной республики, раскрывающие национальную политику, проводимую кубанской политической элитой в 1917 – 1920 гг.

Материалы, посвященные горскому национальному движению, в частности, созданию горской национальной государственности в 1917 – 1918 гг., образованию и функционированию Горской республики представлены в фонде Р-

9 ЦГА РСО-А (Временное правительство Союза Объединенных Горцев Северного Кавказа и Дагестана), Р-621 Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) (Правительство республики Союза горских народов Северного Кавказа и Дагестана (горское правительство), г. Темир-Хан-Шура Дагестанской области. 1917-1919 гг.).

В фонде Р-282 (Коллекция документов революционного движения и Гражданской войны на Черноморье) Государственного архива города Сочи (ГАГС) содержатся документы и материалы, посвященные созданию Черноморской Советской Социалистической республики в 1918 г., возникновению и эволюции органов власти белогвардейских администраций Черноморской губернии в 1918 – 1920 гг., а также проектам создания демократической парламентской Черноморской Народной республики, которые разрабатывали местные эсеры – сторонники т.н. «третьего пути» развития российской государственности в годы Гражданской войны.

Становление советской власти в 1920 – 1921 гг., создание и деятельность революционных комитетов и Советов, возникновение автономных советских социалистических республик – Дагестанской и Горской, проведение первых преобразований в сфере государственной национальной политики представлены в документах фондов Р-39 (Владикавказский (Северо-Осетинский) окружной революционный комитет) и Р-41 (Горский Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов) ЦГА РСО-А; фонд Р-4 (Революционные Комитеты Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики, г. Махачкала, 1920-1922 гг.) ЦГА РД; фонд Р-100 (Ставропольский губернский революционный комитет (Губревком). 29 февраля 1920 - 30 марта 1921 гг.) Государственного архива Ставропольского края (ГАСК); фонд Р-158 (Кубано-Черноморский областной революционный комитет. 1920-1921 гг.) ГАКК.

Письменные исторические источники, посвященные национально-государственному строительству на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг., подразделяются на следующие виды: законодательные источники; актовый

материал; делопроизводственные документы; статистические документы; публицистические материалы; периодическая печать; источники личного происхождения (переписка, дневники, мемуары).

Применительно к теме можно выделить *акты законодательных и исполнительных органов государственной власти*: Временного правительства, ВЦИК и СНК Советской России, белогвардейских правительств (они носили различные названия – постановления, указы, декреты, декларации и т.д.), регламентировавшие экономическое, политическое, социальное устройство как России в целом, так и Кавказа в частности, в том числе создание местных органов власти и проведение административно-территориальных преобразований в регионе. Законодательные акты местных, региональных органов существовавших на Северном Кавказе уточняли и детализировали общероссийское законодательство, учитывая местную специфику.

Изучение законодательных источников национально-государственного строительства на Северном Кавказе различного происхождения позволяет нам проследить изменения политического курса центральных и региональных органов власти в решении задач государственной национальной политики в регионе на различных этапах, выяснить политико-правовую сущность тех моделей государственности, которые возникали и функционировали в крае в 1917 – 1921 гг. Среди многочисленных законодательных актов той эпохи следует особо отметить Конституцию РСФСР 1918 г. – Основной закон Советской России, определявший сущность формы государственного правления и государственного устройства России как Советской Федерации, порядок создания органов законодательной, исполнительной и судебной власти как в центре, так и на местах, затрагивающий вопросы административно-территориального устройства Советской России, заложивший правовые основы взаимоотношений местных властей с республиканским центром, ставший источником конституционного права в нашей стране. Положения российской Конституции легли в основу Декларации о создании Дагестанской АССР, принятой в ноябре 1920 г., и Постановлений ВЦИК РСФСР о создании Горской АССР и Дагестанской АССР

от 21 января 1921 г., а также Конституций Горской и Дагестанской АССР, утвержденных в 1921 г. Отличительной чертой российской и местных Конституций является их классовый характер, закрепление на законодательном уровне декларированной после победы Октябрьской революции диктатуры пролетариата, в то же время Конституции северокавказских республик имеют ряд особенностей, обусловленных спецификой региона, учетом практики советского строительства на национальных окраинах государства.

К законодательным актам можно отнести постановления съездов – высших органов представительной власти в регионе, в которых принимали участие представители основных социальных групп населения края. На этих съездах создавались высшие органы управления и самоуправления, определялся порядок их формирования и компетенция, круг лиц, получавших активное и пассивное избирательное права. Кроме того, съезды принимали решения по всем ключевым вопросам, таким как аграрный, рабочий, национальный, выстраивали линию поведения местных властей по отношению к центральной всероссийской власти.

Прежде всего, это съезды Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, постановления которых оказывали большое влияние на политическое развитие отдельных регионов Северного Кавказа в 1917 – 1921 гг. Именно на съездах Советов принимались решения о признании советской власти, провозглашении советских автономных республик на Северном Кавказе, определялся порядок формирования высших и местных органов власти, принцип их функционирования взаимоотношения региональных властей с общероссийскими, регламентировались права и обязанности различных категорий граждан, закладывались основы советской государственности в крае.

Не меньший интерес для исследователя представляют актовые материалы съездов горцев Северного Кавказа в 1917 г., а также национальных съездов, т.е. съездов представителей той или иной этнической группы (чеченцев, ингушей, кабардинцев, дагестанцев, карачаевцев, адыгов, терских и кубанских казаков и т.д.), на которых решался вопрос о создании горской национальной государственности, принятии Конституции Союза объединенных горцев

Северного Кавказа и Дагестана, которая определяла цели и задачи Союза, структуру и функции его руководящих органов, порядок их избрания, определяла права и обязанности местных национальных организаций, создаваемых представителями того или иного этноса и их взаимоотношения с Центральным комитетом Союза.

После окончания активной фазы Гражданской войны в 1920-1921 гг. на съездах и конференциях местных (участковых, окружных, областных) революционных комитетов, сельской и городской бедноты, партийных организаций обсуждались проблемы социально-экономического, национального и политического характера, вырабатывались приоритетные направления внутренней политики, разрабатывались необходимые документы для проведения сплошной советизации, в частности, составлялись правила проведения выборов в Советы и список социальных групп, лишенных избирательного права, определялись структура и функции новых советских органов власти на всех уровнях (сельском, участковом, окружном, областном). Решения о преобразовании административно-территориальных областей в автономные республики принимались на краевых совещаниях партийных организаций Дона и Северного Кавказа, проходивших под председательством главы Северо-Кавказского ревкома Г.К. Орджоникидзе, а закреплялись на съездах трудового населения Дагестана и народов Терека в ноябре 1920 г.

После принятия декретов ВЦИК об образовании Горской и Дагестанской АССР прошли соответствующие съезды Советов. Съезд Советов ГАССР состоялся в апреле 1921 г. во Владикавказе, на нем были определены границы Горской республики, избран ее ЦИК, созданы местные органы власти. I съезд Советов Дагестанской АССР был созван в начале декабря 1921 г. Делегаты одобрили работу Дагестанского ревкома и единогласно приняли Конституцию ДАССР, определявшую место автономной республики в Российской Федерации, строение ее властных органов, их права и обязанности, особенности избирательной системы в регионе.

К актовым источникам относятся также *договоры*, заключаемые между государствами или регионами и определяющие порядок взаимоотношения сторон друг с другом (например, оформляющие военно-политический или экономический союз между ними). Примерами подобных актов могут являться договор о создании Юго-Восточного Союза казачьих войск, горских народов Кавказа и вольных народов степей, оформивший новое политическое объединение, конфедеративное по своей сути, возникшее на Юго-Востоке России накануне Октябрьской революции для борьбы с революционными процессами и нормализации внутривосточной обстановки в крае; договоры, заключенные самопровозглашенной Горской республикой, появившейся в мае 1918 г., с Германией, Османской империей, Грузией, Азербайджаном о дипломатическом признании, союзе и взаимопомощи, оформившие процесс становления нового государства на Северном Кавказе и закреплявшие его статус как суверенной державы.

Для понимания сути процессов национально-государственного строительства в регионе исследователю необходимо привлечение *делопроизводственной документации* – отдельного вида письменных исторических источников. К ним можно отнести протоколы центральных органов государственной власти, занимавшихся решением вопросов национальной политики, в том числе и на Северном Кавказе (Канцелярии и Министерства внутренних дел Временного правительства, ВЦИК и Совнаркома, Народного комиссариата по делам национальностей и Отдела горцев Кавказа при Наркомнаце, Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР и Совета министров и т.д.), съездов различных северокавказских политических и общественных организаций (в отличие, от законодательных источников, которые представляют собой документы, содержащие перечень решений, проводимых в жизнь от имени центральной или местной власти, протоколы дают возможность ознакомиться с ходом дискуссий по тем или иным вопросам национальной политики и государственного строительства, выявить политическую позицию, занимаемую представителями определенных политических партий и групп),

материалы работ различного рода правительственных организаций и учреждений, существовавших в 1917-1921 гг. на территории Северного Кавказа, Временного правительства, «белых» и «красных», а также казачьих и горских.

К этой группе источников можно отнести сохранившиеся документы северокавказских советских учреждений (исполкомов Советов, Центральных исполнительных комитетов Кубанской, Черноморской и Северо-Кавказской Советской Республики, Терского областного Народного Совета и Совнаркома, Северо-Кавказского революционного комитета, Кавказского бюро ЦК РКП (б), местных ревкомов и т.д.), белогвардейской администрации, действовавшей на территории региона в 1918-1920 гг. (канцелярии главноначальствующих и военных губернаторов, правителей Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии и Кабарды и т.д.), «национальных» органов исполнительной, законодательной и судебной власти (Кубанская Краевая и Законодательная Рада и Кубанское краевое правительство, Войсковое правительство Терского казачьего войска, Временное Терско-Дагестанское правительство, Горское правительство и Союзный Меджлис горских народов Северного Кавказа, правительство Северокавказского Эмирата и т.д.).

Они позволяют проследить становление и эволюцию органов государственного управления и самоуправления на Северном Кавказе в 1917 - 1921 гг., проанализировать изменения в подходах к национально-государственному строительству в крае различных политических сил, сменявших у власти друг друга. Кроме того, именно на заседаниях законодательных и исполнительных учреждений тех или иных правительств часто принимались важнейшие решения, касавшиеся внутривластной жизни региона.

К публицистическим материалам можно отнести манифесты, воззвания и обращения к населению различных политических партий и движений, представленных в различных районах края с изложением собственной политической программы, целей и задач своего движения, в том числе в области национальной политики и государственного строительства. Таковы обращения и воззвания ЦК Союза объединенных горцев, различных общественно-

политических организаций, функционировавших на Северном Кавказе, Советов рабочих и солдатских депутатов, Горского правительства, фирманы имама Н. Гоцинского и эмира Узун-Хаджи, возвания Дагестанской социалистической группы к дагестанскому народу, манифесты, возвания и обращения генерала А.И. Деникина и его сподвижников к казакам и горцам, разъяснявшие цели и задачи борьбы Добровольческой армии на Северном Кавказе и др. Они, как правило, построены по сходному типу. Эти документы носят экспрессивный, эмоциональный характер, рассчитанный на привлечение в свои ряды широких масс народа, а также полемический, призванный очернить своих политических противников, сделать их лозунги и идеи как можно более непривлекательными в глазах широких народных масс и, напротив, привлечь симпатии граждан (или отдельных их групп) на свою сторону. Публицистические источники помогают исследователю лучше понять политическую программу, цели и задачи противоборствующих сторон, их видение политического будущего Северного Кавказа.

В ходе исследования были привлечены материалы официальной *периодической печати* того времени. Ценность этого источника заключается в том, что на страницах печатных изданий находили отражение все ключевые события, происходившие на Кавказе, в том числе и изменения административно-территориального и политического положения отдельных его частей. Печатались в газетах и законодательные акты центральных и местных властей, имевшие прямое отношение к национальной политике. В то же время, следует отметить, что этот вид источников – один из наиболее тенденциозных, т.к. задача журналистов в те драматические годы заключалась не столько в том, чтобы донести до читателей объективную информацию (она как раз часто искажалась в угоду политической конъюнктуре, а наряду с событиями, действительно имевшими место быть публиковались различного рода слухи и домыслы), а в том, чтобы сформировать у них определенные политические представления, привлечь на свою сторону, выставить себя в наилучшем свете и очернить политических соперников.

В то же время, подходя к этому источнику осторожно, не следует его недооценивать. Пресса быстро и оперативно отражала происходящие события, являясь настоящей «хроникой» тех времен, на ее страницах находили отражение поступки тех или иных политических деятелей, политических партий и организаций в конкретный момент времени, что позволяет нам проследить эволюцию их взглядов и тактики в динамике, расширить представление о том, как выработывалась государственная национальная политика на Северном Кавказе в то время.

Вся северокавказская пресса того времени может быть распределена по нескольким категориям: центральная и региональная, по месту издания (кубанская, терская, ставропольская, дагестанская, черноморская и т.д.), по национальной принадлежности издателей и аудитории (казачья, горская и т.д.), по организационной принадлежности (печатные издания официальных органов государственной власти, национальных общественных организаций, политических партий, Советов, профсоюзов и т.д.), наконец, по политическим предпочтениям (кадетская, эсеровская, меньшевистская, большевистская и др.). Газетная трибуна использовалась всеми сторонами гражданского конфликта в качестве мощного идеологического оружия в борьбе со своими оппонентами.

Дополняют общую картину происходящего источники личного происхождения – прежде всего, *мемуарные произведения*, т.е. воспоминания, написанные спустя определенный период после произошедших событий. Эти воспоминания могут быть разделены на воспоминания победителей и побежденных; написанные практически сразу после произошедших событий (фактически, «по горячим следам») и спустя значительный промежуток времени после окончания Гражданской войны; изданные в СССР и за границей, а также на мемуары политических деятелей (как общероссийских, так и местных – казачьих, горских и т.д.), принимавших активное участие в революционных событиях и начавшейся Гражданской войне и рядовых участников тех событий, вынужденных принять ту или иную сторону в развернувшемся противостоянии. Это деление, соответственно, накладывает определенный отпечаток на стиль и

характер изложения материала, особенности интерпретации исторических событий и места автора в них.

Специфика источников личного происхождения заключается в их тенденциозности, обусловленная, как правило, личной позицией их авторов, а также официальной точкой зрения государственных органов на происходившие в стране события (в наибольшей степени это относится к тем мемуарам, которые выходили в Советском Союзе), но также и тем временным промежутком, который отделяет исторические события, в которых доводилось участвовать мемуаристу, от времени написания воспоминаний, что предполагает умолчания или искажения исторических фактов и событий, одностороннюю оценку при их анализе.

Воспоминания победителей принадлежат большевикам, принимавшим участие в Гражданской войне. Часто выпускались сборники коллективных воспоминаний, таких, как «Борьба за власть Советов в Дагестане. Сборник воспоминаний участников» (Махачкала, 1957 г.), «В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников боев в Чечено-Ингушетии» (Грозный, 1970 г.) и др. Реже выпускались воспоминания отдельных участников событий. Разумеется, они тоже были несвободны от цензурных запретов, поэтому мы должны критически подходить к их анализу. Кроме того, большинство воспоминаний, как правило, не дают сколько-нибудь существенного приращения сведений по теме. Но есть и исключения.

Так, можно выделить мемуары видного участника Гражданской войны, члена Дагестанского обкома РКП(б) А. Далгат «В огне революции. Воспоминания». В них содержатся интересные сведения о национальном движении горцев Дагестана, о партийно-политической борьбе того времени, о взаимоотношении дагестанских социалистов и русских большевиков, о совместной борьбе с деникинцами. В целом, автор показывает ведущую роль дагестанских большевиков, особенно У. Буйнакского и Д. Коркмасова в борьбе за победу Советской власти. Интересны и воспоминания О. Османова «Борьба горцев Дагестана против Деникина», помещенные в сборнике «Борьба за власть

Советов в Дагестане. Сборник воспоминаний участников». О. Османов – человек, получивший религиозное, духовное образование, примкнувший впоследствии к леводемократическому лагерю горского национального движения, один из организаторов антиденикинского восстания в августе 1919 г. и начальник штаба повстанцев. Написанные в пробольшевистском ключе, они, тем не менее, дают интересные сведения о борьбе различных политических сил внутри Совета обороны Дагестана, о позиции ряда духовных вождей горцев, сообщают ценные данные о взаимоотношении Совета обороны Дагестана с правительствами Азербайджана и Грузии и о роли этих стран в антиденикинской борьбе.

В воспоминаниях адъютанта командующего Терской областной группой красных повстанческих войск Н.Ф. Гикало А.Н. Попова «Революционная Чечня в огне сражений», появившихся в 1973 г., много внимания уделяется созданию и функционированию Советской власти в Грозном и на территории Чечни в 1918 г., взаимоотношению большевиков с чеченскими националистами. Автор подробно останавливается на истории возникновения и развития исламистского государства, созданного Узун-Хаджи на Северо-Восточном Кавказе в 1919 г. Показывая особенности функционирования всей государственной системы Эмирата, ее эволюцию, автор приходит к выводу о неизбежности падения этого анахроничного обломка средневековья, пережившего свое время, вскрывает утопичность попыток исламистов, не имевших никакого опыта государственного управления, создать дееспособное государство под протекторатом доживавшей последние годы Османской империи.

К воспоминаниям побежденных можно отнести воспоминания лидеров горских националистов, таких, как Г. Бамматов – бывший министр иностранных дел Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана («Кавказ и русская революция. Исторический обзор»), П. Коцев – премьер-министр Горской Республики («Свобода не дается без жертв. Из истории Горской республики»), В.-Г. Джабагиев – председатель Ингушского национального Совета, а впоследствии министр финансов Горской республики («Революция и гражданская война на Северном Кавказе»), написанные в эмиграции в 1920-1930-х гг. и

опубликованные в РФ в журнале «Наш Дагестан» уже в 1990-е гг. В своих мемуарных очерках они прослеживают эволюцию горского национального движения в годы революции и Гражданской войны, освещают историю создания и функционирования Союза объединенных горцев Северного Кавказа, преобразование Союза в Горское правительство, становление парламентской демократической Горской республики. Их объединяют неприязнь и к белым, и к красным, стремление показать большевиков и деникинцев узурпаторами, устанавливавшими свою власть на Кавказе исключительно силой оружия, а проводимую ими национальную политику – авантюристической, не учитывающей особенности региона, традиции горцев. Напротив, Горскую республику они считали состоявшимся и жизнеспособным государством, пользующимся поддержкой большей части горцев, высоко отзывались о ее руководстве и тех принципах, которые были положены в основу этой государственной модели.

Из воспоминаний белых, принимавших участие в Гражданской войне на Кавказе, следует выделить «Очерки русской смуты» бывшего Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России А.И. Деникина, созданные им в эмиграции во Франции, а также мемуары офицеров и генералов ВСЮР (П.Н. Шатилов, А.Г. Шкуро), принимавших участие в боях на Кавказе с красными и горскими националистами. Эти произведения характеризует убежденность в правоте Белого движения, выступавшего под лозунгом Единой и неделимой России, оправдания своей политики на Кавказе, объяснение неудач преимущественно влиянием внешних факторов. В то же время, Главнокомандующий ВСЮР вынужден был признать и ошибки белогвардейского командования, которое не смогло заручиться поддержкой крестьянства, моральное разложение некоторых воинских частей Добровольческой армии, грабивших мирное население, что приводило к падению популярности белых.

Национальное движение терского и кубанского казачества, особенности восприятия казаками Февральской и Октябрьской революций, их попытки создания собственной государственности, сложные, противоречивые и драматические взаимоотношения как с Советской властью, так и с деникинцами,

нашли свое отражение в воспоминаниях Войсковых атаманов Терского и Кубанского казачьих войск Г.А. Вдовенко и А.П. Филимонова. Бывшие атаманы стремились, естественно, показать, что казаки вовсе не были сепаратистами, они не вынашивали планов отделения своих областей от России и создания независимого государства, напротив, они ставили своей целью преобразование России на демократических, федеративных началах, ратовали за упрочение местного самоуправления. В то же время Филимонов подчеркивает, что казачье национальное движение было неоднородным, Кубанская Рада, раздираемая межфракционной борьбой, так и не смогла стать авторитетным властным центром для всей Кубани, краевое правительство оказалось бессильным примирить враждующие группировки, а Войсковой Атаман не имел достаточных полномочий для урегулирования острейшего политического кризиса, разразившегося осенью 1919 г., поэтому попытка реализации демократической модели государственности в регионе и потерпела крах: сначала командование ВСЮР по прямому приказу А.И. Деникина совершило государственный переворот на Кубани, а потом в край пришли большевики, установившие авторитарную диктатуру.

В целом материалы личного происхождения использованы как вспомогательный, достаточно тенденциозный, но ценный в определенных отношениях источник.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в целом источниковая база, которая имеется в распоряжении исследователя и послужила основой для диссертации, дает возможность в полном объеме осветить проблему национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг. Взятые в совокупности все письменные исторические источники, как опубликованные, так и архивные, дают достаточно полное представление о событиях, происходивших в северокавказском регионе в данный исторический период, позволяют понять суть процессов национально-государственного строительства на Кавказе в 1917 – 1921 гг., выявить и исследовать основные модели государственности, существовавшие в регионе в указанный промежуток времени, проследить их

эволюцию и взаимоотношения друг с другом, понять причину краха большинства из них. Кроме того, изучение исторических источников по теме диссертации позволяет комплексно рассмотреть и проанализировать национальную политику российских властей в 1917 – 1921 гг., определив ее особенности и приоритеты на различных этапах исторического развития России в данный период.

Анализ историографии

Историография данной темы весьма обширна. Тематика Гражданской войны, национально-государственного строительства в России после свержения монархии, становления советской власти в центре и на окраинах государства всегда привлекала внимание исследователей. Следует отметить, что национальный вопрос и проблема самоопределения наций становятся объектом пристального изучения советских историков после 1931 г., когда Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И.В. Сталин в письме «О некоторых вопросах истории большевизма» отнес их к перечню «теоретических проблем, нуждавшихся в углубленном изучении». Однако национальная проблематика освещалась лишь в русле важнейших социально-экономических преобразований советской власти⁸, в научной среде основные усилия сосредотачивались на анализе классовой сущности революционных преобразований на Северном Кавказе.

В целом, в развитии историографии можно выделить несколько периодов:

1). 1920 - 1-я половина 1930-х гг. – период становления и развития историографической традиции, отличавшийся тем, что авторами некоторых монографий были люди, непосредственно делавшие в регионе революцию, принимавшие участие в Гражданской войне и Советском строительстве, поэтому в основе многих исследований лежали личные воспоминания. И все же это не

⁸ Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917 – 1937 гг.: проблемы историографии. М.: Изд-во МГОУ, 2003. С. 14.

мемуары, а именно научные монографии. Кроме того, цензура еще не была слишком сильна, поэтому исследования носили довольно демократический характер.

В это время в историографии отмечается сильное влияние т.н. теории «единого потока», которая в той или иной степени разделялась как советскими, так и зарубежными кавказоведами. Суть этой теории заключалась в отрицании или, по крайней мере, затушевывании классового расслоения и, соответственно, классовой борьбы среди горцев и, отчасти, казаков. На первый план выдвигались межнациональные противоречия и национальные движения, национальная борьба считалась лейтмотивом Гражданской войны в регионе. Следовательно, и горцы, и противостоявшие им казаки представлялись единой массой, имевшей коллективные интересы и выступавшей единой силой, своеобразным «единым потоком», революционным или контрреволюционным.

Положительной стороной исследований этого периода явилось введение в научный оборот большого конкретно-исторического материала. В центре внимания историков находились разнообразные вопросы, начиная от социально-экономического положения трудящихся Северного Кавказа накануне 1917 г. и заканчивая особенностями восприятия различными этническими группами происходивших в то время событий. В то же время следует отметить, что внимание историков сосредоточивалось, в основном, на описании процессов революционной борьбы в отдельных северокавказских регионах. Обобщающих работ, раскрывающих содержание и смысл национальной политики на Кавказе в 1917 – 1921 гг., посвященной проблемам национально-государственного строительства в крае практически не появлялось. Можно согласиться с Т.П. Хлыниной, изучавшей историографию данной темы, что в тот исторический период наряду с теорией «единого потока» преобладала т.н. «национально-региональная точка зрения на природу и содержание процессов становления автономных государственных образований на Северном Кавказе»⁹

⁹ Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности... С. 15.

Так, в двухтомной работе Н.Л. Янчевского «Гражданская борьба на Северном Кавказе» (1927 год) утверждается, что «Гражданская война противопоставила все горское население всему казачьему»¹⁰. Наиболее остро национальный вопрос, по мнению исследователя, стоял в Терской области, причиной чего помимо земельных противоречий являлось распространение идеологии панисламизма и пантюркизма, противопоставлявших всех мусульман немусульманам. Национальный вопрос оказывал влияние и на политику терских большевиков, и на систему власти на Тереке, которая установилась в 1918 г.¹¹ В то же время недостаточное внимание к национальному вопросу на Кубани привело к тому, что черкесское крестьянство поддержало белогвардейцев. Говоря о природе советской власти, исследователь отмечает, что она в 1918 г. не представляла собой диктатуру пролетариата, а создание советских республик в этом году объясняется им необходимостью решения сложных классовых и военных задач¹². Н.Л. Янчевский полагает, что только Терская республика являлась автономией с отчетливо выраженным национальным характером, в то время как остальные строились по территориальному принципу.

Х. Ошаев в «Кратком очерке начала революционного движения в Чечне» (1928 год) отмечает, что «В Чечне, скованной родовыми узами, не было движения классового порядка». На первом этапе шла типичная русско-горская война, которая затем, под влиянием настойчивой пропаганды и агитации большевиков перешла в революционную войну горцев и русского пролетариата против белогвардейцев¹³.

В том же году в журнале «Революционный Восток» появляется статья Д. Гатуева «Империя» Узуна-Хаджи. Подобно своим предшественникам, Гатуев изображает Чечню «страной классического родового строя», отмечает, что чеченский народ находился на «доклассовой, патриархально-родовой стадии

¹⁰ Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. С. 52.

¹¹ Там же. С. 140.

¹² Там же. Т. 2. С. 3.

¹³ Ошаев Х. Краткий очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1928. С. 16.

развития»¹⁴. Огромная роль религии, эгалитарная пропаганда Узун-Хаджи, память об Имамате Шамиля – все это предопределило успех исламистского движения в горной Чечне и позволило Узун-Хаджи создать Эмират. В то же время попытки новоявленного эмира ввести сословный строй, ликвидировать адаты горцев, жестко регламентировать всю жизнь чеченцев, привели к тому, что чеченцы в итоге отвернулись от идеи монархии¹⁵.

Некоторые исследователи, впрочем, несколько отходили от этой схемы, но влияние теории «единого потока» сказывалось и в их работах. Так, в книге Н. Самурского (Эфендиева) «Гражданская война в Дагестане» (1925 г.) делается попытка провести классовый анализ горского общества, показать место каждого сословия и класса в Гражданской войне. Тем не менее, автор отмечает, что во главу угла горец всегда ставил национально-религиозные и, в особенности, родовые, а не личные интересы, а значительная часть дагестанского крестьянства в войне поддерживала свое духовенство и дворянство, видя в нем высший авторитет. В 1927 г. выходит в свет книга известного политического деятеля Алибека Тахо – Годи «Революция и контр-революция в Дагестане», также написанная под заметным влиянием теории «единого потока». Горскую массу Тахо-Годи представляет единой силой, противостоящей чуждому влиянию городов и русификации¹⁶. Национальный фактор выдвигается им в число наиболее значимых, так же, как и религиозный. В то же время автор подчеркивает и сословно-классовые противоречия в Дагестане, отмечает контрреволюционность дворянства и стихийную революционность масс.

А.Г. Авторханов в книге «Революция и контрреволюция в Чечне», вышедшей в Грозном в 1933 г., несмотря на отмечаемую социальную дифференциацию в чеченском ауле накануне революции и указание, что «не национальная, а классовая борьба являлась стержнем событий. Горец боролся не

¹⁴ Гатуев Дз. «Империя» Узун-Хаджи // Революционный Восток. 1928. №4-5. С. 264.

¹⁵ Там же. С. 265.

¹⁶ Тахо-Годи А.А. Революция и контр-революция в Дагестане. Махачкала: Дагестанское гос. изд, 1927. С. 5.

вообще против русского, а против казака-захватчика его родовой земли»¹⁷, фактически солидаризируется с теорией «единого потока». Так, все казачество произвольно названо реакционной массой, «авангардом царской государственности», а горцы рисуются единой революционной массой¹⁸. Примечательно, что к «революционному потоку» с некоторыми оговорками отнесено и исламистское по своей сути движение Узун-Хаджи, а о чеченских национальных деятелях, поддерживающих Деникина говорится лишь вскользь, мельком.

В 1920-е гг. появляются работы, посвященные Гражданской войне на Ставрополье и Кубани, в которых затрагиваются также вопросы национально-государственного строительства в этих регионах. В 1923 г. была опубликована книга Г. Ладохи «Очерки гражданской борьбы на Кубани», в которых нашли отражение события национально-государственного строительства в области после Февральской революции. Несмотря на признание фактов социального расслоения среди казаков, Г. Ладоха, оставаясь в русле теории «единого потока», склонен был считать казачество контрреволюционной силой, а главный конфликт видел в аграрном противостоянии зажиточного казачества и малоземельного иногороднего крестьянства, которое поддержало большевиков.

Я.Н. Раенко-Туранский, изучавший становление советской власти в Адыгее, отмечал активную позицию советской власти в формировании основ органов национального управления в горских районах Кубанской области. Однако сами адыги были слабо вовлечены в процесс революционных преобразований, что историк объяснял чуждостью горскому сознанию требований классовой борьбы, длительным отсутствием в среде национальной интеллигенции требований политического самоопределения.

В 1927-1930 гг. выходит в свет капитальная двухтомная работа И. Борисенко – участника Гражданской войны и советского строительства на Северном Кавказе - «Советские республики на Северном Кавказе», посвященная

¹⁷Авторханов А.Г. Революция и контрреволюция в Чечне: Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Грозный: Чеченское национальное издательство, 1933 г. С. 45.

¹⁸ Там же. С. 90.

национально-государственному строительству в регионе и политическому развитию четырех советских республик, образовавшихся в результате победы сторонников Октябрьской революции в начале 1918 г. – Донской, Ставропольской, Терской и Кубано-Черноморской, а также Северо-Кавказской Республике, образовавшейся в переломный момент их развития в результате объединения последних трех республик. И. Борисенко полагает, что создание этих республик, возникших не по национальному, а по административно-территориальному принципу и представлявшее собой не столько реализацию права наций на самоопределение, сколько во многом стихийное желание трудящихся «повысить» статус своих губерний и областей до республиканского уровня, было своего рода ответом населения на централизаторские устремления самодержавного режима, ограничивавшего развитие там местного самоуправления.

По мнению историка, необходимость создания Кубано-Черноморской республики диктовалась экономическими и военными соображениями, т.к. Кубанская область и Черноморская губерния, где установилась советская власть, столкнулись с сильным сопротивлением контрреволюционеров и должны были координировать свои усилия в борьбе с ними. Основной целью практической деятельности ее руководства являлась организация централизованного единого руководства для успешного преодоления всех препятствий, стоящих на пути выполнения очередных задач советской власти¹⁹.

Наибольшие трудности советское строительство, по мнению автора, встретило на Тереке в связи с остротой и запутанностью аграрных отношений. Необходимость ликвидации угрозы межнациональной войны в начале 1918 г. привела к созданию Терского Народного Совета, сосредоточившего всю полноту власти в своих руках, который рассматривался большевиками в качестве временной альтернативы Совнаркому, как орган, «способный объединить

¹⁹ Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Т. 1. Ростов н/Д.: «Северный Кавказ», 1930. С. 183.

демократию Терской области и явиться авторитетным в низах масс населения без различия сословий и национальностей»²⁰.

Второй период развития историографии национально-государственного строительства на Северном Кавказе в годы революции и Гражданской войны охватывает временной промежуток со **2-й половины 1930-х по 1-ю половину 1950-х годов**. В это время многие видные партийно-государственные деятели были репрессированы, что, конечно же, наложило отпечаток на историографию. Теория «единого потока» уже не могла устроить укрепившийся сталинский режим, утверждавший примат лишь одной идеологии и нетерпимо относившийся к другим точкам зрения. К тому же, эта теория активно пропагандировалась горскими эмигрантами, которые стремились показать, что классовая борьба искусственно разжигалась коммунистами, а большевистский режим, абсолютно чуждый горцам, был принесен на штыках Красной Армии.

Поэтому в 1934 г. в журнале «Историк-марксист» появляется статья Н.Г. Буркина «Правильно освещать историю Гражданской войны на Северном Кавказе». Статья посвящена уничтожающей критике теории «единого потока» и, по большому счету, всей предшествующей историографии. Теория «единого потока» объявлена «буржуазной лжетеорией, созданной врагами Советской власти для дискредитации большевистской партии и социалистического строительства»²¹. Буркин утверждает, что говорить о «единой горской массе» нельзя, т.к. ее, по мысли автора, в 1917 г. уже не было. Эксплуататорская верхушка казаков и горцев выступала под националистическими лозунгами, а беднота шла под знаменем социализма. Таким образом, несмотря на попытки националистических верхов разжечь межнациональную рознь, на Кавказе, как и во всей России, шла классовая борьба²². Внимание исследователей перемещается на изучение роли большевистской партии по превращению национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа в надежного союзника

²⁰ Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Т. 2. Ростов н/Д.: «Северный Кавказ», 1930. С. 55.

²¹ Буркин Н.Г. Правильно освещать историю Гражданской войны на Северном Кавказе // Историк-марксист. М., 1934. №2. С. 70.

²² Там же. С. 75.

российского пролетариата и выявление созвучности целей социалистической революции и революционного движения горцев.

К концу 1930-х гг. фактически была сформирована новая концепция истории революции и Гражданской войны в регионе. В работах И.Э. Разгона «Борьба за власть Советов в Дагестане (1917-1921гг.)» (1945 г.), Г.А. Кокиева «Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917 – 1921)» (Нальчик, 1946 г.), А.Т. Джикаевой «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Северной Осетии в 1917 – 1921 гг.» (1949 г.), Н.П. Эмирова «Посланцы Сталина в боях за Советский Дагестан»(1946 г.), «Установление Советской власти в Дагестане и борьба германо-турецкими интервентами» (1949 г.) и др. присутствует ряд характерных для произведений этой эпохи черт.

Так, И.Э. Разгон, один из самых видных представителей историографии Гражданской войны на Северном Кавказе в те годы, в своих исследованиях основное внимание уделял раскрытию роли большевистской партии в борьбе за превращение национально-освободительного движения горских народов в союзника российского пролетариата, которая столкнулась с большими трудностями вследствие непонимания большей частью горского населения задач и методов советского строительства. Впрочем, И.Э. Разгон главную причину подобного «непонимания» усматривает в основном лишь в дезорганизаторской роли руководства Союза объединенных горцев и лидеров буржуазно-националистической Горской республики.

Вслед за И.Э. Разгоном, исследователи отмечали, что решающую роль в организации и сплочении революционных сил на Северном Кавказе сыграли именно большевистские организации, куда входили также революционеры из числа горцев. Именно большевики, руководимые В.И. Лениным, И.В. Сталиным и их сподвижниками (С.М. Кировым, Г.К. Орджоникидзе и др.) внесли главный вклад в создание советских автономных национально-государственных образований в крае, при этом в качестве базы революции на Кавказе назывались эксплуатируемые крестьянские массы, для которых «идеи советской власти и

социалистической революции были близки и понятны»²³, а решающим фактором развертывания национально-освободительного движения – большевистский лозунг о праве наций на самоопределение.

В исследованиях, вышедших в указанный период, содержались отдельные положительные аспекты, носившие, однако, количественный характер. Была значительно расширена база источников, что позволило более подробно осветить многие события, в частности, деятельность антибольшевистских организаций, большое место было уделено турецкой и английской интервенциям, планам этих держав на Кавказе. Но слишком резкая идеологизированность и политизированность выводов, безусловно, снижали эти достижения. Кроме того, проблемам собственно национально-государственного строительства в регионе уделялось недостаточно места. Основное внимание историков было сосредоточено на освещении классовой борьбы на Северном Кавказе и вооруженного противостояния сторонников советской власти с силами местной контрреволюции (к ней причислялись и белогвардейцы, и местные националисты, между которыми не проводилось большого различия) и иностранными интервентами. Созданию и функционированию несоветских государственных образований не придавалось большого значения. Наконец, многие исторические факты искажались в угоду политической конъюнктуре, оценки тех или иных событий, движений, организаций и исторических лиц носили тенденциозный характер, что резко снижает научную ценность исторических трудов, публиковавшихся на данном этапе развития историографии.

3). Середина 1950-х – 1980-е годы – т.е. период, наступивший после XX съезда КПСС и критики «культы личности». Историки отступают от одиозных, крайне субъективных оценок и догм, господствовавших в предшествующем периоде. Появились возможности для создания более объективных научных исследований. Наконец, в отличие от предшествовавших этапов, историки, занимавшиеся Гражданской войной на Северном Кавказе, уделяют значительное внимание детальной разработке вопросов национально-государственного

²³ Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию Советской Адыгеи. 1922 – 1947. Майкоп, 1947. С. 42.

строительства в регионе в 1917 – 1921 гг., образованию и развитию советских национальных автономий, теоретическому обоснованию их правовой и социальной природы. Происходит становление региональных научных центров, растет внимание историков к поискам особенностей революции и хода государственного строительства в отдельных частях северокавказского края. Революционное движение на национальных окраинах России рассматривалось историками как составная часть российского революционного движения в целом, находившееся под влиянием революционной борьбы пролетариата крупных промышленных центров России. Уделяя пристальное внимание становлению местного, кавказского пролетариата, его роли в революциях и Гражданской войне, исследователи, признавая его малочисленность, отмечали, что «пролетариат центра играл роль гегемона по отношению к трудящимся национальных окраин, вел их за собой»²⁴.

В развитии национально-освободительного движения горцев Кавказа (которое признавалось составной частью национально-освободительного движения угнетенных народов Российской империи и рассматривалось как прогрессивное явление) выделялось два этапа. На первом, в марте – октябре 1917 г. руководящую роль в нем пытались захватить мелкобуржуазные и помещичье-клерикальные верхи, пользовавшиеся, по мнению ученых, поддержкой буржуазного Временного правительства. На втором этапе, с октября 1917 г., в связи с укреплением большевистских организаций, возрастает их влияние на массы. Большевикам удалось предотвратить обострение межнациональных отношений в крае (в чем были заинтересованы контрреволюционеры) и сплотить трудящихся всех национальностей²⁵.

Эти положения нашли свое отражение в трудах И.В. Королькова «Борьба за власть Советов на Северном Кавказе» (1962 г.), М.А. Магомедова «Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция» (1980 г.), Ш.М. Магомедова «Северный Кавказ в трех революциях» (1986 г.), Д.А. Напсо «Создание

²⁴ Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях. М.: Наука, 1986. С. 190.

²⁵ Там же. С. 194.

национальной государственности народов Северного Кавказа – торжество ленинской национальной политики самоопределения народов» (1970 г.), С.Э. Эбзеевой «Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа» (1976 г.) и др.

В то же время, предметом анализа служила национальная политика именно советского правительства и история советских административно-территориальных образований в крае в 1918 и 1920-1921 гг., а несоветские государственные объединения описывались схематично, обозначались как «буржуазные» по своей сути, не пользовавшиеся поддержкой народных масс.

Национально-государственное строительство на Кавказе в годы Гражданской войны также изучалось в русле тенденций национально-государственного строительства в Советской России. Так, О.И. Чистяков отмечал, что развитие советской национальной государственности в тот период приняло форму создания в западных и южных районах страны «независимых советских социалистических республик и строительство автономных образований внутри РСФСР»²⁶. В этот период среди советских ученых разворачивается дискуссия об определении начального периода советского национально-государственного строительства на Северном Кавказе. В научном сообществе утверждаются две точки зрения на эту проблему. Согласно одной из них, началом советской национальной государственности в регионе следовало считать Терскую Советскую (Народную) республику, возникшую в марте 1918 г. на II съезде народов Терека в Пятигорске, что способствовало возрастанию интереса ученых именно к этому государственному образованию. Другие исследователи относили эти процессы к началу 1921 г., рассматривая в качестве первой формы национальной государственности горских народов Кавказа национальные округа Горской АССР, оформившейся в январе – апреле 1921 г.

Первую точку зрения разделял, например, Р.С. Мулукаев, который считал Терскую Народную республику наиболее целесообразной формой национально-

²⁶ Чистяков О.И. Национально-государственное строительство в РСФСР в годы Гражданской войны (1917 – 1920 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. С. 5.

государственного устройства горских народов Терека в тех конкретно-исторических условиях, способной помочь им преодолеть социально-экономическую и культурную отсталость, отразить натиск контрреволюции. Мулукаев отмечал, что республика была образована без непосредственного участия государственных органов РСФСР и не получила законодательного закрепления с их стороны, однако «явилась началом развития советской государственности горских народов Северного Кавказа, единой и общей для всех них, получившей свое более четкое и определенное выражение впоследствии, в период существования Горской АССР»²⁷.

Его поддержал Ю.И. Кониев, считавший провозглашение Терской республики «началом развития национальной государственности народов Северного Кавказа». Он аргументирует свое мнение указанием на то, что округа Терской республики являлись не обычными административными единицами, а строились по национально-территориальному признаку и решали национальные задачи. Организационная структура высших органов власти на Тереке также отражала национальные начала в государственно-правовой сущности автономии. Однако в силу сложившихся обстоятельств, «национальное начало не получило в республике должного развития, а национальные формы государственности не раскрылись полностью», тем не менее, она явилась «первой формой коллективной межнациональной автономии» на Северном Кавказе²⁸.

Д.З. Корнев, также разделявший эту точку зрения, уточнял, однако, что по форме государственного устройства Терская республика в 1918 г. являла собой тип демократической республики, а вовсе не государства диктатуры пролетариата, имея мало общего с программными установками большевиков. Автор связывал это с особенностями возникновения и функционирования этой республики, главная задача которой заключалась в недопущении межнациональной войны на Кавказе и упрочении советской власти в

²⁷ Мулукаев Р.С. Из истории Терской Автономной Советской Республики (март 1918 – февраль 1919 г.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XXI. Вып. 1. 1956. С. 23.

²⁸ Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. Орджоникидзе: Ир, 1973. С. 49 – 50.

многонациональном регионе, оторванностью от Центральной России, малочисленностью большевистских организаций²⁹.

О.И. Чистяков, изучая историю создания и развития первых советских автономных республик в составе РСФСР на Северном Кавказе в 1918 г., пришел к выводу, что они не выдержали испытания временем, т.к. «не вполне соответствовали национально-территориальному принципу, лежащему в основе построения советского государства»³⁰, к тому же их существование оказалось недостаточно оформленным в правовом отношении, что привело впоследствии большевиков к необходимости скорректировать свою национальную политику применительно к Северному Кавказу и приступить к национально-государственному строительству в регионе в 1920 – 1921 гг. на несколько иных основаниях.

В то же время А.М. Бугаев полагал, что только с провозглашением советской власти на Тереке в 1920 г. следует говорить о планомерном развертывании на Северном Кавказе национально-государственного строительства. Этот процесс, по его мнению, был обусловлен «инициативой снизу, т.е. она исходила от самих трудовых народов»³¹, в то время, как Терская республика представляла собой унитарное многонациональное государство с автономией всех ее административно-территориальных подразделений – округов и отделов³².

А.А. Сенцов считал, что государственно-правовая природа советских республик, возникших на Северном Кавказе в 1918 г., была различной. Кубанская Советская республика не являлась национальной автономией, возникновение ее было обусловлено изолированностью революционных сил Кубанской области от центра страны. Не имели национального характера и Кубано-Черноморская, и Северо-Кавказская советские республики, созданные для отражения внешней

²⁹ Корнев Д.З. Революция на Тереке 1917-1918. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 69.

³⁰ Чистяков О.И. Становление Российской Федерации (1917 – 1922 гг.). М.: Изд. Московского ун-та, 1966. С. 5.

³¹ Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917 – 1936 гг. Историкографический обзор // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1976. С. 134.

³² Там же. С. 129.

опасности со стороны белогвардейцев и интервентов и строившиеся по административно-территориальному признаку. Терская республика была создана с целью прекращения межнациональной войны, поэтому она имела некоторые черты национальной автономии, которые, однако, не являлись доминирующими. Не считая эти республики началом советской национальной государственности на Кавказе, историк полагал, что их значение заключалось в обеспечении учета местных особенностей в расстановке классовых сил, помощи в создании органов советской власти на местах³³.

В начале 1980-х гг. в связи со стремлением примирить две точки зрения на начало советского национально-государственного строительства на Кавказе появляется новый термин – советская национально-областная автономия народов Северного Кавказа, применяемый, в основном, к Терской Советской республике³⁴.

Обращаясь к теме советского национально-государственного строительства на Северном Кавказе после окончательного установления в крае советской власти в 1920 г., историки уделяли большое внимание возникновению Горской АССР, пытаясь определить причины, лежащие в основе создания этой республики, обозначить ее место и роль в системе советских государственных образований того времени. Р.С. Мулукаев, считавшей Горскую республику преемницей Терской, характеризовал ее как многонациональную республику всех трудящихся горцев³⁵. В качестве предпосылок ее создания он называл укрепление дружбы и сотрудничества между горскими народами, близость быта, обычаев и традиций, возможность концентрации хозяйственных ресурсов, отсутствие достаточного количества местных советских и партийных кадров в то время. По его мнению, Горская республика являлась субъектом Российской Федерации «на правах политической автономии, т.е. такой автономии, которая основана на диктатуре

³³ Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности... С. 47.

³⁴ Хмелевский К.А. Из истории советских республик на Дону и Северном Кавказе в 1918 г. // Советы в национальных районах России. 1917 – 1922. Сборник статей. Рига: Зинатне, 1985. С. 113.

³⁵ Мулукаев Р.С. К истории ГССР // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1957. Т. XX. С. 9.

пролетариата в форме советской власти и автономность которой распространяется как на законодательство, так и на управление»³⁶.

Однако некоторая часть историков полагала, что в основе создания Горской АССР лежали, прежде всего, внешнеполитические и военные факторы – необходимость изоляции горской контрреволюции, пользовавшейся поддержкой меньшевистской Грузии и обвинявшей советское правительство в подавлении горского национального движения. Создаваемая ГАССР противопоставлялась «буржуазной» Горской республике и служила доказательством готовности большевиков воссоздать горскую национальную государственность³⁷. По их мнению, необходимость скорейшей ликвидации горской контрреволюции придавало республике в значительной степени «пропагандистский» характер. Эта точка зрения не получила, однако, большого распространения. Большинство советских историков видело в создании ГАССР отражение потребности советской власти в концентрации хозяйственных ресурсов народов Северного Кавказа в одном центре, что должно было способствовать преодолению их социально-экономической отсталости.

Ю.И. Кониев считал, что создание Горской АССР было вызвано необходимостью укрепления советской власти, вовлечения горцев в управление государством, приближения к ним государственного аппарата, разрешения земельного вопроса, ускорения развития экономики края. Он полагал, что ГАССР являлась советским национальным государством горских народов Кавказа, а ее национальные округа олицетворяли национальную форму советской государственности горских народов³⁸.

А.М. Бугаев видел в ГАССР «не союз национальных республик, а союз национальных интересов и форпост советской власти на Тереке», считая, что провозглашение Горской республики представляло политически необходимый

³⁶ Мулукаев Р.С. К истории ГССР. С. 16.

³⁷ Масаев Ш.Х. Ленинская национальная политика и создание автономной Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961. С. 64.

³⁸ Автономия народов Северного Кавказа. С. 45, 47.

шаг в условиях неоконченной борьбы за советскую власть в крае³⁹. Впоследствии Ю.И. Кониев и О.И. Чистяков полагали, что основное значение Горской АССР состояло в разрешении остро стоявшего земельного вопроса на Тереке, считая ее, в связи с этим, в большой степени искусственным государственным образованием, не выдержавшим испытания временем. Напротив, Х.М. Бербеков, Р.С. Мулукаев, Ф.И. Врублевский подчеркивали, что Горская республика, являясь коллективной формой автономии горских народов, сыграла решающую роль в поднятии производительных сил и устранении национальных трений на Северном Кавказе.

А.Х. Даудов усматривал в создании Горской республики, наряду с существованием объективных предпосылок формирования единой советской национальной государственности горских народов, результат поиска наиболее целесообразной формы национально-государственного устройства горских масс, в связи с чем, по его словам, эта республика имела подвижный характер, неоднократно меняла свои границы, учитывая конкретную обстановку и очередные задачи советского строительства в крае⁴⁰.

Большой вклад в изучение проблем создания основ советской государственности на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. внес советский историк Н.Ф. Бугай. В своих монографиях и статьях, посвященных деятельности чрезвычайных органов управления, существовавших в регионе в 1920 – 1921 гг., он показывает причины создания ревкомов как несущего звена всей системы чрезвычайного управления на Северном Кавказе в 1920 г., особенности их формирования и структуры, подчеркивая, что, хотя в своей работе они и руководствовались советским законодательством и Конституцией, тем не менее, в их деятельности проявлялись и специфические черты, обусловленные пестрым этноконфессиональным составом населения региона и сложной внутривластной ситуацией, требовавшей от кавказских большевиков учета

³⁹ Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. С. 138.

⁴⁰ Даудов А.Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920 – 1921 гг. (Проблемы национально-государственного строительства): дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02. Л., 1984. С. 10.

интересов различных социальных и этнических групп⁴¹. Автор приходит к выводу, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия для работы ревкомов, отдельные трудности и неудачи, она протекала в целом успешно, а, главное, руководству северокавказских ревкомов удалось создать необходимые предпосылки для успешного проведения советизации в регионе.

А. К.-М. Исрапилов видел причину создания ревкомов на Кавказе в необходимости приспособления государственного аппарата к докапиталистическим отношениям, распространенным в регионе, особой значимостью национальных и религиозных моментов в жизни горцев, что требовало предельно централизованной формы руководства, которая обеспечила бы координацию усилий различных учреждений и ведомств как военного, так и гражданского подчинения⁴².

В данный период развития историографии создается много произведений, посвященных особенностям советского строительства в отдельных регионах Северного Кавказа. Их авторами были, как правило, местные историки, работавшие в вузах и научных центрах областных, краевых и республиканских центров. Изучение периода Гражданской войны и аспектов, связанных с национально-государственным строительством шло в указанное время в Дагестанской АССР, где среди появившихся работ можно отметить коллективную монографию «Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане» (1960 г.), работы Г.А. Аликберова «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. 1917-1921 гг.» (1961 г.), «Победа социалистической революции в Дагестане» (1968 г.), Б.О. Кашкаева - «Борьба за Советы в Дагестане» (1963 г.), «От Февраля к Октябрю» (1972 г.), «Гражданская война в Дагестане» (1975 г.), Н. П. Эмирова - «Из истории Гражданской войны в Дагестане» (1972 г.), которые, однако, в основном, касались вопросов развития

⁴¹ См. *Бугай Н.Ф.* Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. 1919 – 1920 гг. Нальчик: Эльбрус, 1977. 156 с.; *Революционные комитеты Адыгеи (1920 – 1921 гг.)* // Сборник статей по истории Адыгеи. Майкоп: [б.и.], 1977; *Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919 – 1921 гг.* М.: Наука, 1979. 235 с.; *Революционные комитеты Ставрополя.* Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1978. 103 с.

⁴² *Исрапилов А. К.-М.* Рожденные революцией. Деятельность революционных комитетов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. С. 58 – 59.

классовой борьбы в 1917 г. и военно-политических и социально-экономических аспектов в годы Гражданской войны, однако уделяется внимание и созданию и противоборству различных моделей государственности в регионе.

Становление Дагестанской АССР, принципы ее создания, особенности формирования и функционирования ее высших политических органов, деятельность местных Советов, роль и место ДАССР в системе советских национально-государственных объединений на Северном Кавказе, отличительные черты модели государственного устройства, реализованной в Дагестане, политические процессы, протекавшие в регионе в начале 1920-х гг., нашли отражение в исследованиях А.Л. Летифова «Возникновение и развитие советской национальной государственности народов Дагестана» (1968 г.), «Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в переходный период к социализму» (1972 г.), М.А. Казанбиева «Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана» (1970 г.) и А.И. Алиева «На путях к социализму. Осуществление Коммунистической партией ленинской национальной политики в Дагестане (1920 – 1925 гг.)» (1974 г.).

После восстановления Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. и возвращения чеченцев и ингушей был снят запрет на создание исторических книг, посвященных этой республике. В частности, появляются исследования, посвященные Гражданской войне в регионе, такие, как монографии и статьи М.А. Абазатова «Из истории Гражданской войны в Чечено-Ингушетии» (1962г.) и «Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть» (1969 г.), З.А-Г. Гойговой «Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина» (1963 г.), Ф.И. Врублевского «Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики» (1964 г.), Н.Ф. Бугая «Советское строительство в Чечено-Ингушетии в 1920 – 1921 годах» (1976 г.), Е.Ф. Жупиковой «Упрочение Советской власти на территории Чечено-Ингушетии в период деятельности революционных комитетов (1920 – 1925 гг.)» (1972 г.), П.И. Юсупова «Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии (1920 – 1925 гг.)» (1968 г.).

Среди кабардино-балкарских исследователей, изучавших период Гражданской войны, следует выделить У.А. Улигова, работы которого были посвящены национально-государственному строительству в Нальчикском округе: «Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии» (1972 г.), «Социалистическая Революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917 – 1937 гг.)» (1979 г.) и М.Т. Ансокова «Образование и развитие национальной Советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917 – 1936 гг.)» (1974 г.); осетинских - М.С. Тотоева «Очерк истории революционного движения в Северной Осетии (1917 – 1920 гг.)» (1957 г.), С.Д. Кулова «Из истории классовой борьбы в Северной Осетии (1920 – 1924)» (1964 г.), А.К. Кесаева «Из истории борьбы трудящихся Северной Осетии за власть Советов» (1979 г.), коллективной монографии «Октябрьская революция и Гражданская война в Северной Осетии» (1973 г.)

В этот период развития историографии историки освещали и процессы, происходившим на Кубани и в Ставрополье, хотя, в основном, их внимание привлекали события непосредственно Гражданской войны и партизанского движения в этих регионах, а особенностям национально-государственного строительства уделялось не столь много места. Тем не менее, можно выделить исследования Н.Г. Спиридонова «В огне войны Гражданской: Из истории борьбы большевиков Кубани за власть Советов (1917 – 1920 гг.)» (1984 г.), И.П. Осадчего «За власть трудового народа: историко-документальный очерк о борьбе за власть Советов на Кубани и Черноморье, 1917 – 1920 гг.» (1987 г.), Б.И. Степаненко «Контрреволюция на Дону, Кубани и Тереке в декабре 1920 – мае 1921 г. и ее разгром» (1986 г.), Н.Ф. Бугая и Б.М. Джимова «От ревкомов к Советам на Кубани» (1989 г.), А.И. Козлова «Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917 – 1920 гг.)» (1972 г.).

В этих работах авторы, придерживаясь схожих взглядов на события Гражданской войны, обусловленные эпохой, сумели, введя в оборот многие архивные источники, приступить к разработке, многих неисследованных ранее

проблем, в частности, национальных движений в горской среде, различных государственных образований в регионе (Горская Республика, Северокавказский Эмират, Имамат, советские республики на Северном Кавказе 1918 г.). В то же время основное внимание исследователей по-прежнему, как и на предыдущих этапах развития историографии, уделялось советским государственным объединениям, а несоветские государственные образования находились на периферии исследования.

Характеризуя данный период развития историографии в целом, надо отметить как положительный, так и отрицательные аспекты в историографии. К положительным следует отнести: отход от крайне идеологизированной модели национально-государственного строительства на Северном Кавказе, господствовавшей в предыдущий период, значительное расширение источниковой базы, сосредоточение на выяснении сущности советского национально-государственного строительства на Северном Кавказе, выяснении условий, в которых оно разворачивалось, выделение основных этапов его развития.

В то же время надо отметить и ряд отрицательных моментов, свойственных почти всем исследованиям данного периода: монопольное господство одной идеологии, примат классовой борьбы, первостепенный анализ лишь большевистского движения, объявляемого единственным выразителем интересов трудящихся масс, недостаточная проработка, а подчас и искажение истории антибольшевистских национальных движений и несоветских государственных образований, тенденциозность в интерпретации исторических фактов, связанных с национально-государственным строительством в регионе в 1917 – 1921 гг.

4). Современный этап развития историографии (конец 1980-х гг. – настоящее время) – характеризуется вводом в оборот новых архивных источников, публикацией эмигрантских материалов. Историки отходят от господствовавших ранее догматических подходов, расширяется тема исследований; в исторической науке утвердился плюрализм мнений.

В 1990-е гг., после произошедших в стране коренных перемен, перед историками остро встал вопрос о выборе той или иной теории и методологии при освещении событий в регионе. Началась переоценка и пересмотр некоторых положений, утвердившихся ранее в историографии данной темы, расширился диапазон вопросов, интересующих внимание исследователей. Всплеск революционной активности народов России в 1917 г. (в том числе и кавказских) ряд современных исследователей начинают связывать с общим системным кризисом Российской империи в целом и имперской национальной политики в частности, что привело к росту центробежных тенденций, главным образом, на национальных окраинах.

В.П. Булдаков, изучая кризис Российской империи в начале XX в., пришел к выводу, что сначала национальная интеллигенция выдвигала лишь требования местного самоуправления, однако впоследствии все нерусские народы стали считать себя «нациями», возрастало их стремление к самостоятельному государственному строительству на территории проживания, а затем, по мере углубления революционного хаоса, многие народы стали искать спасения сначала в региональной, а потом и в государственной обособленности⁴³. Национализм стал, по мнению некоторых исследователей, своего рода «ответом» на «вызов» революции, разрушившей старые устои государственной власти, вызвав к жизни различные формы политической активности горцев Кавказа.

Переосмысливается природа национальных общественно-политических организаций, возникших на Северном Кавказе после Февральской революции, и вызвавшие их к жизни конкретные исторические обстоятельства. Если ранее советские историки однозначно оценивали Союз объединенных горцев Северного Кавказа или Юго-Восточный Союз как контрреволюционные и реакционные организации, то теперь ученые начинают видеть в них результат поисков путей консолидации общества «в условиях обострения классовых, сословных,

⁴³ Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2001. №1. С. 35.

национальных противоречий и политической конфронтации»⁴⁴. В создании Союза объединенных горцев – организации, объединившей все горские народы края, стали видеть выражение стремления горцев к образованию региональной автономии на местах и федерализацию России, превращение ее в демократическую республику.

Современные историки отошли от восприятия всех форм социально-экономической и политической активности горских народов в период революции и Гражданской войны в терминах исключительно классовой борьбы. Меньше в работах исследователей встречается и само понятие «национально-освободительное движение народов». Внимание исследователей сосредотачивается на разработке проблем национально-территориального принципа создания советских автономий на Северном Кавказе. Продолжилась дискуссия об определении начального этапа национально-государственного строительства на Северном Кавказе после падения монархии и выяснении сущности советских республик, возникших в регионе в 1918 г. А.А. Сенцов пришел к выводу, что они не являлись национальными субъектами федерации, т.к. «экономическое и этническое районирование почти не учитывалось при определении административных границ» этих государственных образований⁴⁵, советские республики возникли в силу военной необходимости в условиях обострения вооруженного противостояния, угрозы иностранной интервенции и строились исключительно по административно-территориальному принципу.

Исследователи приходят к выводу о том, что автономия северокавказских республик в 1918 г. носила временный характер, была вынужденной автономией, «призванной решать сиюминутные задачи». Они не являлись примерами национальной государственности какого-либо народа или народов, а представляли собой типичную «советскую форму государственного

⁴⁴ Почешхов Н.А. Юго-Восточных союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1999. Вып. 2. С. 37.

⁴⁵ Сенцов А.А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994. С. 2001.

управления»⁴⁶. Ученые перестают оценивать советские республики, существовавшие в 1918 г., как первый этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Пересматриваются и причины возникновения Горской АССР в 1920 – 1921 гг.

Говоря о природе Горской АССР Н.Ф. Бугай приходит к выводу, что она была «удачным, хотя и временным путем концентрации усилий ранее разрозненных народов Северного Кавказа в единое многонациональное государственное образование, строившееся на административно-территориальной основе»⁴⁷. Касаясь вопроса о причинах возникновения ревкомов после установления советской власти в регионе, исследователь видит их в сложности осуществления советской национальной политики на Кавказе, неподготовленности горского общества к радикальным преобразованиям в духе большевистской программы⁴⁸. А.Х. Даудов начинает видеть предпосылки создания советской Горской республики в существовавшей в стране сложной политической и экономической обстановке, диктующей целесообразность объединения всех имевшихся ресурсов, потому что «ни один из горских народов в отдельности не был в состоянии своими силами решить задачи ликвидации политической, экономической и культурной отсталости, искоренения всех контрреволюционных элементов»⁴⁹. Советское строительство на Северном Кавказе, по его мнению, несмотря на региональную специфику, определялось в решающей степени общероссийскими тенденциями и являлось составной частью национально-государственного строительства в РСФСР.

В трудах историков конца 1990-х гг. – начала XXI вв. эти темы получили дальнейшее освещение. В центре внимания оставались как общие проблемы формирования постмонархической государственности в северокавказском

⁴⁶ Озоева Ф.А. Северо-Кавказская Республика: причины возникновения и ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917 – 1941 гг. Майкоп: Меоты, 1995. С. 47.

⁴⁷ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп: Меоты, 1994. С. 99.

⁴⁸ Там же. С. 21.

⁴⁹ Даудов А.Х. Горская АССР (1920 – 1924 гг.). Очерки социально-экономической истории. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 37.

регионе, так и отдельные аспекты национально-государственного строительства в казачьих и горских областях, а также анализ советского и белогвардейского опыта национальной политики в крае. Происходит отказ от принятых ранее точек зрения на начало национально-государственного строительства на Кавказе. В.Д. Дзидзоев относит начальный этап становления национальной государственности горцев Северного Кавказа к весне 1917 г., возникновению Союза объединенных горцев. Он приходит к выводу, что первую попытку создания государственных образований в регионе предприняли не большевики, как считалось ранее, а представители горской интеллигенции в марте – мае 1917 г.⁵⁰, создавшие Союз объединенных горцев, главная задача которого, по мысли историка, заключалась в создании национально-территориальной автономии горцев Кавказа в составе Российской республики. Этот Союз являлся первой в XX в. попыткой создания объединенной государственности малочисленных народов Кавказа. Второй этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе В.Д. Дзидзоев связывает с провозглашением в мае 1918 г. Горской республики, которую он, в отличие от исследователей советского периода, трактует как национальное демократическое государство всех горских народов Кавказа, сыгравшее большую роль в дальнейшем развитии национальной государственности горцев. Наконец, третий этап национальной-государственного строительства в крае связан уже с установлением советской власти в 1920 г. и провозглашением автономной ГАССР, которая по форме имела некоторые черты сходства с первой Горской республикой, а ее создание было связано с желанием большевиков привлечь симпатии горцев на свою сторону⁵¹.

Эта точка зрения стала общепринятой, теперь большая часть историков относит начало национально-государственного строительства в регионе к весне 1917 г. Рассматривая сущность этого процесса, А.Х. Даудов приходит к выводу, что после Февральской революции определилось два подхода к пониманию форм

⁵⁰ Дзидзоев В.Д. От союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917-1924 гг.) (начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX в.). Владикавказ: СОГУ, 2003. С. 170.

⁵¹ Там же. С. 115.

самоопределения кавказских народов: демократическая государственность, представленная Союзом объединенных горцев и Горской республикой и теократическая монархия, пропагандируемая исламистами. С весны 1918 г. активное участие в развитии горской государственности стали принимать укрепившиеся на Кавказе большевики, ставшие инициаторами создания Терской советской республики, представлявшей собой попытку превращения буржуазно-демократической государственности в социалистическую⁵². Советская национальная государственность горских народов, окончательно утвердившаяся в регионе в 1921 г., после окончания Гражданской войны, носила, по мнению историка, классовый характер, однако советское строительство проводилось с учетом политических, экономических и национально-бытовых условий горских народов. С целью же скорейшего решения наиболее сложных и важных вопросов большевики использовали систему революционных комитетов – чрезвычайных органов власти, оперативно решавших возникавшие проблемы.

В настоящее время историки затрагивают вопрос и о влиянии религии на процесс национально-государственного строительства на Северном Кавказе, участие мусульманского духовенства в создании горской национальной государственности после свержения монархии. По мнению некоторых исследователей, мусульманское духовенство являлось главной движущей силой горского национального движения и принимало активное участие в создании несоветских государственных образований как демократического (Союз объединенных горцев, Горская республика), так и, в особенности, теократического типа (Кавказский Имамат, Северо-Кавказский Эмират). Влияние мулл и шейхов было столь велико, что с ним вынуждены были считаться и белые, и красные, стремившиеся привлечь исламских священнослужителей к работе в создаваемых властных органах⁵³.

⁵² Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. 1917 – 1924 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009. С. 197.

⁵³ Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: Борьба и сотрудничество (1917 – 1921 гг.). Махачкала: Деловой мир, 2004; Нахибашев М.З. Узун-Хаджи Салтинский – общественно-политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни. Махачкала: ИД «Эпоха», 2009.

В связи с введением в оборот новых архивных материалов, а также снятием «идеологических табу», историки получили возможность уделить больше внимания изучению национальной политики, проводимой в регионе Временным правительством и белогвардейскими органами власти, пересмотреть господствовавшие ранее в исторической науке представления о несоветских государственных образованиях как «буржуазных» и «контрреволюционных».

Современные исследователи уделяют внимание политике Временного правительства на Кавказе, смене формы государственного правления, становления демократической государственности в крае, развитию местного, земского и городского самоуправления после падения самодержавия, роли городских средних слоев в создании демократических властных институтов, взаимоотношениям вышедших на политическую авансцену общественных организаций с назначавшимися Временным правительством правительственными комиссарами, становлению региональных органов управления и самоуправления и их взаимоотношениям как друг с другом в рамках единого северокавказского политического пространства, так и с центральным правительством. Анализируя эволюцию государственного устройства в регионе в 1917 г. они приходят к выводу, что возникшие в регионе политические организации, претендовавшие на власть, выбрали путь жесткого конфликта и противостояния друг с другом, стремясь сконцентрировать власть в своих руках, что, наряду со слабостью гражданского общества, которые переживало процессы становления, обусловило непрочность демократических органов управления и самоуправления на Северном Кавказе, которые не смогли в конечном итоге противостоять авторитарным тенденциям, проявившимся в конце 1917 г.⁵⁴

Произошла и переоценка роли Белого движения в истории Северного Кавказа в период Гражданской войны, национальной политики белогвардейских

⁵⁴ *Брызгалова И.Г.* Формирование и деятельность местных органов власти на Дону и Северном Кавказе весной 1917 г.: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02. Ростов н/Д, 1995; *Суханова Н.И.* Институциональная политика советской власти и белого движения на Северном Кавказе в годы Гражданской войны (1917-1920 гг.). Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2004; *Трусова Е.М.* Возникновение и эволюция органов управления и самоуправления на Юге России в феврале – октябре 1917 года. (Дон, Кубань, Ставрополье): дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2000.

властей в регионе в 1918 – 1920 гг. Историки отходят от господствовавших ранее политизированных оценок деникинского режима как «реакционного», «антинародного», а проводимой им политики по отношению к горцам Кавказа – «шовинистической». В монографиях Я.А. Бутакова «Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.)» (2000 г.), докторской диссертации В.В. Кулакова «История военного и государственного строительства белых властей на Юге России (1917 – 1920 гг.)» (2005 г.), А.С. Пученкова «Национальная политика генерала Деникина» (2012 г.), статьях и монографиях В.Ж. Цветкова⁵⁵ и других исследованиях анализируются взаимоотношения деникинских властей с горскими и казачьими лидерами, их политика по отношению к национальным движениям народов Кавказа, эволюция системы государственного управления на «белом Юге».

Историки раскрывают сущность белогвардейского режима в горских округах Кавказа, установившегося там в 1919 г., отмечая, что руководители «Белого движения» выступали за развитие горской национальной автономии в рамках единого российского государственного пространства, привлечение горской политической элиты к управлению своими землями, в то время как военное командование стремилось к милитаризации всех сторон общественной жизни и концентрации всей полноты власти в своих руках, что превращало горскую автономию в фикцию и отталкивало горцев от белых. Именно непоследовательная политика деникинских властей в земельном, национальном, религиозном вопросе привела к неудачам их политического курса на Кавказе.

Привлекают внимание исследователей и вопросы участия северокавказского казачества в событиях революции и Гражданской войны, складывания казачьей государственности на Кубани и Тереке, взаимоотношениям с органами государственной власти, созданными Временным правительством и

⁵⁵ См. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917 – 1918 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Посев, 2008; *Белое дело в России. 1919* (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России).

руководством советской и «белой» России⁵⁶. Авторы приходят к выводу, что казаки не только не вынашивали сепаратистских планов, но, наоборот, не видели будущего своих регионов вне России, политический режим которой должен был быть преобразован на подлинно демократических, федеративных началах, в которой отдельные регионы, входящие в ее состав (в том числе и казачьи) пользовались бы широким внутренним самоуправлением.

П.И. Остапенко приходит к выводу, что казачеству удалось создать полноценную государственную систему со всеми атрибутами публичной власти, отвечавшую национальным и социальным интересам этого сословия, однако внутренние и внешние трудности не позволили руководству казачества провести все запланированные реформы, в частности, осуществить реорганизацию местного самоуправления на демократических началах, а также децентрализацию политического управления, создать собственные вооруженные силы, укрепить финансовую систему, что в дальнейшем неблагоприятно сказалось на исходе Гражданской войны.

В настоящее время продолжают появляться исследования, посвященные отдельным аспектам национально-государственного строительства в 1917-1921 гг. в различных регионах Северного Кавказа: Дагестане⁵⁷, Чечне⁵⁸, Ингушетии⁵⁹, Кабардино-Балкарии⁶⁰, Адыгее⁶¹, Ставрополье⁶² и др.

⁵⁶ Трут В.П. Казачий излом (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революций 1917 года). Ростов н/Д: Гефест, 1997; Остапенко П.И. Казачьи государственные образования на юге России (февраль 1917 – начало 1920 г.): дисс. ... доктора юридических наук: 12.00.01. Краснодар, 2004; Никитин А.Н. Суверенная Кубань: опыт отечественного парламентаризма (1917 – 1920 гг.). М.: Национальный институт бизнеса, 2010.

⁵⁷ Магомадов Ш.Б. Проблемы национально-государственного устройства Дагестана: история и современность. М.: Манускрипт, 1998; Труженикова Л.А. Становление и развитие национальной государственности Дагестана. XX – начало XXI вв. Махачкала: АЛЕФ, 2011; Халифаева А.К. История государства и права Дагестана. Махачкала: Риасофт ЛТД, 2012.

⁵⁸ Хасбулатов А.И. Февральская революция в Чечне (февраль – октябрь 1917 года) // Научная мысль Кавказа. 2002. №4; Хасмагомадов Э.Х. Чечня в революции и Гражданской войне (1917-1920) // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы / [отв. ред. Х.В. Туркаев]; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2008; Бугаев А.М. Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный: ИЦ ЧР, 2012.

⁵⁹ Кокорхоева Д.С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа (1917 – 1944 гг.). Элиста: КалмГУ, 2002.

⁶⁰ Теунов М.К. Шариатские суды в Советской Кабардино-Балкарии. 1918 – 1928 гг.: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02. Нальчик, 2007; Жанситов О.А. Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917 – 1920 гг.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009.

⁶¹ Почешхов Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917 – 1920 гг.). Майкоп: Изд. Агу, 1998.

Характеризуя современный период в целом, хочется отметить ряд достижений по сравнению с предыдущей эпохой. Активно используются неопубликованные источники, в исторической науке господствует плюрализм мнений. Гораздо более подробно освещается история национальных движений горцев Кавказа, особенно антибольшевистских течений. Большое место уделяется истории казачьих государственных образований на Кубани и Тереке, Горской Республики, Имамата Гоцинского и Эмирата Узун-Хаджи, государственному устройству «белого Юга». Историки смогли четче выделить основные этапы национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг., определить начальные этапы этого процесса, показать роль лидеров горского национального движения в создании основ горской национальной государственности после Февральской революции, выявить связь между советской государственностью, создаваемой после 1920 г. и Горской республикой 1918 г.

Таким образом, подводя итоги развития историографии, следует отметить, что историографическая база дает общее представление о проблеме национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг., позволяет выделить основные этапы этого процесса и понять его результаты. Тем не менее, некоторые аспекты проблемы исследованы еще недостаточно, в частности, в историографии не проведена четкая классификация тех моделей государственности, которые возникали на Северном Кавказе в период революции и Гражданской войны в результате целенаправленной деятельности различных общероссийских и региональных политических сил, не дана их характеристика в динамике с выделением общих черт и специфических, присущих каждой модели как политическому организму, существовавшему на определенном этапе исторического развития. В связи с этим актуальными задачами исследователей, изучающих данную тему, является выделение, классификация и комплексный анализ моделей государственности, существовавших на Северном Кавказе в 1917

⁶² Зверева Л.А. Органы государственной власти на Ставрополье (декабрь 1917 – 1929 гг.). Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2011.

– 1921 гг., анализ национальной политики центральных органов государственной власти России в кавказском регионе, уточнение этапов национально-государственного строительства в крае, объяснение причин краха всех несоветских государственных образований на Кавказе и упрочения советской модели государственности, выяснение общих закономерностей и региональной специфики северокавказского края при осуществлении национально-государственного строительства в годы революции и Гражданской войны, что обусловило внимание автора исследования к этим аспектам изучаемой темы.

Глава 1

Северный Кавказ в 1917 – начале 1918 гг.:

национально-государственное строительство в условиях революции

§1. Этнополитическая характеристика северокавказского региона накануне Февральской революции 1917 г.

Северный Кавказ – географический и историко-культурный регион, включающий в свой состав северную часть Большого Кавказского хребта, западную часть его южного склона и равнинное Предкавказье к северу от него, отличается многонациональным составом населения. На его территории проживают народы абхазо-адыгской, нахско-дагестанской, тюркской, иранской языковых групп⁶³. Северо-Западный Кавказ с глубокой древности был заселен племенами, говорившими на языках адыгской подгруппы, которые были известны под собирательным экзоэтнонимом – «черкесы» или «адыги». Восточноадыгские племенные группы, проживавшие в центральной части Северного Кавказа, были известны под названием кабардинцев. Северо-Восточный Кавказ был заселен народами, говорившими на нахско-дагестанских языках: чеченцами, ингушами, аварцами, даргинцами, лакцами, лезгинами, табасаранами, андийцами и др.

В Средние века в горах Большого Кавказа и степном Предкавказье расселяются тюрки – карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы, туркмены-трухмены. К иранской группе индоевропейской семьи относились осетины, населявшие Центральный Кавказ, и таты, обитавшие на юге Дагестана (к ним по

⁶³ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. С. 17.

языку примыкали горские евреи). В XVII в. в Предкавказье появляются монголоязычные калмыки.

Большая часть северокавказских народов исповедовала ислам суннитского толка (чеченцы, ингуши и народы Дагестана придерживались шафиитского мазхаба, остальные мусульмане – ханафитского), при этом на Северо-Восточном Кавказе большое распространение получил суфизм – мистико-аскетическое течение в исламе, представленное двумя тарикатами (направлениями) – накшбандийским и кадирийским. Большая часть осетин придерживалась православия, горские евреи были иудаистами, калмыки – буддистами-ламаистами⁶⁴.

Народы Северного Кавказа стояли на различных уровнях экономического и социально-политического развития, некоторые достигли уровня классового общества и создали свои государства, другие находились на догосударственном этапе. Вхождение региона в состав Российского государства началось в XVI в. и завершилось в 1864 г., после окончания Кавказской войны 1817 – 1864 гг. Включение Северного Кавказа в состав России привело к значительным переменам экономического, политического, социального характера в крае.

Российская империя, составной частью которой отныне являлся Северный Кавказ, в политическом смысле была унитарным государством с монархической формой правления. Автономию сохраняло только Великое княжество Финляндское (некоторое время автономией обладало Царство Польское – территория в Европе, включавшая в свой состав значительную часть земель Речи Посполитой, находившаяся в составе Российской империи с 1815 г., однако лишилось ее в результате двух неудачных польских восстаний в 1830 – 1831 гг. и 1863 – 1864 гг. – С.О.), все остальные регионы России (включая Северный Кавказ) ее не имели. В структуре высших органов власти Российской империи не существовало единого органа, ответственного за проведение государственной

⁶⁴ Российский Кавказ. Книга для политиков. С. 241.

национальной политики (этнополитики) в целом и на окраинах в частности⁶⁵. В то же время, нельзя утверждать, что подобная политика не проводилась вовсе.

Основной целью, проводимой на Северном Кавказе (как и на других национальных окраинах страны) политики, на наш взгляд, являлась интеграция присоединенного региона в состав империи, что достигалось несколькими методами. Во-первых, попытки вооруженного сопротивления российским властям подавлялись силой, участники восстаний и антиправительственных выступлений, а также лица, виновные в «подстрекательстве» подвергались репрессиям. Во-вторых, был взят курс на административную систематизацию и унификацию управления в крае. Существовавшие на Северном Кавказе до присоединения к России государственные образования были ликвидированы, а местные правители-феодалы лишились политической власти. Новые административно-территориальные единицы создавались не по национальному, а по территориальному признаку. Более того, не существовало четкости в терминологии обозначения коренного населения Северного Кавказа. Проживавших там жителей в официальных документах называли «туземцами», «туземным населением», «инородцами», «племенами», «народностями» и т.д.

К началу XX в. на территории Северного Кавказа существовали две губернии (Ставропольская и Черноморская с центром в Новороссийске) и три области: Кубанская (центр – Екатеринодар), Терская (центр – Владикавказ) и Дагестанская (центр – Темир-Хан-Шура)⁶⁶. Все они, за исключением Ставропольской губернии, входили в состав Кавказского Наместничества, которое управлялось Наместником Его Величества на Кавказе, соединявшим в своих руках высшую гражданскую и военную власть. Создаваемая система власти отличалась предельной централизацией и бюрократизацией. Ее главная особенность заключалась в том, что все должностные лица (Наместник, губернаторы, начальники округов и участков, атаманы отделов, а также

⁶⁵ Национальная политика России: история и современность / Кулешов С. В., Аманжолова Д. А., Волобуев О. В. и др.; Ред. совет: Михайлов В. А. (отв. ред.) и др. М.: Русский мир, 1997. С. 161.

⁶⁶ Российский Кавказ. Книга для политиков. С. 53.

сотрудники их администраций) не избирались, а назначались вышестоящими органами власти и, соответственно, были подотчетны только им, а не населению, которым они управляли. Местные жители (горцы, казаки, крестьяне) обладали самоуправлением только на низовом, сельском уровне.

Характерной чертой этой системы являлась также ее милитаризация (за исключением Ставропольской и Черноморской губерний), суть которой состояла в том, что на высшие посты в местном управлении (областном, окружном/отдельском, участковом) назначались российские генералы и офицеры действующей армии (которые часто являлись не местными уроженцами), концентрировавшие в своих руках военную и гражданскую власть.

Еще одним методом укрепления российской власти на Северном Кавказе являлась организуемая и поддерживаемая правительством колонизация региона казаками и переселенцами из внутренних губерний России (преимущественно восточными славянами, которые по принятой тогда терминологии обозначались как «русские»), которая преследовала также цель снизить остроту «земельного голода» и, следовательно, предотвратить социальные конфликты между помещиками и крестьянами в Центральной России. Земледельческая колонизация, сопровождавшаяся изъятием у коренного населения (горцев-земледельцев и кочевников-скотоводов) части их земель (как правило, расположенных в наиболее удобных местах на равнинах и наиболее плодородных), вытеснением его в горы и эмиграцией в Турцию, поощряемой царским правительством (особенно массовый характер приняла эмиграция адыгов после окончания Кавказской войны), привела к кардинальным переменам в этноконфессиональном составе населения Северного Кавказа⁶⁷.

К началу XX в. восточные славяне, исповедовавшие православие, абсолютно преобладали в Ставропольской (свыше 90% населения) и Черноморской (около 60%) губерниях и в Кубанской области (около 90%, из них

⁶⁷ Российский Кавказ. Книга для политиков. С. 48.

около 43% - кубанские казаки)⁶⁸. Коренное горское и кочевое население, исповедовавшее ислам, в этих регионах не превышало 5%. Терская область также служила центром притяжения колонистов, однако ее национальный состав был более разнообразен. Восточные славяне составляли около 40% населения (из них 20% - терские казаки), 55% приходилось на долю горцев и кочевников (чеченцы, осетины, кабардинцы, ингуши, кумыки, ногайцы, балкарцы и др.)⁶⁹, преимущественно мусульман по вероисповеданию. Наконец, Дагестанская область была почти не затронута миграционными процессами, и на протяжении всего имперского периода в структуре населения абсолютно преобладали горцы-мусульмане (впрочем, самый многочисленный из народов Дагестана – аварцы к 1917 г. составлял лишь 17.6% жителей), а немногочисленные русскоязычные переселенцы проживали, главным образом, в городах⁷⁰.

Однако российские власти понимали, что для поддержания стабильности в регионе необходим поиск компромиссов как с коренным населением края в целом, так и с его светской и духовной элитой в частности. Руководствуясь, прежде всего, прагматическими соображениями, они проявляли готовность учитывать интересы горцев. Прежде всего, им была гарантирована полная веротерпимость и свобода в отправлении религиозных культов. Была сохранена существовавшая еще до присоединения к России система религиозных школ, руководимых мусульманским духовенством и функционировавших при мечетях. Был сохранен традиционный уклад в жизни и быту горского и кочевого населения, восходивший к традициям родоплеменного общества. В судопроизводстве сохранялись нормы обычного (адата у горцев, суд Зарго у калмыков) и отчасти исламского (шариата) права (русские и переселенцы других национальностей были подведомственны судам общей юрисдикции, уголовные и гражданские тяжбы между ними и «туземным населением» разбирались в мировых судах). В делопроизводстве горских судов применялся арабский язык.

⁶⁸ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-традиция, 1997. С. 219.

⁶⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 65. СПб.: «Издательское дело», 1901. С. 87.

⁷⁰ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. С. 9.

Горцы и «кочевые инородцы» освобождались от обязательной службы в армии, замененной особым налогом. Наконец, представители всех кавказских этносов могли получать образование в российских гимназиях и вузах и занимать посты (в том числе и руководящие) на гражданской и военной службе, что открывало доступ в ряды российского дворянства, к чинам и наградам, в том числе щедрым земельным пожалованиям со стороны российских властей.

Что же представлял собой Северный Кавказ накануне Февральской революции? Как и вся Российская империя, он был вовлечен в развернувшуюся комплексную модернизацию, начавшуюся в России во 2-й половине XIX в. после начала «Великих реформ» 1860-х гг. и затронувшую все сферы жизни российского социума (экономическую, социальную, политическую, культурную и т.д.). По словам российского историка Б.Н. Миронова, смысл модернизации состоял в переходе «от патриархальности к модернизму», что предусматривало становление капиталистических отношений, включающих ускоренное развитие добывающей и обрабатывающей промышленности, путей сообщения, интенсификацию и коммерциализацию сельского хозяйства, формирование основных классов индустриального общества – буржуазии и пролетариата (экономическая модернизация); автономизацию человека от коллектива, переход к малой демократической семье, формирование гражданского общества, «которое становилось субъектом власти и управления» и правового государства (социально-политическая модернизация)⁷¹.

Эти перемены в той или иной форме затрагивали все группы населения России, проживавшие в различных регионах, но в разной степени, что вело к асимметрии в развитии отдельных частей империи, которая создавала социальное напряжение в обществе⁷². Северный Кавказ являлся именно той окраиной, где модернизационные процессы проходили медленнее, чем в Центральной России. С

⁷¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е исправл. изд. СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т.2. С. 284, 288, 289.

⁷² Там же. С. 289.

одной стороны, в начале XX в. начинается интеграция Северного Кавказа во всероссийский рынок, развитие капиталистических отношений в регионе. На Кубани и Ставрополье земледелие приобретает товарный характер, растет экспорт зерновых культур за границу. В горах Центрального Кавказа развивается добыча цветных металлов, на Северо-Восточном Кавказе – нефтедобыча и нефтепереработка. Грозный становится одним из крупнейших промышленных центров Юга России. Строятся железные дороги, которые связывают край с Центральной Россией и Закавказьем, что способствует привлечению на Кавказ товаров, инвестиций и рабочих рук. Это приводило к росту городов и численности городского населения.

Модернизация сопровождалась переменами и в социальной структуре населявших Северный Кавказ народов. С одной стороны, происходило образование буржуазии и пролетариата. Они комплектовались как за счет переселенцев из Центральной России, так и из казаков и горцев. Часть из них занималась предпринимательством, другая, более многочисленная, вследствие различных социально-экономических причин полностью или частично порывала с сельским хозяйством и либо нанималась в батраки к крупным землевладельцам, либо уходила на заработки в крупные города Кавказа, Закавказья и других регионов России. Традиционное горское общество начинает разлагаться. Падает влияние «старой» политической элиты – помещиков-феодалов, родовых старейшин. Кавказские князья и беки, которые (за редким исключением) так и не смогли добиться уравнивания в правах с российским дворянством, к 1917 г. утрачивают большую часть своих земель, а, следовательно, и политическое влияние в горах. Напротив, возрастает роль и значение «новой» элиты, служилой (офицерство и чиновничество) и предпринимательской (торговцы, фабриканты, нефтепромышленники). В городах Северного Кавказа возрастает удельный вес «средних слоев» - творческой и технической интеллигенции, лиц «свободных профессий» (преподаватели, врачи, инженеры, юристы, журналисты и т.д.) – людей разных национальностей, выходцев из различных социальных групп,

получивших среднее специальное и высшее образование в светских учебных заведениях России и Европы.

Перемены в экономике и социальной сфере влекли за собой и изменения в политической жизни края. В начале XX в., особенно в период Революции 1905-1907 гг., население региона (средние городские слои, интеллигенция, отчасти рабочие и крестьяне) начинает участвовать в политической жизни, выступая за демократизацию системы управления Северным Кавказом, расширение полномочий органов местного самоуправления. Еще в XIX в. в северокавказских городах (подобно городам Центральной России) появились цензовые городские думы, в 1913 г. в Ставропольской губернии было введено цензовое земство (губернское и уездные). Представители северокавказских городов, казачества, горцев становятся депутатами Государственной Думы Российской империи и получают возможность использовать парламентскую трибуну для отстаивания интересов своих избирателей. В регионе появляются отделения практически всех ведущих политических партий России, от крайне правых до крайне левых.

Модернизация проявлялась также и в сфере культуры: открывались новые начальные школы и гимназии, больницы и аптеки, газеты и журналы, библиотеки, музеи, театры и синематографы. На Северном Кавказе развивается туризм. Новые веяния проникают в быт жителей края.

С другой стороны, уровень и темпы экономического развития Северного Кавказа отставали от среднероссийских показателей. Кавказ оставался, прежде всего, аграрным районом, большая часть населения которого проживала в сельской местности и занималась земледелием, а также кочевым и отгонным скотоводством. Формирование гражданского общества только начиналось, традиционные общественные отношения сохраняли свою силу. В крестьянской среде практически безраздельно доминировала поземельная община с ее традиционными институтами. В сознании и повседневной жизни крестьян, казаков и особенно горцев сохранялось множество феодальных и патриархально-родовых пережитков. Большая часть населения придерживалась своих

традиционных религий и была глубоко верующей. Позиции «старой» элиты не были подорваны до конца. Так, в горском обществе огромным авторитетом продолжало пользоваться мусульманское духовенство, в особенности суфийские шейхи, возглавлявшие тарикатские вирды (религиозные братства).

Социальные силы, враждебные модернизации и, прежде всего, бюрократия, пользуясь поддержкой со стороны самодержавного правительства, пытались воспрепятствовать демократизации системы управления, проявляли враждебность к попыткам изменения социальных отношений, отстаивали незыблемость существующих порядков и своей власти. Местное самоуправление, городские думы и земства находились под жестким контролем чиновничества. Среди части мусульманского духовенства как реакция на секулярные проявления модернизации, начинают распространяться идеи установления на Северном Кавказе теократического правления, основанного на законах шариата.

Наконец, развитие культуры было сосредоточено, в основном, лишь в крупных городах. В сельской местности (особенно в районах, населенных горцами) практически отсутствовала квалифицированная медицинская помощь, было очень мало светских учебных заведений. Лишь 7.1% горцев накануне 1917 г. умели читать⁷³, еще меньше могло писать. Среди крестьян и казаков уровень грамотности был выше, однако все равно большая часть жителей Кавказа оставалась неграмотной. Получить хорошее образование в городах и приобщиться к достижениям российской и мировой культуры могла лишь небольшая верхушка кавказского общества.

В то же время, Кавказская война 1817 – 1864 гг. и последовавшие за ней перемены, а также модернизационные процессы заложили основу для острых социальных и национальных конфликтов в регионе. Северный Кавказ к 1917 г. представлял собой настоящий узел противоречий. С одной стороны, это были экономические, социальные и политические конфликты, свойственные всей

⁷³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. С. 231.

Российской империи: между бюрократией (и смыкавшимся с ней в крае высшим офицерством и генералитетом), стремившейся во что бы то ни стало сохранить монополию на власть, и формирующимся гражданским обществом, выступавшим за демократизацию политической сферы, расширение полномочий органов местного самоуправления; между малоземельным и безземельным крестьянством с одной стороны, и помещиками, владевшими землей, приобретенной или полученной за службу от российских властей, с другой; между рабочим классом, выдвигавшим требования повышения зарплаты, улучшения условий труда и быта, сокращения рабочего дня, легализации профсоюзов, и торгово-промышленной буржуазией, не желавшей идти на уступки и направлять часть получаемых прибылей на социальные нужды.

С другой стороны, специфика Северного Кавказа заключалась в том, что, помимо этих проблем, существовали еще два специфических вопроса, свойственные региону – «горский» и «иногородний». Суть первого из них заключалась в противоречиях экономического и политического свойства между представителями коренных народов Кавказа и переселенцами-колонистами, а также между отдельными горскими народами. Как правило, в основе конфликтов лежал неурегулированный аграрный вопрос. Экспроприация части земель, маленький душевой надел, уступавший земельным наделам переселенцев (особенно казаков), низкое плодородие горных почв и невысокая продуктивность экстенсивного сельского хозяйства в горах и предгорьях, необходимость уплаты высокой ренты за арендуемые земли – все это служило питательной почвой для межнациональных конфликтов между соседствующими народами: кабардинцами и балкарцами, кабардинцами и осетинами, осетинами и ингушами, чеченцами и кумыками, карачаевцами и черкесами и т.д., а также между горцами с одной стороны, и казаками и крестьянами, с другой. Первые хотели вернуть земли, которые считали исконно своими, вторые не желали уступать то, что привыкли считать своей собственностью. Наиболее остро межнациональные противоречия проявлялись в Терской области, характеризовавшейся пестрым

этноконфессиональным составом населения и крайне запутанными аграрными отношениями.

Гневные конфликты порой прорывались острыми межнациональными столкновениями, приобретавшими особый размах в кризисные периоды, переживаемые страной (войны, революции) и уносившими жизни представителей обеих конфликтующих сторон. Социальный конфликт тем самым перерастал в национальный (горцы против русских), религиозный (мусульмане против христиан) и политический (горцы против российской администрации). Последнее измерение было связано с тем, что в поземельных спорах центральные и региональные власти предпочитали, как правило, вставать на сторону казаков и переселенцев, видя в горцах заведомо неправую сторону, возлагая на них вину за кровопролитие и нарушение законности. Недовольство коренного населения вызывал и факт отстраненности его от участия в управлении Северным Кавказом. Горцы были очень слабо представлены в региональных органах власти, почти не имели своих представителей в Государственной Думе. Этими настроениями пытались воспользоваться как представители части мусульманского духовенства, выступавшие за введение шариатского правления, так и светская горская интеллигенция, начиная втягиваться в политическую жизнь края на рубеже веков и разрабатывать идеи национальной автономии. Репрессии, обрушиваемые правительством на оппозиционеров, жестокое преследование абреков, которых власти считали разбойниками и бандитами, а часть горцев – народными героями и защитниками угнетенных масс, не добавляли популярности самодержавному режиму.

В основе «иногороднего» вопроса, наиболее остро стоявшего в Кубанской и отчасти Терской областях, также лежали поземельные противоречия между кубанскими и терскими казаками и крестьянами-переселенцами. Правовое (и, следовательно, социально-экономическое) положение этих переселенцев было различным. В наилучшем положении находились т.н. «коренные крестьяне», главным образом, потомки переселенцев, занимавших свободные земли и

пользовавшиеся, подобно крестьянам внутренних российских губерний, местным самоуправлением. Хуже было положение иногородних – переселенцев, вынужденных арендовать землю (в основном, у казаков), а также работать по найму. Иногородние-арендаторы пользовались ограниченным самоуправлением (допускались на казачьи сборы, обсуждавшие вопросы, касавшиеся только их), иногородние, «не имевшие оседлости» (наемные работники) вообще были отстранены от участия в органах местного самоуправления. В целом, иногороднее крестьянство, проживавшее на казачьих землях, было ущемлено в гражданских и политических правах и зачастую подвергалось бытовой дискриминации. Это приводило к тому, что иногороднее крестьянство и в особенности иногородний пролетариат (промышленный и сельскохозяйственный) охотно прислушивался к агитации леворадикальных политических партий и групп – эсеров, социал-демократов, анархистов.

Казачество накануне Февральской революции находилось в несколько привилегированном положении по сравнению с крестьянами и горцами (например, кубанские казаки, составлявшие 43% населения области, владели около 80% всех земель), их душевой надел составлял от 9 (у кубанских) до 15 (у терских) десятин земли⁷⁴. Это дало основание некоторым исследователям, изучавшим дореволюционный Северный Кавказ, назвать систему управления (применительно к Терской и Кубанской областям) «военно-казачьей». Думается, что для подобного утверждения нет достаточных оснований. Во-первых, губернаторами (и, соответственно, наказными атаманами) на Кубани и Тереке зачастую становились лица, не имевшие прежде никакого отношения к казачьему сословию. Во-вторых, наказные атаманы, атаманы отделов и члены областных и отдельских правлений не избирались казаками, а назначались вышестоящими органами власти. Казачество сохраняло выборное самоуправление только на станичном и хуторском уровнях, да и то под контролем вышестоящих правительственных инстанций. Участие в управлении областями и отделами

⁷⁴ Трут В.П. Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций. М.: Яуза ЭКСМО, 2007. С. 50, 61.

принимала лишь казачья верхушка, из которой самодержавие рекрутировало преданные бюрократические кадры. Кроме того, в начале XX в. северокавказское казачество (подобно крестьянам и горцам) переживало процесс социальной дифференциации. Часть казаков утратила землю и работала по найму у зажиточных землевладельцев или в городах, на промышленных предприятиях, что послужило причиной появления антагонистических противоречий внутри самого казачьего сословия.

Царское правительство видело все эти проблемы и пыталось найти способы их решения. Так, Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков, занимавший этот пост в 1905 – 1915 гг., предлагал, не ослабляя борьбы с политическими радикалами, делать ставку в регионе на «массу благомысленного населения», благожелательно относиться к нуждам и запросам жителей Северного Кавказа, проводить политику «одинаковой близости» ко всем народам Кавказа, отделяя «мирных националистов от революционеров-террористов»⁷⁵. Он указывал на недопустимость игнорирования местных особенностей жизни, «насиленно подгоняя их под общеимперские рамки»⁷⁶.

С широкомасштабной программой реформ выступил сменивший его в 1915 г. на посту Наместника двоюродный дядя царя великий князь Николай Николаевич (Младший). Он высказывался за начало разрешения острейшего земельного вопроса, угрожавшего взорвать межнациональную обстановку в регионе, покровительство торговли и промышленности, развитие просвещения в городах и сельской местности, реорганизацию бюрократического аппарата, привлечение к управлению высококвалифицированных специалистов, разбирающихся в проблемах региона, дарование представителям высших сословий кавказских горцев прав российского дворянства, изоляцию нелояльно настроенного к России мусульманского духовенства и привлечение к

⁷⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 19. Д. 2. Л. 40.

⁷⁶ Национальная политика России: история и современность. С. 106.

сотрудничеству с властями патриотически настроенных исламских священнослужителей⁷⁷.

Однако консервативно настроенная бюрократия в центре и на местах всячески тормозила проведение насущных экономических, социальных и политических реформ, что способствовало сохранению межэтнической напряженности на Северном Кавказе на протяжении всего периода пребывания края в составе Российской империи.

§2. Северный Кавказ между двумя революциями: начальный этап государственного строительства в регионе

В результате Февральской революции, разразившейся в конце февраля – начале марта 1917 г. в столице, император Николай II 2 марта вынужден был отречься от престола. К власти в стране пришло Временное правительство, сформированное из оппозиционно настроенных депутатов IV Государственной Думы (председатель – князь Г.Е. Львов, с 7 июля – эсер А.Ф. Керенский). С первых дней своего существования ему пришлось решать острые проблемы, стоявшие перед страной, в том числе в сфере организации государственного управления и национальной политики. 3 марта была опубликована Декларация Временного правительства о его составе и задачах. Обходя молчанием форму правления и государственного устройства России (было отмечено, что этот вопрос будет разрешен Учредительным собранием, избранным «на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования»), новое правительство амнистировало осужденных по политическим и религиозным делам, декларировало установление демократических прав и свобод, отмену сословных,

⁷⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 997. Л. 1-13.

национальных и вероисповедных ограничений и объявило о проведении выборов в органы местного самоуправления по всей России на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования⁷⁸.

4 марта Г.Е. Львов издал распоряжение об отстранении от должности всех губернаторов и вице-губернаторов, временно возложив их обязанности (в том числе осуществление надзора за деятельностью местных правительственных учреждений и законностью действий органов местного самоуправления) на председателей губернских земских управ, присвоив им наименование «губернских комиссаров Временного Правительства». В уездах власть передавалась председателям уездных земских управ, которые были назначены уездными комиссарами Временного правительства⁷⁹.

Демократизация затронула также и казачество. 11 марта было объявлено о выборности всех высших органов казачьего управления⁸⁰, 14 марта военный министр А.И. Гучков, в ведении которого находились все казачьи войска, издал приказ о реорганизации местного гражданского управления казачьим населением «на началах самого широкого самоуправления». 18 марта на казачьи круги и съезды была возложена обязанность внесения предложений и пожеланий об улучшении самоуправления и облегчении военной службы казаков.

В отличие от дореволюционной эпохи, при Временном правительстве впервые в России появился специальный орган, занимавшийся вопросами государственной национальной политики в масштабах всей страны. При Министерстве внутренних дел был организован национальный отдел, который должен был оказывать содействие правительству во всей законодательной и административной работе, касающейся национальностей России, осведомлять его обо всех явлениях политической жизни народов, их культурных нуждах, готовить

⁷⁸ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

⁷⁹ *Трусова Е.М.* Возникновение и эволюция органов управления и самоуправления на Юге России в феврале - октябре 1917 г. (Дон, Кубань, Ставрополье): дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.02. Ростов н/Д, 2000. С. 107-108.

⁸⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 25. Д. 1370. Л. 10.

материалы по национальному вопросу для будущего Учредительного собрания, поддерживать тесные связи со всеми национальными общественными организациями как в столице, так и в регионах⁸¹.

Однако в целом национальному вопросу (как и аграрному, и рабочему, и вопросу о власти) Временное правительство не уделяло много внимания, отложив его разрешение до Учредительного собрания. Несмотря на некоторую демократизацию системы управления в центре и на местах, никаких кардинальных реформ проведено не было. Россия по-прежнему оставалась централизованным унитарным государством, а назначенные Временным правительством новые органы власти в регионах, заменившие царскую бюрократию, пытались использовать прежние методы в управлении. Правительственные комиссары, согласно «Временному положению о губернских (областных) и уездных комиссариатах» от 25 сентября 1917 г. сосредоточили в своих руках огромные полномочия, кроме того, как и дореволюционное чиновничество, они не избирались населением, которым управляли, и не несли перед ним никакой ответственности, назначаясь и увольняясь правительством по представлению министра внутренних дел⁸².

Только 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена республикой. В октябре Особая комиссия по составлению проекта основных законов при Временном правительстве разработала проект законодательного акта для утверждения Учредительным собранием, согласно которому Российское государство считалось «единым и нераздельным», регионы страны получали автономию, однако законодательство областных властей не могло противоречить основным законам страны и постановлениям, изданным центром. При этом оставалось неясным, останется ли Россия унитарным государством или будет преобразована в федерацию и на каких основаниях (национальных или территориальных) будет осуществлена «областная автономия».

⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-1788. Оп. 4. Д. 1. Л. 2.

⁸² Национальная политика России: история и современность. С. 200.

Однако промедление в проведении реформ вместе с нарастанием кризисных явлений в экономике на протяжении 1917 г. привело к падению популярности Временного правительства и способствовало нарастанию общественно-политического кризиса в стране. Свержение монархии, установление демократических прав и свобод, «вакуум власти», образовавшийся в процессе смены старых органов власти новыми способствовали нарастанию социальной активности народных масс, втягивавшихся в политическую жизнь с первых месяцев революции и выдвигавших социальные и политические требования. Возрастает роль политических партий, профсоюзов, общественных организаций и объединений (в том числе возникших в ходе революции и сразу после ее победы Советов рабочих и солдатских депутатов), которые становятся субъектами политической борьбы.

На окраинах России этот процесс приобрел свою специфику, выразившись в появлении и активизации региональных и национальных движений, которые, по словам историка А. Каппелера, в 1917 г. развивались одновременно и в тесном взаимодействии с социальными движениями. Недовольство руководства этих движений национальной и региональной политикой Временного правительства, не удовлетворявшей их притязания, приводит на протяжении года к радикализации национальных движений⁸³. Если сначала они не выходили за рамки требований предоставления культурно-национальной автономии отдельным народам России и провозглашения страны федеративной республикой, то к концу года страна сталкивается с открытыми проявлениями сепаратизма, угрожавшими ее территориальной целостности. Отказ Временного правительства от жестких, силовых методов подавления своих политических противников, а также обозначившаяся вскоре неспособность выстроить эффективно работающую «вертикаль власти», утрата контроля за ситуацией становятся дополнительным источником углублявшегося кризиса.

⁸³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. С. 270.

Как же развивались эти процессы на Северном Кавказе? Как происходило становление новой государственности в этом регионе и что она собой представляла? Почему она оказалась нежизнеспособной? Главная причина видится в том, что Временное правительство не проводило целенаправленной политики национально-государственного строительства на Северном Кавказе, не уделяло этому региону достаточного внимания, что привело к дестабилизации общественно-политической ситуации в крае.

9 марта 1917 г. оно приняло решение об упразднении Кавказского наместничества и создании в Тифлисе Особого Закавказского комитета из числа членов Государственной Думы, под юрисдикцию которого были переданы все территории, составлявшие Закавказье (в т.ч. Дагестанская область). Председателем был назначен кадет В.А. Харламов (русский), членами – кадет (примыкавший к дашнакам) М.И. Пападжанов (армянин), кадет (примыкавший к мусаватистам) М.-Ю.Г. Джафаров (азербайджанец), социалист-федералист К.Г. Абашидзе (грузин), меньшевик А.И. Чхенкели (грузин). Права и обязанности членов комитета определялись законами о Кавказском наместничестве, действовавшими до свержения самодержавия⁸⁴. На смену единоличной власти Наместника пришел коллегиальный орган, состоявший из политических деятелей либерального и умеренно социалистического толка. Однако в его состав не вошел ни один из представителей Северного Кавказа, что в итоге привело к тому, что власть ОЗАКОМа не распространялась на территории к северу от Главного Кавказского хребта. Фактически, отдельные области и губернии Северного Кавказа оказались предоставлены сами себе, единого центра управления и принятия решений, ответственного также за поддержание стабильности в крае, отныне не существовало.

Сложности становления новой системы управления были связаны еще и с тем, что, согласно распоряжению главы Временного правительства Г.Е. Львова от 4 марта 1917 г., вся полнота власти в губерниях и уездах должна была перейти к

⁸⁴ Победа Советской власти в Закавказье, Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 86—87.

председателям губернских и уездных управ. Однако на Северном Кавказе институт земства существовал только в Ставропольской губернии, поэтому было непонятно, кто же должен был возглавить остальные области и губернии, что было чревато созданием «вакуума власти» в полиэтничном и многоконфессиональном регионе. В этих условиях возрастает роль городских органов самоуправления (думы и управы), а также политически активных средних городских слоев и интеллигенции, преимущественно разделявших либеральные и отчасти умеренно социалистические взгляды. Именно либеральная общественность, активно выступавшая в начале XX в. с лозунгами демократизации политической жизни края, повышении роли органов местного самоуправления и участия народных масс в управлении краем, берет в свои руки дело организации основ новой власти. Следует отметить, что старое чиновничество, деморализованное падением монархии, не оказало ей никакого сопротивления, что же касается большей части жителей Кавказа (проживавших преимущественно в сельской местности), то они в первое время после Февральской революции проявляли политическую пассивность, не стремились принимать никакого участия в государственном строительстве и готовы были признать легитимность и Временного правительства, и новых органов власти.

В марте 1917 г. в областных и губернских центрах демократической общественностью при участии либерально настроенных депутатов городских дум были явочным порядком созданы новые властные органы, получавшие (как и в Центральной России) названия Комитетов общественной безопасности, Исполнительных комитетов, Гражданских комитетов, которые затем объявляли о взятии власти в масштабах всего региона, после чего на низовом уровне (в округах, отделах, уездах) создавались их отделения. Так, в Ставрополе 5 марта 1917 г. был создан Комитет общественной безопасности во главе с городским головой Н.Г. Дидрихсоном⁸⁵, 15 марта объявивший себя высшим исполнительно-

⁸⁵ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-3 об.

распорядительным органом власти в губернии⁸⁶. Подобный Комитет общественной безопасности появился 6 марта в столице Черноморской губернии Новороссийске (председатель президиума – меньшевик Б.О. Прохоров). На Кубани 9 марта по инициативе Екатеринодарского гражданского комитета, возникшего 5-6 марта, вся полнота власти была передана Временному Кубанскому областному комитету (председатель – кадет, казак В.В. Скидан), в который вошли представители городского самоуправления, крупных общественных организаций, известные общественные деятели либерального и умеренно социалистического толка, а на местах, в отделах и населенных пунктах – гражданским комитетам. В Терской области о взятии власти 6 марта объявил Владикавказский гражданский исполнительный комитет (председатель – начальник областного гидротехнического отдела кадет С. Казьмин), в который вошли депутаты городской думы, представители кооперативных учреждений Владикавказа, больничной кассы рабочих города, областного комитета Союза городов, Военно-промышленного комитета и общества оптовых закупок⁸⁷. В Дагестанской области 9 марта власть перешла к возникшему на митинге в областной столице Темир-Хан-Шуре Временному Дагестанскому областному гражданскому исполнительному комитету, в него вошли уроженцы всех округов Дагестана – представители горской знати, офицерства, духовенства, ученые-арабисты, предприниматели, техническая интеллигенция, лица свободных профессий, известные общественные деятели (председатель – главный инженер Дагестанской области, придерживавшийся демократических взглядов З. Темирханов, кумык по национальности)⁸⁸.

Конечно, с формально юридической точки зрения все эти самопровозглашенные организации, созданные немногочисленными политическими активистами, не имели никаких прав на осуществление властных полномочий, т.к. само их существование и круг полномочий не были закреплены

⁸⁶ ГАСК. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 5. Л. 7-8.

⁸⁷ Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 г. М.: Патриа, 2007. С. 12.

⁸⁸ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. С. 39.

ни в одном правительственном законодательном акте. Тем не менее, воспользовавшись революционным кризисом, руководство этих организаций, постоянно выражая лояльность Временному правительству и заверяя его в своей преданности, и в то же время ведя активную пропагандистскую кампанию в массах, выставя себя главными защитниками революции и демократии (что опять же не соответствовало действительности, потому что они не были избраны народом), сумело укрепить свое положение и утвердиться у власти.

Однако стремление к участию в политической жизни края проявили также казачья и горская элиты (дворянство, офицерство, духовенство, интеллигенция). Казачья верхушка воспользовалась дарованным казакам правом выбирать все органы управления, объявив о возрождении старинных казачьих вольностей, упраздненных еще в XVIII в. – права собирать представительные собрания (круги, рады) и выбирать атаманов и должностных лиц казачьего войска. Известный казачий общественно-политический деятель, депутат Государственной Думы есаул М.А. Караулов, прибывший на Терек, разработал проект «Временного положения о хозяйственном управлении Терского казачьего войска», предусматривавший создание на войсковой территории (под ней понималась территория четырех отделов Терской области – Пятигорского, Моздокского, Сунженского и Кизлярского) казачьей автономии. Законодательная власть должна была перейти к выборному Войсковому Кругу, а исполнительная вручалась атаману Войска Терского, который избирался на заседании Круга⁸⁹. Предложение Караулова было поддержано казачьей элитой, которая 8 марта 1917 г. выпустила воззвание к казакам, предложив им избирать делегатов на Войсковой Круг, определив нормы представительства (станции с числом жителей свыше 500 человек посылали двух делегатов, меньше 500 – одного).

Войсковой Круг начал свою работу во Владикавказе 14 марта. Он выразил поддержку пришедшему к власти Временному правительству, заверив его в своей

⁸⁹ Ткачев Е.А. Терское казачество в годы революций и гражданского противостояния (1917-1923): участие, политические приоритеты, итоги: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02. Пятигорск, 2005. С. 38.

лояльности, а также признал полномочия областного исполнительного комитета. В то же время делегаты Круга отметили, что казачество во всех делах, касающихся его, пользуется правами самоуправления. Высшая власть на казачьей земле отныне переходила к Войсковому Кругу, собиравшемуся не реже одного раза в год. Круг формировал Войсковое правительство из семи лиц, наделяемое исполнительной властью, срок полномочий которого был установлен в три года. Председателю правительства было решено присвоить звание Войскового атамана Терского казачьего войска⁹⁰.

На местах все права по организации власти были переданы станичному управлению, состоявшему из станичного круга, станичного правления и станичного наблюдательного совета. В работе круга имели право участвовать все казаки мужского пола, достигшие 25 лет. Атаман и его товарищ избирались на три года из числа лиц казачьего сословия и обладали высшей исполнительно-распорядительной властью, однако несли ответственность перед станичным кругом, который в любой момент мог отстранить их от занимаемой должности⁹¹. Установленную систему управления и самоуправления можно было бы признать демократической, однако следует учитывать тот факт, что от участия в выборах и, следовательно, политической жизни, были отстранены проживавшие на казачьей земле представители иных сословных групп.

Круг завершил свою работу 16-17 марта, избрав М.А. Караулова Войсковым атаманом (его товарищем стал есаул Л.Е. Медяник) и членов Войскового правительства⁹². Де-факто они после съезда сосредоточили всю полноту власти в четырех отделах области. Вслед за терским, процесс политической организации охватил и кубанское казачество. 17 апреля в Екатеринодаре начал свою работу съезд представителей казачьих станиц Кубанской области, который сформировал Войсковую Раду (председатель – казачий политический и общественный деятель Н.С. Рябовол). Съезд завершил свою работу 22 апреля, избрав Временное

⁹⁰ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-3.

⁹¹ ЦГА РСО-А. Ф. 225. Оп. 1. Д. 4. Л. 104-104 об.

⁹² ЦГА РСО-А. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

Войсковое правительство (председатель – бывший атаман Лабинского отдела полковник А.П. Филимонов, заместитель – хорунжий И.Л. Макаренко). В состав правительства от каждого казачьего отдела было избрано 1-2 представителя⁹³.

Войсковая Рада объявила, что «Кубанское Войсковое правительство есть высший исполнительный и распорядительный орган Кубанского войска и представляет последнее как лицо юридическое... В своей деятельности Войсковое правительство руководствуется указаниями и постановлениями Кубанской Войсковой Рады и распоряжениями Временного правительства, а до созыва Рады – казачьей части Кубанского областного Совета. Роль комиссара Временного правительства в отношении Войскового правительства носит характер осведомительно-совещательный»⁹⁴.

Себя Рада провозгласила высшим законодательно-распорядительным органом войска, а также высшим органом управления, ведающим «всеми делами, касающимися военной службы, хозяйства и казачьих учреждений Кубанской области. Рада независима и самостоятельна в своих действиях, за исключением вопросов, имеющих общегосударственный характер»⁹⁵.

Стремление к консолидации проявила и политическая элита северокавказских горцев. Вечером 5-6 марта 1917 г. на квартире юриста Б. Шаханова, балкарца по национальности, во Владикавказе прошли совещания горской общественности, в ходе которых было решено добиваться предоставления представителям горцев мест во всех новых органах власти, формируемых в Терской области. Кроме того, собравшиеся анонсировали создание т.н. Временного Центрального комитета объединенных горцев – органа, который должен был сплотить всех горцев Кавказа и отстаивать их политические, экономические, национальные и культурные интересы. Председателем ЦК стал Б. Шаханов, в комитет вошли также Г. и И. Баевы, С. Дударов, А. Цаголов, В. Абаев (осетины), М. Абуков (карчаевец), Б. Далгат (даргинец), Р. Капланов, Т.

⁹³ Филимонов А.П. Кубанцы в 1917 – 1918 гг. // Белое дело: Летопись белой борьбы. Кн. II. Берлин, 1927. С. 457.

⁹⁴ Свободная Кубань. 1917. 28 апреля.

⁹⁵ Свободная Кубань. 1917. 3 мая.

Пензулаев (кумыки), Т. Укуров, Г. Ахриев, Б. Льянов (ингуши), П. Коцев, Т. Шакманов (кабардинцы), А.-М. Чермоев (чеченец)⁹⁶.

Временное правительство пыталось взять ситуацию под контроль, назначая в губернии и области Северного Кавказа правительственных комиссаров, которым вручалась вся полнота исполнительной и полицейской власти на местах. Однако попытки комиссаров установить единоначалие и ограничить полномочия самопровозглашенных комитетов наталкивались на упорное сопротивление местной общественности, не желавшей уступать им властные полномочия. Против них велась агитация по обвинению в намерении ликвидировать демократические «завоевания революции» и реставрировать дореволюционные порядки. Положение осложнялось тем, что у правительственных комиссаров отсутствовали вооруженные силы, т.к. старая полиция была расформирована, а новая милиция, равно как солдаты и матросы, также приобщавшиеся к политической жизни и начинавшие ощущать себя самостоятельной политической силой, не всегда были склонны оказывать им поддержку. Наконец, немаловажное значение имел и тот факт, что комиссары, будучи местными уроженцами, не могли не учитывать запросы и настроения политических элит края.

Наиболее острый конфликт между правительственным комиссаром кадетом Н.Н. Николаевым с одной стороны, и гражданскими комитетами и Советами рабочих и солдатских депутатов, полномочия которых он хотел ограничить, с другой, возник в Черноморской губернии. 24 мая 1917 г. съезд Советов и представителей гражданских комитетов Черноморья вынес губернскому комиссару вотум недоверия и отстранил его от должности. Заявив о «непризнании вообще назначаемого правительством комиссара», съезд возложил управление губернией на выборный коллегиальный комитет из пяти человек (председатель – эсер А.П. Сазонов). Возник острый правительственный кризис. Временное правительство ничего не сделало для поддержки назначенного им комиссара, более того, оно в конечном итоге отозвало Николаева и возложило его обязанности на эсера Н.С. Долгополова, пользовавшегося доверием

⁹⁶ Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. С. 17.

«общественности». Для того, чтобы получить вотум доверия от Новороссийского комитета общественной безопасности и исполкома местного Совета, новый комиссар должен был согласиться на создание при губернском комиссариате губернского комитета общественных организаций (председатель – меньшевик Б.О. Прохоров)⁹⁷ и согласовывать с ним все принимаемые решения.

Этот прецедент наглядно продемонстрировал слабость Временного правительства, неспособного оказать эффективную поддержку правительственным организациям и обеспечить общественный порядок в регионе. В Ставропольской губернии еще 12 марта губернская земская управа по согласованию с Комитетом общественной безопасности назначила губернским комиссаром общественного деятеля, депутата Государственной Думы от Ставропольской губернии, трудовика Д.Д. Старлычанова. Временное правительство на протяжении месяца отказывалось утверждать полномочия комиссара, избранного без его ведома, однако, в конце концов, вынуждено было пойти на уступку Комитету общественной безопасности, располагавшему реальной властью в губернии. Д.Д. Старлычанов смог сохранить свой пост, однако, в свою очередь, в дальнейшем он вынужден был все свои решения согласовывать с самопровозглашенным комитетом.

В Кубанской области областной комиссар, депутат Государственной Думы кадет К.Л. Бардиж оказался между двумя претендующими на власть организациями – Кубанским областным Советом, в котором доминировала иногородняя по своему происхождению интеллигенция и средние городские слои, и Войсковой Радой, выражавшей интересы казачьей верхушки. После недолгих колебаний, Бардиж, сам кубанский казак по происхождению, открыто встал на сторону Рады, превратившись в послушного проводника ее интересов. Аналогично развивались события и в Дагестанской области. 11 марта Временное правительство назначило правительственным комиссаром по Дагестанской

⁹⁷ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917 – 1918 гг.). Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1984. С. 21.

области и Закатальскому округу депутата Государственной Думы даргинца М.-М. Далгата. Одновременно с этим Особый Закавказский комиссариат назначил в область своего уполномоченного – депутата III Государственной Думы, крупного землевладельца И. Гайдарова, лезгина по национальности.

Между двумя комиссарами, началось вполне предсказуемое соперничество и борьба за власть, грозившая парализовать управление областью, т.к. каждый из них отменял циркуляры другого и издавал свои собственные. Управление краем было унифицировано лишь 6 апреля, когда был создан Особый комиссариат по управлению Дагестанской областью – коллегиальный орган управления, в который вошли оба комиссара (М.-М. Далгат и И. Гайдаров), а также представители, делегированные Дагестанским областным исполкомом⁹⁸, в руках которого и оказалась реальная власть в области, потому что комиссары, сами горцы по происхождению, склонны были ориентироваться именно на исполком, а не на Временное правительство или ОЗАКОМ.

На Тереке областным комиссаром 7 марта был назначен владикавказский уездный воинский начальник полковник И. Михайлов⁹⁹. Однако он не был известен широким слоям населения области, не обладал должным авторитетом и не смог проявить себя в качестве сильного и авторитетного политического деятеля. Не имея прочной опоры в обществе, Михайлов не мог противопоставить себя областному исполнительному комитету и вынужден был все свои решения согласовывать с ним, уступив ему право определять политический курс области. 29 марта Терский областной исполнительный комитет объявил себя «носителем высшей правительственной власти в пределах Терской области»¹⁰⁰, несмотря на то, что не имел на это никакого права. Никаких санкций в отношении него со стороны Временного правительства не последовало.

⁹⁸ Аликберов Г.А. Победа социалистической революции в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. С. 30.

⁹⁹ Терские ведомости. 1917. 11 марта.

¹⁰⁰ Терские ведомости. 1917. 29 марта.

Все это привело к тому, что уже к лету 1917 г. органы Временного правительства на Северном Кавказе фактически утратили реальную власть и либо перешли на сторону региональной политической элиты, либо оказались в ситуации, когда ни одно их решение, противоречившее интересам этой элиты, не могло быть претворено в жизнь. По мере их ослабления, возрастает влияние на определение политического курса в регионах горского и казачьего национальных движений. С чем это было связано? Применительно к 1917 г. мы можем говорить об «этнической мобилизации» горских народов Северного Кавказа, а также казачества, которая состояла в осознании этническими общностями себя в качестве отдельной политической силы. Можно согласиться с терминологией российского ученого Э.А. Паина, трактующего этническую мобилизацию как приобретение этническим сознанием той или иной общности политической направленности под влиянием элит, которые стремились актуализировать символы, хранимые в исторической памяти этноса, например, прошлые обиды, реальные или представляющиеся обидами, нанесенные представителям этой общности в Российской империи, из чего вытекало требование расширения гражданских прав¹⁰¹. Массы же, привыкшие идти за своими элитами, оказывали им поддержку, содействуя укреплению их политических позиций.

Нам представляется вероятным, что можно говорить и о подъеме в крае этнического национализма – по терминологии Э.А. Паина, идеологии, в основу которой положен принцип исключительности той или иной этнической общности, которая на основании этого становится достойной особых прав и привилегий¹⁰². Эти настроения поддерживались и направлялись элитами, стремящимися к власти, а также, косвенно, бездействием Временного правительства и слабостью его органов в регионе. В связи с этим встает вопрос, можно ли рассматривать казачье движение в рамках принятой терминологии? С одной стороны, казаки не рассматривались в качестве отдельной нации или народа, но, с другой, казачество,

¹⁰¹ См. Пайн Э.А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / 2-е изд., доп. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004. С. 17, 26, 30.

¹⁰² Там же. С. 92.

безусловно, ощущало себя отдельной этнической (или, если точнее, - этносословной) общностью, объединяемой коллективными представлениями об историческом и культурном прошлом, наличием общей «исторической территории» или памятью о ней, как о прародине (в отношении части кубанского казачества такой «исторической прародиной» выступала Запорожская Сечь и Украина), общими элементами традиционной культуры, самоназванием и той или иной мерой солидарности. Это дает нам основание рассматривать казачье движение в 1917 – 1921 гг. как часть национального движения народов Северного Кавказа.

Напротив, в отличие от горцев и казаков, русское население Северного Кавказа оказалось не затронуто «этнической мобилизацией». Ощущения общенационального единения, временно, после победы Февральской революции, охватившие часть русского общества (преимущественно городского) к лету иссякли. Среди русского социума нарастали социальные противоречия, проявлявшиеся в виде забастовок рабочих, крестьянских выступлений («аграрных бунтов»), антиправительственных митингов и демонстраций в городах. Откладывание реформ до созыва Учредительного собрания провоцировало обострение социальных конфликтов, что, вместе с ростом казачьего и горского движения, расшатывало позиции новых органов региональной власти, которые стремительно утрачивали социальную базу, т.к. горцы и казаки в массе своей поддерживали свою элиту, рабочие и крестьяне – Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, возникшие вскоре после Февральской революции, а средние городские слои и интеллигенция, составлявшие основную опору комитетов общественной безопасности и гражданских исполкомов, начинают связывать свое будущее с органами местного самоуправления – городскими думами и земствами, которые теперь должны были избираться демократическим путем - на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Летом 1917 г. в городах Северного Кавказа состоялись выборы в городские думы, принесшие успех умеренным социалистам, завоевавшим большинство мест

практически во всех крупных городах. Либералы, напротив, выступили скромнее, чем ожидали. Связано это было с разочарованием многих горожан в политике стоявших у власти либеральных сил, затягивавших проведение реформ и надеждой на то, что социалисты в большей степени будут учитывать их интересы. Что касается земств, то они были демократизированы в Ставропольской губернии (осенью там появились и волостные земства), однако в остальных регионах Северного Кавказа так и не были созданы. Тем не менее, после появления демократически избранных органов городского самоуправления, существование самопровозглашенных комитетов и исполкомов, которые так и не смогли получить признания и регулярного финансирования со стороны Временного правительства, становилось ничем не оправданным. Они начинают стремительно утрачивать свои позиции, не в последнюю очередь под натиском национальных движений.

На Ставрополье 13 октября губернский комиссар Д.Д. Старлычанов отдал распоряжение о передаче всего имущества и делопроизводства комитетов общественной безопасности уездным и волостным земским управам, а также городским думам и управам. Губернский комитет, уступив свои полномочия губернской земской управе, был преобразован в Ставропольский губернский комитет общественных организаций, утратив политическую власть¹⁰³. В Дагестанской области областной Совет и исполком оказались под безраздельным контролем горских национал-демократов. На Кубани казачья верхушка, сформировав 1 июля т.н. Кубанский Войсковой Совет и, заручившись поддержкой областного комиссара К.Л. Бардижа, 4 июля в одностороннем порядке объявила о прекращении существования Кубанского областного Совета и исполкома за выходом из них представителей всего казачьего населения области»¹⁰⁴. В Терской области, в условиях обострения социальных и межнациональных отношений (вызванных неурегулированным земельным

¹⁰³ Филатова Ж.В. Трансформация органов местного управления и самоуправления в Ставропольской губернии и Терской области: март 1917 - март 1918 гг.: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02. Пятигорск, 2009. С. 147.

¹⁰⁴ Кубанский край. 1917. 5 июля.

вопросом), Терский областной исполнительный комитет, оказавшийся бессильным стабилизировать ситуацию, утратил реальный контроль за положением дел. Ни горские, ни казачьи лидеры не желали считаться с ним и, признавая на словах его верховную власть, фактически действовали самостоятельно, отказ же руководства исполкома от проведения социальных реформ до созыва Учредительного собрания, привел к быстрому падению его популярности среди крестьянства.

Таким образом, летом-осенью 1917 г. Северный Кавказ столкнулся с третьим кризисом государственности (первый произошел в начале марта после отстранения старых органов управления от власти, второй был связан с неспособностью Временного правительства овладеть положением дел в регионе), связанным с тем, что созданные демократической общественностью весной 1917 г. органы власти эту власть утратили. Это создавало благоприятную возможность для политической элиты казаков и горцев. Она, однако, должна была учитывать реальное соотношение сил в том или ином регионе.

На Тереке, где казачество составляло всего 20% населения области, его лидеры ограничивались участием представителей казаков в работе областных органов управления и стремлением упрочить свои позиции только на территории четырех отделов области. 1-4 августа 1917 г. III сессия Войскового Круга Терского казачьего войска приняла решение передать в них всю полноту административной власти Войсковому атаману М.А. Караулову, подчинить ему все части Терского казачьего войска и предоставить «чрезвычайные полномочия, необходимые к охране государственного порядка на войсковой территории»¹⁰⁵, что и было беспрепятственно проведено в жизнь. Однако в Кубанской области, где доля казачества была гораздо выше, верхушка Кубанского войска намеревалась присвоить себе всю полноту власти. Еще 9 июля 1917 г. областной комиссар К.Л. Бардиж возложил на Войсковое правительство «сохранение порядка и спокойствия» на территории всего региона¹⁰⁶. В конце июля Временное

¹⁰⁵ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 96. Л. 151.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-1791. Оп. 1. Д. 108. Л. 1.

правительство вынуждено было санкционировать произошедшие перемены, объявив Войсковое правительство представителем государственной власти на Кубани¹⁰⁷. Это позволило казакам на протяжении лета 1917 г. ликвидировать в отделах и станицах возникшие там весной всесословные гражданские комитеты, заменив их органами казачьего управления.

24 сентября 1917 г. в Екатеринодаре начались заседания выборной Войсковой Рады (по норме представительства – один делегат от 5000 казаков старше 20 лет), которая 7 октября приняла «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае». В нем говорилось, что «в разрешении вопросов местной жизни высшая власть Кубанского края независима и самостоятельна». Тем самым, Рада в одностороннем порядке декларировала автономию Кубани, ставя Временное правительство перед свершившимся фактом. Носителем высшей власти в регионе были объявлены правомочные представительные собрания казаков, горцев и коренных крестьян, в которых могли участвовать все граждане, относящиеся к данным категориям с 20 лет. Они избирали депутатов Краевой Рады, которая становилась высшим органом управления в крае.

Краевая Рада выбирала из своего состава Законодательную Раду – постоянно работавший орган, который осуществлял законодательные функции, утверждал бюджет, осуществлял надзор и контроль за правительством, назначал председателя правительства, руководил работой представительства при центральном правительстве. Краевая Рада также избирала Войскового атамана, который являлся верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами края, утверждал проекты законов, обладал правом относительного «вето». Все распоряжения атамана нуждались в одобрении правительством. Войсковое правительство преобразовывалось в Краевое, наделенное высшей исполнительной

¹⁰⁷ Вольная Кубань. 1917. 28 июля.

властью и ответственное перед Законодательной Радой¹⁰⁸. Два места в правительстве были выделены представителям иногородних, одно – горцам.

Кубанская область была переименована в «Кубанский край», который по форме государственного правления представлял собой парламентско-президентскую республику. 12 октября Войсковым атаманом был избран председатель Войскового правительства полковник А.П. Филимонов, комиссар К.Л. Бардиж официально передал ему свои властные полномочия. Казачьи идеологи подчеркивали демократичность нового государственного образования, однако значительная часть населения региона (иногородние, имевшие и не имевшие оседлости, рабочие) фактически были отстранены от участия в политической жизни края. Горцы и коренные крестьяне даже вместе взятые уступали в численном отношении кубанским казакам, следовательно, именно к казачеству переходило единоличное управление всей территорией Кубанского края, что нельзя не рассматривать как дискриминационную меру по отношению к представителям иных сословных групп.

Параллельно с казачьим развивалось и национальное движение горцев и кочевников. И точно так же, оно было сильнее именно в тех регионах, где процент коренных жителей был выше. В Ставропольской губернии на «территории кочующих инородцев» (там проживали калмыки, ногайцы и туркмены-трухмены) в начале апреля 1917 г. появились, по образцу губернского центра, Комитеты общественной безопасности и народные исполкомы, возглавляемые национальной элитой. В их руководстве, однако, началась борьба двух политических групп, одна из которых выступала за сохранение тесных связей кочевого населения со Ставропольской губернией и русским населением края, вторая, представленная, в основном, родовой знатью, тяготела к объединению с северокавказскими горцами-мусульманами. 26 июля собрание делегатов от ногайских сел Ачикулакского района высказалось за вхождение в Терскую область и создание на ее территории ногайско-караногайского

¹⁰⁸ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 25. Л. 123.

национального округа¹⁰⁹. 15 августа сход туркмен Ставропольской губернии принял решение о вхождении в состав Терской области и объединение с караногайцами в одну административно-территориальную единицу¹¹⁰. Тем не менее, провести эти решения в жизнь мусульманским народам не удалось ввиду их малочисленности по сравнению с основным населением Ставропольской губернии и отсутствия воинских сил, способных противостоять расквартированным в губернии подразделениям российских войск.

На Кубани 8 марта 1917 г. совещание представителей горцев Екатеринодарского отдела вынесло резолюцию о поддержке Временного правительства, заявив, что горцы не стремятся «к какому-либо особому краевому выделению или автономии». 21 марта на съезде уполномоченных горских населенных пунктов Баталпашинского отдела был избран гражданский национальный комитет карачаевского народа¹¹¹, который должен был представлять интересы карачаевцев перед областными органами власти. Горская политическая элита в апреле вошла в состав Кубанского областного Совета. Однако съезд делегатов Зеленчукских аулов Баталпашинского отдела в Эльбургане 25-27 июля уже заявил о желательности выделения горских территорий Кубанской области в особые национальные округа¹¹². Открывшийся 10 августа в ауле Хакуринохабль I свободный общегорский съезд представителей горских народов Кубанской области и Черноморской губернии высказался за преобразование России в «демократическую республику на территориально-федеративных началах областной автономии», создание особых национальных округов в районах с компактным проживанием национальных меньшинств, а также представительство горцев в органах местного самоуправления области. Был сформирован Кубанский областной горский Совет – представительный орган мусульман края, который должен был отстаивать их интересы перед областными и российскими властями, куда вошли видные карачаевские и адыгские

¹⁰⁹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

¹¹⁰ Там же. Л. 52.

¹¹¹ Там же. Д. 2. Л. 2.

¹¹² Там же. Л. 7-8.

политические и общественные деятели. Съезд образовал также и постоянный рабочий орган – Кубанский областной горский комитет в составе Султана Шахим-Гирея, К. Натырбова, К.-Г. Шеретлукова и Х.-Б. Хубиева, который должен был координировать деятельность всех горских общественных организаций на Кубани¹¹³.

Напротив, в Дагестанской области, где мусульмане абсолютно доминировали в составе населения, горская национал-демократическая элита уже с весны 1917 г. сосредоточила в своих руках всю полноту власти, поставив под полный контроль Дагестанский областной исполнительный комитет и областной Совет, ее представители занимали посты областных, окружных и участковых комиссаров, признавая, впрочем, верховную власть Временного правительства. Она стремилась к доминированию и в округах Терской области (Нальчикском, Владикавказском, Назрановском, Грозненском и Хасавюртовском), где также численно преобладали горцы. На их территории в марте-апреле 1917 г. возникают т.н. «национальные советы» (Ингушский, Чеченский, Осетинский и т.д.), которые первоначально представляли собой национальные общественные организации, однако уже скоро они выступили с претензиями на власть, проводя национальные съезды и требуя избрания окружных и участковых комиссаров самим народом. Комиссары, которые уже были назначены Терским областным исполкомом, если они не удовлетворяли национальные советы, отстранялись от должности и заменялись новыми. В результате Нальчикский округ возглавил судебный следователь Г. Чижок (кабардинец), Владикавказский – прапорщик С.А. Такоев (осетин), Назрановский – агроном М. Джабагиев (ингуш), Грозненский – преподаватель Т.Э. Эльдарханов (чеченец), Веденский – полковник А. Адуев (чеченец), Хасавюртовский – адвокат князь Р. Капланов (кумык). Уже весной 1917 г. горские национальные организации сконцентрировали всю полноту власти в округах Терской области.

¹¹³ Музаев Т.М. Союз горцев. С. 147.

Несмотря на то, что они формально признавали власть Временного правительства, можно говорить о том, что на Северном Кавказе после Февральской революции возобладали центробежные тенденции. Наряду с ними действовали и тенденции центростремительные. В горском национальном движении они появились в виде создания Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана – политической организации, призванной консолидировать все горского население края. О создании Союза было объявлено на состоявшемся 1 – 7 мая 1917 г. во Владикавказе I общегорском съезде, инициированным Временным ЦК Союза. Целью создания Союза являлось «сплочение горцев Кавказа для защиты и упрочения завоеванных революцией свобод, проведение в жизнь демократических начал и защита общих политических, социальных и культурно-национальных интересов»¹¹⁴. Временное правительство признавалось единственным носителем верховной власти в России.

По вопросу о политическом будущем страны съезд высказался за установление через Учредительное Собрание демократической федеративной республики, понимаемой как «союз отдельных самоуправляющихся автономных областей, с особыми законодательными палатами и выборными правительственно-административными органами, ответственными перед своими палатами, во главе с единой общероссийской палатой, выборным палатой президентом и ответственным перед палатой министерством». Особо подчеркивалось, что местные нужды могут быть «правильно разрешены только самим мирным населением». Планировалось, что все регионы Северного Кавказа объединятся в Кавказскую федерацию, которая станет отдельным субъектом Российской республики¹¹⁵. При этом, однако, обходился молчанием вопрос о том, будут ли эти автономные области строиться по национальному признаку или же в основе их формирования сохранится прежний административно-территориальный принцип.

¹¹⁴ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.), Горская республика (1918 – 1920 гг.): Документы и материалы. Махачкала: Юпитер, 1994. №6. С. 31.

¹¹⁵ Музаев Т.М. Союз горцев. С. 65.

В принятой в последний день работы съезда Конституции Союза объединенных горцев было заявлено, что он объединяет «все горские племена Кавказа, а также туркмен и ногайцев Ставропольской губернии и является членом Кавказского Мусульманского Союза». Каждый из народов, входящих в Союз был наделен автономией «в области своих внутренних народнохозяйственных интересов». Высшим распорядительным органом был признан съезд делегатов, при этом один депутат избирался от 20000 душ населения на один год путем всеобщих, прямых (или двухстепенных), равных и тайных выборов. Съезд осуществлял высший надзор за союзным управлением, определял меры внутренней безопасности для поддержания спокойствия и порядка, избирал членов Центрального комитета и Духовного управления, отменял, «в случае противоречия общесоюзным интересам», постановления народных и окружных собраний, устанавливал нормы налогообложения для общесоюзных нужд, утверждал отчеты ЦК¹¹⁶.

Центральный комитет Союза являлся высшим исполнительным органом. Он управлял общесоюзными делами, следил за соблюдением союзной Конституции и постановлений съезда, заботился об обеспечении безопасности и спокойствия на территории Союза, представлял съезду проекты решений и доклады, осуществлял надзор за деятельностью должностных лиц, представлял Союз во взаимоотношениях с органами государственной власти и общественно-политическими организациями. Под его командованием находилась народная горская милиция. Все областные организации в общегорских делах должны были подчиняться ему¹¹⁷.

Каждый народ получил право быть представленным в Центральном комитете согласно квотам, которые были выделены каждому региону, исходя из численности горского населения. Дагестанская и Терская области посылали по шесть представителей, Кубанская (совместно с Черноморской губернией) – двух, Закавказский округ, Ставропольская губерния и Абхазия – по одному. К каждому

¹¹⁶ Союз объединенных горцев. №23. С. 52.

¹¹⁷ Музаев Т.М. Союз горцев. С. 67-68.

члену избиралось два кандидата. Было решено также ввести выборную должность Муфтия Кавказа (перевыборы планировалось проводить на съезде раз в три года), при котором должен был функционировать Совет из четырех кадиев (по два от шафиитов и ханафитов). Параллельно должно было функционировать Кавказское Духовное правление в составе 9 членов (по три от Терской и Дагестанской областей, два от Кубанской области и один от Ставропольской губернии)¹¹⁸.

Председателем ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана был избран богатый чеченский нефтепромышленник А.-М.О. Чермоев, его товарищами – присяжный поверенный и крупный коннозаводчик П.Т. Коцев (кабардинец), князь, адвокат Р. Капланов (кумык) и присяжный поверенный Б. Далгат (даргинец), управляющим делами – агроном В.-Г. Джабагиев (ингуш). Среди членов ЦК большинство принадлежало «новой горской элите» - служащим и интеллигенции, а также офицерству. По своим политическим предпочтениям они относились к либерально-демократическому, республиканскому крылу горского национального движения. Муфтием мусульман Северного Кавказа стал шейх Н. Гоцинский, происходивший из смешанной аварско-кумыкской семьи, придерживавшийся консервативных взглядов¹¹⁹.

Хотя Союз объединенных горцев позиционировал себя как общественная организация, он, тем не менее, приступил к созданию подконтрольных ему вооруженных формирований (горская милиция) и выдвинул претензии на участие в политической жизни региона. Если на Кубани, Ставрополье и Черноморье влияние Союза было не особенно велико, что объяснялось малочисленностью проживавшего там мусульманского населения, то на Тереке и в Дагестане он вскоре превратился в могущественную силу, с которой вынуждены были считаться официальные власти. Местные органы управления и самоуправления в Дагестане, Хасавюртовском округе, Чечне, Ингушетии, отчасти в Нальчикском округе ориентировались в большей степени на Союз объединенных горцев, чем на официальные органы власти. Некоторое исключение представлял собой

¹¹⁸ Музаев Т.М. Союз горцев. С. 69.

¹¹⁹ Там же. С. 71.

Владикавказский округ, т.к. возглавлявший его окружной комиссар меньшевик С.А. Такоев, опираясь на левое крыло окружного гражданского исполнительного комитета, дистанцировался от ЦК Союза, который он считал реакционным органом.

Идеи об объединении выдвигались не только представителями горских народов Кавказа, но и лидерами южнорусского казачества. Казачьи лидеры стремились упрочить сословные привилегии казачьих войск, а также укрепить и расширить полученные казачьей элитой в ходе революции преференции. Претензии иногороднего крестьянства и горских народов края на перераспределение земельной собственности и участие в местном управлении, нарастание экономического и политического кризиса в Центральной России, вызывали у них опасение. 27-28 июля 1917 г. в Новочеркасске состоялась встреча представителей пяти казачьих войск: Донского, Кубанского, Терского, Уральского и Астраханского, на которой была высказана мысль о необходимости «сплочения казачества на почве взаимной поддержки» и объединения его в союз. Для разработки положения о союзе была создана особая комиссия. Казачьи делегаты высказали мысль о том, что будущий союз казачьих войск «создаст надежный оплот против бушующей и бунтующей Великороссии»¹²⁰.

4 сентября представители Донского, Кубанского и Терского казачьих войск встретились в Екатеринодаре. Делегаты подчеркнули, что казаки стремятся увидеть Россию демократической, федеративной республикой с развитым местным самоуправлением, однако вопрос о государственном строе находится в компетенции исключительно Учредительного собрания¹²¹. Тем не менее, казачество Юго-Востока России для охраны завоеванных свобод и обеспечения безопасности на войсковых землях могло создать союз, который являлся бы общественно-политической организацией, призванной защищать интересы казачества.

¹²⁰ Вольная Кубань. 1917. 29 июля.

¹²¹ Вольная Кубань. 1917. 6 сентября.

20-25 сентября в Екатеринодаре состоялась конференция представителей шести казачьих войск Юго-Востока России (Донского, Кубанского, Терского, Яицкого, Оренбургского и Астраханского), в которой также приняли участие делегаты Совета Союза казачьих войск, Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и Кубанского областного горского исполнительного комитета. Приглашение лидеров кавказских горцев на этот форум было обусловлено пониманием лидерами казачества того факта, что обеспечение стабильности в северокавказском регионе и предотвращение конфликтов на национальной почве возможно только при условии объединения усилий мусульманских народов и казачества.

Собравшиеся приняли резолюцию «О федеративном строе Российской Демократической Республики и об образовании Союза Юго-Восточных федеративных областей», в которой говорилось о том, что наилучшим будущим для России является преобразование ее в демократическую республику, которая по типу государственного устройства должна была представлять собой федерацию. Юго-восточные области России должны были быть преобразованы в отдельную административно-территориальную единицу, которая в будущем должна была стать субъектом Федерации, а входящие в ее состав регионы, населенные казаками и горцами – образовать Союз «для единения и защиты общих краевых интересов». Главными задачами этого Союза являлись обеспечение порядка и спокойствия на его территории, а также защита политических, земельных, культурно-экономических и национальных прав его участников¹²².

Итак, осенью 1917 г. северокавказская региональная политическая элита (казачья и горская) стремится не просто к закреплению своей власти в крае, но и выражает намерения переустройства формы правления и формы государственного устройства в России в направлении, наиболее полно отвечающим их интересам сохранения всей полноты власти на местах. Терский атаман М.А. Караулов даже составил проект «Основных государственных законов

¹²² ГАРФ. Ф. Р-1788. Оп. 1. Д. 15. Л. 11-17а.

Республики Юго-Восточной» предусматривавший объединение всех юго-восточных регионов страны в отдельную автономную республику в составе Российской Федерации, возглавляемую парламентом, который избирал бы президента и формировал правительство¹²³.

С целью разработки и принятия уставных документов нового политического образования 16 октября во Владикавказе в Атаманском дворце начала работу конференция представителей казачьих войск и горских народов Юго-Восточных областей России. 17 октября участники встречи приняли единогласное решение об образовании «Союза Юго-Восточных областей», а 21 октября утвердили «Союзный Договор Юго-Восточного Союза Казачьих войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей». Делегаты поддержали идею учреждения Российской Демократической Федеративной республики «с признанием Членов Союза отдельными ее штатами» и высказались за создание на территории России «твердой и авторитетной демократической государственной власти, свободной от давления безответственных организаций». На территории Юго-Востока должен был быть установлен правопорядок, подавлена «анархия и контрреволюция». Союз должен был гарантировать защиту политических, земельных, культурно-экономических и национальных прав его членов. Каждый член Союза сохранял внутреннюю автономию. Во главе Союза должно было встать объединенное правительство, министры которого избирались местными исполнительными органами власти по норме представительства: двое от Донского, Кубанского, Терского казачьих войск, четыре – от Союза объединенных горцев (при этом двое – от Дагестанской области и Закатальского округа) и по одному – от Астраханского казачьего войска и калмыцкого народа. Правительство могло вступать в сношения с другими региональными объединениями, а также образовывало представительство при Временном правительстве¹²⁴.

Подписание этого договора знаменовало собой создание явочным порядком, без санкции Временного правительства на территории Северного

¹²³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 225. Оп. 1. Д. 4. Л. 98-99.

¹²⁴ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 48. Л. 28-28 об.

Кавказа автономной административно-территориальной единицы, представлявшей собой национально-территориальную федерацию казаков, горских и кочевых народов Юго-Востока России, руководство которой лишь номинально признавало верховную власть петроградского правительства и намеревалось проводить независимую внутреннюю политику на подконтрольной ему территории, учитывающую интересы членов Союза (т.е. политической верхушки). Можно говорить о том, что региональная национальная элита к середине осени 1917 г. сумела, при попустительстве Временного правительства, и используя фактор этнической мобилизации масс, сначала перехватить власть на территории Северного Кавказа (за исключением Ставропольской и Черноморской губерний), оттеснив как органы власти центрального правительства, так и сформированные непосредственно после Февральской революции городской демократической общественностью, а затем создать новое политическое объединение, пользовавшееся де-факто очень широкой автономией.

§3. Кризис региональной государственности на Северном Кавказе

Осень 1917 г. Россия встретила, охваченная глубоким социально-политическим кризисом, порожденном неспособностью Временного правительства решить аграрный и рабочий вопросы, преодолеть экономический кризис, добиться завершения войны. 24-26 октября в Петрограде, а 3 ноября в Москве власть захватывают большевики, которые, заручившись поддержкой большинства делегатов II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, добились принятия решения о переходе всей полноты власти в стране к Всероссийскому центральному исполнительному комитету, сформировавшему правительство – Совет народных комиссаров во главе с В.И. Лениным. Однако большевистское правительство не было признано на Северном Кавказе, потому что казачьи и горские лидеры, а также руководство местных органов

самоуправления в городах, выражавшие интересы тех социальных групп (преимущественно собственных), к которым они принадлежали, не без основания опасались, что, упрочив свои позиции, большевики приступят к проведению радикальных социальных реформ.

Поддержка большевиков на Северном Кавказе осенью 1917 г. была невелика, что было связано с малочисленностью промышленного пролетариата и слабой организованностью иногороднего крестьянства – двух главных опор большевистской партии в крае. Советы рабочих и солдатских депутатов, существовавшие в городах, рабочих поселках и железнодорожных станциях, за незначительным исключением (Грозный, Новороссийск) не обладали значительным влиянием среди населения, кроме того, в самих Советах большевики сталкивались с сильной конкуренцией в лице эсеров и меньшевиков. Руководство Юго-Восточного Союза с первых дней Октябрьской революции дало понять, что настроено резко антибольшевистски.

16 ноября было сформировано Объединенное правительство Юго-Восточного Союза, которое размещалось в Екатеринодаре. Его возглавил бывший депутат Государственной Думы, кадет В.А. Харламов (Донское казачье войско), его товарищами стали Г.А. Вертепов (Терское казачье войско), И.Л. Макаренко (Кубанское казачье войско) и П.Т. Коцев (Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана)¹²⁵, выступившее 28 ноября с декларацией, в которой говорилось о том, что его целями являются «борьба с анархией, насилиями, восстановление и сохранение завоеванных революцией свобод и укрепление нормальных условий общественно-политической жизни», восстановление порядка на железной дороге, организация финансовой системы, развитие просвещения, промышленности и торговли, проведение земельной реформы «в полном соответствии с местными самобытными особенностями и интересами трудового земледельческого населения». Была подчеркнута приверженность идее построения Российской Федеративной Демократической Республики, в которой

¹²⁵ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 2. Д. 3. Л. 46.

члены Юго-Восточного Союза должны были получить права отдельных штатов с развитым местным самоуправлением¹²⁶.

Казалось, что на Северном Кавказе уже в 1917 г. может возникнуть сильный центр сопротивления большевизму и дееспособная модель государственности, альтернативная советской, однако в данный период этого произошло. Объединенное правительство Юго-Восточного Союза никак себя не проявило и существовало (как и сам Союз) только на бумаге. Вскоре он окончательно (при этом тихо и незаметно) сходит с исторической сцены Кавказа. Почему так произошло? Почему региональный проект общекавказской государственности потерпел крах?

На наш взгляд, причина заключалась в резком обострении межнациональных и межсословных противоречий на Кавказе, главным образом, в Терской и Кубанской областях, где друг другу противостояли казаки, горцы и иногородние. Предметом разногласия являлся аграрный вопрос. Горцы и иногороднее крестьянство настаивали на проведении земельного передела, казаки, не желавшие уступать земли, противились этому всеми силами. Уже летом 1917 г. поземельные споры перерастают в национальные конфликты, сопровождавшиеся насилием и кровопролитием. Противоречия между горцами и казаками на Тереке и между казаками и иногородними на Кубани носили наиболее ожесточенный характер, однако помимо этого на почве неурегулированного вопроса о земле обостряются взаимоотношения между горцами и крестьянами в Терской и Кубанской областях, а также между отдельными горскими народами. Политическая элита казачества и горцев не смогла прийти к компромиссу в отношении земельного вопроса и постепенно сама втягивалась в вооруженное межэтническое противостояние.

Вторая причина заключалась в расколе самих региональных элит по вопросу о наиболее предпочтительной модели государственности в регионе. С наибольшей остротой он охватил горскую политическую верхушку и был связан с начавшемся размежеванием в горском национальном движении. Умеренные

¹²⁶ Горская жизнь. 1917. 28 ноября.

горские национал-демократы, представлявшие, в основном, «новую элиту» и доминировавшие в руководстве Союза объединенных горцев выступали за преобразование России в светскую демократическую федеративную республику и сохранение Северного Кавказа в ее составе в качестве автономного штата. В то же время постепенно вокруг муфтия Н. Гоцинского и аварского шейха Узун-Хаджи Салтинского стала возникать группа сторонников построения на Кавказе исламского государства, живущего по законам шариата. Их идеалом был Кавказский Имамат – мусульманское теократическое государство, существовавшее на Северо-Восточном Кавказе в XIX в.

Исламистов поддерживала значительная часть «старой», традиционной горской элиты (мусульманское духовенство, суфийские шейхи, феодалы) и часть консервативно настроенной интеллигенции. Иными словами, исламисты являлись сторонниками традиционалистской модели государственности – жестко иерархической конструкции, предполагавшей концентрацию власти на верху иерархической пирамиды, соединение политики с религией, сегрегацию людей по религиозному (в меньшей степени, по этническому) признаку («правоверные мусульмане» против «неверных», с которыми ассоциировались русскоязычные христиане), в то время как национал-демократы отстаивали модернистский проект государственного строительства (светская республика, равноправие всех наций и религий, децентрализация власти, автономизация регионов)¹²⁷.

Разногласия между исламистами и национал-демократами впервые отчетливо проявились на II съезде Союза объединенных горцев в ауле Анди, когда 19 августа 1917 г. традиционалисты предприняли попытку провозгласить Н. Гоцинского имамом и установить шариат. Их попытка не увенчалась успехом, т.к. большая часть делегатов высказалась против этого, и Гоцинскому пришлось отступить¹²⁸. Общегорский съезд во Владикавказе, проходивший 21 – 27 сентября, также курс на создание светской демократической федеративной республики и автономию «федеративной единицы Кавказских гор», вынеся вотум доверия

¹²⁷ См. Паин Э.А. Между империей и нацией. С. 142, 144.

¹²⁸ Музаев Т.М. Союз горцев. С. 168.

прежнему составу ЦК Союза¹²⁹. Большинство национальных советов и исполкомов, и в их числе самый влиятельный – Дагестанский областной ИК, не поддержали шариатистов. Некоторого успеха они достигли лишь в Чечне, проведя на пост комиссара Грозненского округа популярного среди горцев шейха накшбандийского тариката Д. Арсанова, однако завоевать на свою сторону большинство Чеченского национального совета им так и не удалось.

Тем не менее, исламисты не отказались от борьбы. Создав ряд общественно-политических организаций, они развернули активную пропагандистскую работу в массах, убеждая их, что только введение шариатского правления поможет горцам улучшить свою жизнь. По мере того, как среди горского крестьянства, так и не получившего земли, росло разочарование в новых органах власти, позиции шариатистов усиливались. В начале января 1918 г. они вновь попытались захватить власть, воспользовавшись открытием III областного Дагестанского съезда. 9 января 1918 г. их отряды под командованием Н. Гоцинского и Узун-Хаджи неожиданно заняли областную столицу Темир-Хан-Шуру¹³⁰. 10 января в городской соборной мечети сторонники Гоцинского провозгласили его имамом. Однако 12 января делегаты съезда большинством голосов аннулировали это решение, заявив о недопустимости вмешательства муфтия в светские дела¹³¹.

С целью урегулирования кризиса, грозившего в любой момент перерасти в боестолкновение, 16 января в Темир-Хан-Шуре открылся областной съезд мусульманских богословов и духовных деятелей Дагестана, на который были возложены посреднические функции. Съезд отверг идею Имамата, главным образом потому, что его участники боялись усиления муфтия и не желали вручать ему еще и светскую власть¹³². 20 января Н. Гоцинский, не сумев заручиться поддержкой ни делегатов областного съезда, ни большинства духовных лидеров Дагестана и понимая, что в этих условиях начало гражданской войны в регионе приведет к разгрому исламистов, которые оказались в изоляции, отдал приказ

¹²⁹ Музаев Т.М. Союз горцев. С. 216.

¹³⁰ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-614. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

¹³¹ Музаев Т.М. Союз горцев. С. 305.

¹³² Там же. С. 306.

своим мюридам покинуть Темир-Хан-Шуру. Узун-Хаджи также должен был увести из города свои отряды и на время покинул пределы Дагестана, удалившись с преданными сторонниками в Терскую область¹³³.

Наиболее дальновидные представители северокавказской политической элиты понимали насущную необходимость в консолидации в условиях обострения социального и национального кризиса и угрозы со стороны большевиков, распространивших свою власть на всю Центральную Россию, а поэтому искали пути к компромиссу и объединению. Во Владикавказе 6 ноября 1917 г. на чрезвычайном совместном заседании Войскового правительства Терского казачьего войска и ЦК Союза объединенных горцев было принято постановление по вопросу о государственной власти, в котором говорилось о том, что вся полнота местной государственной власти на «территории Союза горцев Кавказа (имелись в виду шесть округов области – С.О.)» принадлежит «Съезду Делегатов и Центральному Комитету Горцев Кавказа», пополненным представителями «негорского населения без различия национальности, религии и классов на основе пропорционального представительства»¹³⁴, а на территории Терского казачьего войска (имелись в виду четыре отдела области – С.О.) – Войсковому кругу и войсковому правительству, пополненному представителями неказачьего населения¹³⁵.

Но это решение вызвало протест со стороны остальных политических сил Терской области (Союза городов, объединявшего представителей органов городского самоуправления, профсоюзов, Советов и т.д.), опасавшихся, что вся полнота власти перейдет к казачьей и горской элите. После того, как социалистическое руководство Советов после долгих переговоров отказалось войти в коалицию с «буржуазными элементами», 1 декабря 1917 г. на совещании представителей Центрального комитета Союза объединённых горцев, Войскового правительства Терского казачества и Союза городов Терско-Дагестанского края во Владикавказе было объявлено о создании Временного Терско-Дагестанского

¹³³ Музаев Т.М. Союз горцев. С. 306.

¹³⁴ Союз объединенных горцев. №37. С. 78.

¹³⁵ Музаев Т.М. Союз горцев. С. 246.

правительства, которому временно, вплоть до установления спокойствия и образования легитимной власти в России была передана вся полнота власти в Терской и Дагестанской областях¹³⁶.

Спустя два дня, 3 декабря руководство Союза объединенных горцев явочным порядком провозгласило его «автономным штатом Российской Федеративной республики», а Центральный комитет, который возглавил кумыкский князь Р.З. Капланов – временным правительством. Было заявлено, что «провозглашенная автономия распространяется на всю территорию Дагестанской области, на шесть горских округов и Караногайский участок Терской области, на территорию ногайцев и туркмен Ставропольской губернии», в отношении же будущей судьбы черкесов и карачаевцев было признано необходимым начать переговоры с «Союзным Кубанским правительством»¹³⁷. Это решение было де-факто признано Терско-Дагестанским правительством (половину мест в котором занимали представители горской элиты), и на карте России появился новый регион – Терско-Дагестанский край, представлявший собой автономную национально-территориальную единицу в составе Российской республики.

Аналогичные процессы проходили и на Кубани, где казачья верхушка пыталась найти компромисс с иногородним населением, а также демократической городской общественностью, которую сама же отстранила от власти в июле, чтобы избежать перехода их в лагерь большевиков. О том, что такая угроза была вполне реальной свидетельствовал прошедший в начале ноября 1917 г. I областной съезд иногородних в Екатеринодаре, который объявил все распоряжения, изданные региональными органами власти после июльского «переворота», для иногородних не обязательными и не подлежащими исполнению¹³⁸. Делегаты высказались за скорейшее введение в регионе земского самоуправления на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, а до этого решили возродить всесословные гражданские исполнительные комитеты, передав им все общеполитические и хозяйственные

¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 24. Л. 1-2.

¹³⁷ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

¹³⁸ Листок войны. 1917. 11 ноября.

дела на местах. В противовес казачеству съезд решил создать Кубанский областной Союз неказачьего населения.

Руководители иногородних и казаков пришли к выводу о необходимости, во избежание эскалации противостояния, начать переговоры о статусе области и организации на ее территории власти, для чего была создана согласительная комиссия, в которую вошло по пять представителей съезда иногородних и Законодательной Рады. В конце ноября Законодательная Рада решила провести совместные съезды казачьего и иногороднего населения по отделам, а потом одновременно созвать Краевую раду и съезд иногороднего населения области. Областной исполнительный комитет с незначительными оговорками поддержал этот проект, однако подобные съезды удалось провести только в трех из семи отделов области. 12 декабря II сессия съезда иногородних начала работу. Параллельно состоялось открытие сессии Краевой Рады. 13 декабря на съезде иногородних было озвучено предложение казаков о проведении совместных заседаний. По этому вопросу неожиданно возникли острые разногласия. Меньшая часть делегатов, поддерживавшая большевиков, отвергла это предложение, остальные дали согласие.

На совместном заседании представителей умеренной части иногородних делегатов с депутатами Краевой Рады и выборными от горцев, было принято решение вплоть до созыва Учредительного собрания передать законодательную власть в регионе Законодательной Раде, в состав которой входило 46 казаков, 46 иногородних и 8 горцев, а исполнительную – краевому правительству (5 казаков, 5 иногородних, 1 горец). Казачья элита вынуждена была пойти на компромисс и допустить иногородних на станичные сборы с правом решающего голоса, станичная администрация должна была формироваться на паритетных началах в тех населенных пунктах, где количество иногородних не превышало число жителей, принадлежавших к казачьему сословию, в противном случае представительство двух групп населения в станичном правлении должно было быть равным. Станичный атаман избирался из казаков, но один из его помощников должен был быть иногородним. В выборах получили право

участвовать все совершеннолетние жители Кубани, ценз оседлости составлял два года¹³⁹.

В начале января 1918 г. краевое правительство заявило о признании власти Учредительного Собрания¹⁴⁰, однако оно вскоре было разогнано большевиками. Это поставило кубанские власти в сложное положение. С одной стороны, они по-прежнему не желали признавать большевистскую власть, с другой, после роспуска Учредительного Собрания, исчезла, казалось бы, последняя надежда на то, что в России удастся сформировать в ближайшем будущем легитимное правительство. 8 января Законодательная Рада провозгласила Кубань самостоятельной республикой, признающей связь с другими государствами России на федеративных началах, то есть, хотя и заявила о своем суверенитете (не желая признавать суверенитет ВЦИК и СНК), продемонстрировала готовность к сотрудничеству с другими регионами в рамках федеративного демократического государства.

В этой связи обвинения некоторых советских исследователей в адрес кубанской политической элиты, будто бы вставшей на путь сепаратизма и раскола страны, выглядят не вполне обоснованными. Кубанская республика не провозгласила государственную независимость от России, решение об изменении статуса области носило вынужденный характер и было обусловлено нежеланием подчиняться власти петроградского правительства, легитимность которого вызывала большие сомнения у значительной части кубанской политической элиты. Следует отметить, что предметы ведения федерального центра и республиканских властей не были разграничены, не были определены их полномочия и статус, что объяснялось сложностью внутривластной обстановки в центре и на местах.

Однако сформировать дееспособную государственность на Северном Кавказе, способную оказать эффективное противодействие большевикам, региональная элита вновь не сумела. Причина заключалась в том, что корни

¹³⁹ Вольная Кубань. 1917. 23 декабря.

¹⁴⁰ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 47. Л. 53.

социальных и межнациональных конфликтов – нерешенный аграрный вопрос устранены не были. Казачество упорно отказывалось уступить часть земель иногородним и горцам, что в итоге спровоцировало начало гражданской войны на Кубани (между казачеством и иногородним крестьянством) и Тереке (между казачеством с одной стороны, и чеченцами и ингушами с другой, получившей название «Сунженской войны», потому что основные боевые действия развернулись на территории Сунженского отдела, а также в районе Грозного). Попытки здравомыслящей части политического истеблишмента прийти к компромиссу успехам не увенчались. Более того, жертвами противостояния стали два Войсковых атамана Терского казачьего войска – М.А. Караулов¹⁴¹ и Л.Е. Медяник, а также комиссар Грозненского округа чеченский шейх Д. Арсанов.

Этим не преминули воспользоваться большевики, которые вели активную агитационно-пропагандистскую работу среди солдат, рабочих и иногородних крестьян, обещая им заключение мира с Центральными державами, передачу земли и улучшение условий труда. Их агитация имела успех по мере того, как становилось очевидным, что местные власти не готовы к проведению радикальных социальных реформ. 1 декабря 1917 г. II губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Черноморской губернии одобрил решения II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, признал полномочия ВЦИК и СНК и провозгласил советскую власть по всему Черноморью, отстранив от власти губернского комиссара Временного правительства. Его полномочия были переданы Центральному исполнительному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов Черноморской губернии, в состав которого вошло семь большевиков и два левых эсера¹⁴². К февралю власть Черноморского ЦИКа была признана во всех населенных пунктах губернии.

30 декабря проходивший в Ставрополе IV губернский крестьянский съезд большинством голосов решил «всю власть в губернии передать Советам

¹⁴¹ *Остапенко П.И.* Казачьи государственные образования на юге России (февраль 1917 – начало 1920 г.): дисс. ... доктора юридических наук: 12.00.01. Краснодар, 2004. С. 116.

¹⁴² *Сенцов А.А.* Рождение Кубано-Черноморской республики. С. 60.

крестьянских и рабочих депутатов с защитой этого права с оружием в руках»¹⁴³. 31 декабря делегаты приняли резолюцию, в которой подчеркивалось, что «Ставропольская губерния тесно и неразрывно связана лишь с Советской властью, как властью, выражающей интересы трудового народа»¹⁴⁴. 1 января 1918 г. губернское народное совещание, в котором в полном составе приняли участие делегаты крестьянского съезда, приняло «Декрет о Народной власти в Ставрополе и в губернии», который провозгласил переход всей полноты власти в руки Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Была признана власть ВЦИК и СНК как носителей высшей правительственной власти на территории России, и, в частности, на Ставрополье. Вся полнота законодательной власти была передана губернскому исполнительному комитету Советов, который возглавил эсер-максималист Г.И. Мещеряков, исполнительной – формируемому им губернскому Совету народных комиссаров, председатель которого (им стал большевик А.А. Пономарев) получал те же полномочия, которые ранее были у губернского комиссара Временного правительства¹⁴⁵.

В Терской области в начале 1918 г. резко обострилась межэтническая обстановка. Терско-Дагестанское правительство, а также ЦК Союза объединенных горцев и Войсковое правительство Терского казачьего войска, оказавшиеся не в состоянии стабилизировать ситуацию, пресечь действия горских и казачьих радикалов, остановить «Сунженскую войну», каждый день уносившую жизни горцев, казаков и мирных жителей, констатировав свое бессилие, де-факто прекратили существование, т.к. к январю 1918 г. не могли контролировать даже Владикавказ. В регионе наблюдался полный паралич всех властных институтов, что привело к невиданному разгулу преступности. В этой обстановке большевики, заключив тактический союз с эсерами и меньшевиками и создав т.н. «социалистический блок», развернули активную кампанию за установление межнационального мира и твердой власти, способной навести порядок.

¹⁴³ Головенченко Ф. 1917 год в Ставропольской губернии. Ставрополь: Кн. изд., 1927. С. 77.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 96.

«Социалистический блок» проявил себя как организованная сила на I съезде народов Терской области, открывшимся в Моздоке 25 января 1918 г. Съезд (участие в его работе приняли представители большинства округов, отделов и городов области, а также проживавших в регионе народов, за исключением чеченцев и ингушей, которых на съезд не пригласили) был созван по инициативе казачьих радикалов, рассчитывавших на объявление войны всем вайнахам. Однако социалистам удалось перехватить инициативу и убедить делегатов проголосовать за начало мирных переговоров между всеми конфликтующими сторонами. 31 января по предложению большевика С.Г. Буачидзе был создан временный орган областной власти - Временный Терский областной Народный Совет, формируемый по национально-сословному признаку (всего в составе вновь созданного высшего органа власти оказалось 8 казаков, 6 осетин, 5 кабардинцев и 10 иногородних), который возглавил председатель областного Совета крестьянских депутатов левый эсер Ю. Пашковский¹⁴⁶.

В принятом обращении «Ко всем народам Терской области», составленным видным деятелем большевистской партии С.М. Кировым, говорилось о праве народов Терека на самоопределение «в согласии с основами, провозглашенными Великой Русской революцией». Все национальности призывались к созданию Народных Советов, «стоящих на позиции защиты интересов трудовой массы», при этом отмечалось, что «в пределах своих территорий каждой народности предоставляется право устраивать свои национальные суды, творящие правосудие по народным обычаям и законам». В то же время в области должна была быть организована «твердая, демократическая власть, выдвинутая всем населением: рабочими, солдатами, крестьянами, трудовыми казаками и всеми народностями» и опирающаяся на Народные Советы, Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, профсоюзы, органы городского самоуправления¹⁴⁷.

2(15) февраля 1918 г. на станции Минеральные Воды областной Народный Совет издал «Декрет №1», в котором заявил, что съездом ему вручена вся полнота

¹⁴⁶ Съезды народов Терека в 2-х томах. Том 1 (Сборник документов и материалов). Владикавказ: Ир, 1977. С. 54.

¹⁴⁷ Съезды народов Терека. С. 51.

военной и гражданской власти в области, а все «административные, революционные, общественные организации» обязаны выполнять только его приказы и постановления¹⁴⁸. 1 марта II сессия съезда народов Терской области начала свою работу в Пятигорске (567 человек). 8 марта в Пятигорск прибыли представители ингушей и чеченцев, приглашенные по инициативе «социалистического блока», включившиеся в общую работу съезда, что, безусловно, укрепило его легитимность в качестве правомочного форума, представлявшего многонациональный народ Терека. 9 марта был определен государственно-правовой статус Терской области. Она была названа составной частью Российской Федерации – «союзом народов и племен, живущих в ее пределах, политическое участие которых в управлении областью выражается в пропорциональном представительстве в составе единого объединенного органа государственной власти». Область мыслилась в качестве отдельной административной единицы, представляющей собой территориальный союз чеченцев, русских, терских казаков, иногородних, осетин, кабардинцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, кумыков и др. Органы национального самоуправления каждого народа должны были совпадать с органами местного самоуправления, иначе говоря, область преобразовывалась в национально-территориальную федерацию и в таком виде, в свою очередь, входила в состав федеративной Российской республики.

Национальные меньшинства, проживавшие на территории возникавших национальных автономий (например, осетины на ингушской земле, или ингуши на кабардинской), получали возможность создания национально-персональной автономии (т.е. такого вида экстерриториальной автономии, при котором национальные меньшинства получают законодательно закрепленную возможность сохранять свою самобытность: исповедовать свою религию, использовать родной язык в частной и публичной жизни, создавать ассоциации,

¹⁴⁸ Съезды народов Терека. С. 57.

изучать родной язык, историю, традиции и культуру своей этнической группы¹⁴⁹ - С.О.) для ограждения и защиты своих национально-культурных прав. В органах национально-территориального самоуправления им гарантировалось представительство «пропорционально числу членов каждого меньшинства». Иными словами, представители каждого народа должны были в обязательном порядке входить в состав формируемых органов областной и местной власти.

Важным фактом являлось право каждого гражданина самостоятельно и добровольно определять свою принадлежность к той или иной нации. Границы каждого национального самоуправления не являлись постоянно зафиксированными и должны были определяться размером земельных угодий, находящихся «в фактическом пользовании каждого народа или племени после проведения коренной земельной реформы».

Города, слободы и местечки, в которых преобладал смешанный состав населения, выделялись в отдельные административно-территориальные единицы, пользующиеся, наравне с прочими образованиями, правами внутреннего самоуправления. Гарантировалось полное равноправие языков «всех без исключения национальностей» в школе, суде, администрации. Каждый народ получил право создания народных судов, отправляющих правосудие по древним обычаям, которые, однако, не должны были противоречить «основным принципам законов Российской республики».

Органы национального самоуправления на всех уровнях должны были выбираться на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с предоставлением избирателям права отзыва¹⁵⁰. 16 марта, после бурной дискуссии, съезд одобрил «Основные положения проекта управления Терским краем» - фактически, областную конституцию. Терский край (в границах дореволюционной Терской области) признавался составной частью Российской республики, однако в пределах, предоставленных российским законодательством, имел всю полноту власти на своей территории, т.е. обладал государственным

¹⁴⁹ См. Большой юридический словарь / Авт.-сост. В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др.; под ред. А.Я Сухарева, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М, 2003.

¹⁵⁰ Съезды народов Терека в 2-х томах. Том 1. С. 157-158.

суверенитетом. Край управлялся народной властью, избранной всем населением, на которую возлагались охрана интересов труда, народного здоровья, народного образования, общественное призрение, проведение всеобщей трудовой повинности, улучшение местных путей сообщения, телеграфа, телефона и почты, социальное страхование, строительное дело, «энергичнейшее воспособление» земледелию и промышленности, продовольственное снабжение, а также «ряд иных задач, кои будут выдвинуты жизнью и в согласии с основными законами российскими будут предоставлены решению отдельных советских федераций».

Народная власть получила право собирать налоги и пошлины, выпускать собственные денежные знаки, «обеспеченные в той или иной степени общероссийскими денежными знаками крупных купюр», с разрешения центральной власти могла производить внутренние займы, производить экспроприации, реквизиции и секвестры движимого и недвижимого имущества граждан «для осуществления тех или иных задач», подвергать граждан аресту и заключать их под стражу на основании «законных оснований».

В пределах края народная власть получала всю полноту законодательной, административной и судебной власти при условии подчинения общероссийскому законодательству и воле самих народов Терека. Каждому гражданину были гарантированы демократические права и свободы: личной и жилищной неприкосновенности, совести, слова, печати, митингов, шествий, союзов, выбора места жительства и работы.

Верховную власть в пределах края осуществлял непосредственно Терский народный съезд, состоявший из депутатов, избранных на основе тех систем, «кои будут установлены на местах». Право голоса получал каждый гражданин, достигший 18 лет. Съезд собирался не менее двух раз в год для решения назревших вопросов, избрания Терского Народного Совета и дачи ему общих указаний. Все решения принимались абсолютным большинством голосов при наличии более половины всех избранных депутатов. Съезд избирал Терский Народный Совет на основе принципа пропорционального представительства и «с расчетом, чтобы от каждых 25000 населения был бы один член Народного

Совета». Для непосредственного управления краем ТНС формировал Терский Совет народных комиссаров «путем выбора народных комиссаров как из своей среды, так и путем приглашения тех или иных лиц из числа полноправных российских граждан». За законностью действий Совнаркома следил Президиум Народного Совета, который в случае выявленных нарушений немедленно докладывал об этом ТНС.

В отделах и округах вся полнота местной власти передавалась отдельскому/окружному народному съезду. Из своей среды или из числа полноправных граждан России съезд избирал трудовой Народный Совет, полномочия которого ограничивались одним годом. Для выполнения текущей работы по местному управлению Народный Совет избирал окружной/отдельский исполком, количество членов которого устанавливалось съездом, членами которого также могли стать все полноправные граждане России. Дела местного управления на сельской территории передавались в ведение сельского народного самоуправления. На сельском сходе жители избирали сельский Народный Совет, при этом населенные пункты, имевшие меньше 500 жителей, не формировали свой Совет, а подчинялись соседнему. Сельские депутаты отправляли свои обязанности на безвозмездной основе. Заседания его происходили публично, все решения принимались простым большинством голосов. На один год из числа полноправных российских граждан Совет избирал сельский исполнительный комитет, в который, однако, не могли входить близкие родственники. Сельский Народный Совет определял размеры содержания членам исполнительного комитета. Для доклада о своей деятельности СНС и ИК должны были не реже одного раза в месяц созывать станичный, аульский или сельский сход¹⁵¹.

Против принятия «Основных положений» голосовали меньшевики, а эсеры воздержались. Они мотивировали свое решение тем, что в законе не было четко зафиксировано положение о том, что выборы носят всеобщий, равный, прямой и тайный характер (ссылка на право народов и племен применять любую избирательную систему, которую он сочтет нужным), что было истолковано

¹⁵¹ Съезды народов Терка. С. 224 – 237.

умеренными социалистами, как покушение на демократические завоевания Февральской революции.

17 марта фракция иногородних внесла на рассмотрение съезда вопрос об отношении к российскому Совету Народных Комиссаров. Большинством в 220 голосов против 22 при 44 воздержавшихся в 11:35 дня была принята резолюция о признании народами Терека власти СНК, о чем на имя В.И. Ленина была немедленно отправлена телеграмма¹⁵².

В Кубанской и Дагестанской областях – регионах, где «этническая мобилизация» казачества и горцев приобрела наибольший размах, советская власть была установлена военным путем. Главной ее опорой выступали рабочие, иногородние крестьяне, солдаты, а также часть беднейшего казачества и фронтовой молодежи, подпавшей под влияние большевистских агитаторов. Активную помощь местным революционным силам оказали соседние регионы, где советская власть уже победила – Черноморская, Астраханская и Бакинская губернии. На Кубани революционеры (большевики, левые эсеры, анархисты и т.д.) 17 января 1918 г. в станице Крымской провели конференцию представителей революционных станиц Майкопского, Ейского, Баталпашинского и Таманского отделов, на которой был избран Кубанский областной военно-революционный комитет (председатель – казак, большевик Я.В. Полуян), который объявил о взятии власти в области, призвал «рабочих, крестьян и трудовое казачество к беспощадной борьбе с золотопогонными и буржуазией»¹⁵³. Т.к. провести областной съезд Советов в Екатеринодаре не представлялось никакой возможности, то местом проведения было избрано село Гулькевичи. Съезд начал там свою работу 1(14) февраля, а 16 февраля переехал в Армавир. 22 февраля он сформировал Кубанский областной исполнительный комитет, в который вошли 27 большевиков и 12 левых эсеров, который объявил себя «единственным правомочным органом областной власти», а Кубанскую Краевую Раду и краевое

¹⁵² Съезды народов Терека. С. 241.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 25. Л. 81.

правительство – вне закона¹⁵⁴. В начале марта подразделения Красной гвардии, усиленные возвращавшейся с Кавказского фронта 39-й пехотной дивизией, сломили сопротивление вооруженных сил Кубанской Народной Республики, и 14 марта 1918 г. взяли столицу Кубани – Екатеринодар.

В Дагестане отряды астраханской и бакинской Красной Гвардии, и революционных матросов Каспийской флотилии во второй половине апреля 1918 г. разгромили горских ополченцев и захватили Дербент и Порт-Петровск, а 1 мая вступили в областную столицу – Темир-Хан-Шуру, оставленную Дагестанским областным исполкомом, после чего провозгласили установление советской власти на всей территории Дагестанской области.

Выводы к первой главе. Северный Кавказ был одним из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов Российской империи – унитарного государства с монархической формой правления. На протяжении имперского периода он не представлял собой единого целого в политическом отношении, располагавшиеся на его территории губернии и области были созданы по административно-территориальному принципу, а не по национально-этническому и не имели внутреннего самоуправления. Политический режим, установленный в крае, отличался предельной централизацией и милитаризацией, власть находилась в руках военной и чиновничьей верхушки, назначавшейся на свои посты вышестоящими органами управления.

После Февральской революции 1917 г. и свержения монархии начался новый этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе, при этом участие в нем принимали как центральные органы власти (Временное правительство), так и региональные политические силы, получившие возможность в результате демократизации государственного строя России принять активное участие в политической жизни региона. На протяжении 1917 г. можно выделить характерные черты, свойственные процессу национально-государственного строительства в крае:

¹⁵⁴ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 293. Л. 92.

1. Ограниченное участие в нем (по сравнению с имперским периодом) центрального правительства. Временное правительство стремилось ограничиться ротацией бюрократического аппарата, распространением на Северный Кавказ демократических прав и свобод, введением всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права на выборах в органы местного самоуправления (земства и городские думы) без проведения кардинальных преобразований существовавшей политической системы. Определение формы правления и государственного устройства страны в целом и Северного Кавказа в частности возлагалось на предстоящее Учредительное собрание.
2. В отличие от пассивного Временного правительства, активное участие в государственном строительстве весной 1917 г. приняла либерально-демократическая по своим политическим взглядам общественность, представлявшая интересы интеллигенции и средних городских слоев, но выразившая претензии на региональное лидерство. Воспользовавшись возникшим в начале марта 1917 г. «вакуумом власти», а также пассивностью на начальном этапе революции широких народных масс, она сумела сформировать новые органы управления – комитеты общественной безопасности, гражданские исполнительные комитеты и т.д., претендовавшие на всю полноту власти в крае. При этом, подобно центральному правительству, новые региональные лидеры отложили проведение социальных и политических реформ на Кавказе до созыва Учредительного собрания.

3. Весной – летом 1917 г. на Северном Кавказе начинаются процессы «этнической мобилизации», затронувшие горские народы Кавказа и казачество, выразившиеся в стремлении представителей этнических общностей принять участие в политической жизни края в качестве отдельной силы со своими взглядами, интересами и предпочтениями. Эти процессы (свойственные всем национальным окраинам бывшей Российской империи) направлялись национальной

элитой горцев и казаков, рассчитывавшей прийти к власти на территории компактного проживания своих общностей и, для закрепления своей власти, выдвигавшей требования (под предлогом обеспечения национальных, религиозных, культурных, сословных и т.п. интересов народных масс) установления в России демократической республики, преобразования ее в федерацию, предоставления автономии Северному Кавказу и отдельным его частям. В то же время русское население края самоопределялось не по национальному, а по социальному признаку, что привело к сужению социальной базы либеральной общественности и потере ею власти к лету 1917 г. На периферии горского национального движения в этот период находились заявившие о себе как об отдельной политической силе исламисты – сторонники традиционалистской модели государственности, трактуемой ими в качестве мусульманской теократической монархии.

4. На протяжении 1917 г. на Северном Кавказе сосуществовали центробежные и центростремительные тенденции. Первые проявлялись в стремлении политической элиты каждой этнической общности к обособлению от российского и региональных центров власти, вторые – в понимании наиболее дальновидными лидерами горского и казачьего движения необходимости в объединении усилий для совместного отстаивания идей федерализации России и предоставления Кавказу автономии, а также противоборству усиливавшемуся большевизму, радикальная социальная программа которого представляла угрозу для региональной верхушки. Отражением центростремительных тенденций стало появление в мае 1917 г. Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана – политической организации, объединившей все горские народы края, и создание в сентябре - октябре 1918 г. Юго-Восточного Союза казачьих войск, горских народов Кавказа и вольных народов степей, который представлял собой де-факто федеративное политическое образование на Северном Кавказе, с парламентской

формой правления и автономией входивших в его состав членов, основанной на национально-этническом принципе, выступавшее за федерализацию России и предоставление широкой автономии регионам.

5. Региональная политическая элита оказалась не в состоянии сформировать дееспособное государственное объединение, способное противостоять захватившим осенью 1917 г. власть в России большевикам. Причина заключалась в том, что она не смогла преодолеть острые социальные и межнациональные конфликты, охватившие начиная с лета 1917 г. северокавказское общество. В основе этих конфликтов, переросших осенью – зимой 1917 г. в кровавые столкновения, а в начале 1918 г. в гражданскую войну, в которую оказались втянуты практически все национальные и социальные группы Северного Кавказа, лежал неурегулированный аграрный вопрос, стремление малоземельных и безземельных крестьян разных национальностей к переделу земли, разрешить который не смогло ни Временное правительство, ни руководство национальных движений.

6. Острый политический кризис, разразившийся на Северном Кавказе в конце 1917 – начале 1918 гг., с которым региональная элита оказалась бессильной справиться, был использован в своих интересах сторонниками советской власти (большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, выступавшие единым блоком), которые смогли, сочетая мирные и силовые формы борьбы, к весне 1918 г. прийти к власти на всей территории Северного Кавказа.

Глава 2

Национально-государственное строительство на Северном Кавказе. 1918 – 1920 гг.

§1. Советская государственность на Северном Кавказе. 1918 г.

Для понимания политики большевиков в области национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1918 г. и сути происходивших в регионе процессов, необходимо выяснить отношение руководства большевистской партии к национальному вопросу вообще. До момента захвата власти он для них имел подчиненное значение, по словам А. Каппелера, большевики во главе с В.И. Лениным поддерживали лозунг о праве народов Российской империи на самоопределение, потому что «хотели использовать революционный потенциал национальных движений» в борьбе за власть¹⁵⁵. Будучи сторонниками мировой пролетарской революции, которая должна была привести к установлению диктатуры пролетариата в мировом масштабе, они считали, что после того, как капиталистический мир уступит свое место социалистическому, социальные причины конфликтов на национальной почве будут устранены, и перед человечеством откроется свободный путь к сверхнациональному мировому сообществу. Один из ведущих теоретиков РСДРП (б) Н.И. Бухарин, находясь в эмиграции, полагал, что Россия станет лишь одной из частей более широкой организации, которая возникнет после европейской социалистической революции, а национальные идентичности вскоре в ней растворятся¹⁵⁶. В.И. Ленин на первый план всегда ставил классовую борьбу и был

¹⁵⁵ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 268.

¹⁵⁶ Левин М. Советский век. М.: «Европа», 2008. С. 441.

уверен, что в социалистической России национальные проблемы исчезнут, т.к. исчезнут причины, их порождающие¹⁵⁷, поэтому считал, что задачи пролетарской борьбы лучше решать в рамках унитарного государства, выступая категорически против популярной в социал-демократических кругах России и Европы идеи культурно-национальной автономии – т.е. автономии обособленной этнической группы в решении вопросов организации образования и других форм своей культурной жизни, которая распространяется на всех представителей данной этнической группы, а не на конкретную территорию.

Однако в 1917 г. в условиях подъема национальных движений на окраинах страны, которые превратились в важный фактор политической борьбы в России, руководство РСДРП (б) пришло к осознанию необходимости уделения национальному вопросу большего внимания. Сразу после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. в структуре Совета народных комиссаров был образован Народный комиссариат по делам национальностей, который возглавил И.В. Сталин. 2 ноября СНК принял «Декларацию прав народов России», провозгласившую равенство и суверенность всех народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмену всех национально-религиозных привилегий и ограничений и декларировавшую свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России¹⁵⁸.

20 ноября появилось подписанное Лениным и Сталиным обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором верования и обычаи мусульман, их национальные и культурные учреждения были объявлены свободными и неприкосновенными. Мусульмане получили право устраивать свою «национальную жизнь свободно и беспрепятственно» под охраной революции «и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹⁵⁹.

Несмотря на революционный пафос этих документов, нельзя не отметить их декларативный характер, т.к. они не давали ответа на вопрос о том, какой

¹⁵⁷ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 273.

¹⁵⁸ История Советской Конституции. Сб. документов. 1917—1957. М.: Госюриздат, 1957. С. 19—20.

¹⁵⁹ Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 22 ноября. №232.

государственный строй будет установлен в новой России, каковы будут формы правления и государственного устройства. Только после разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. большевики занялись этой проблемой. III Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший в середине января в Петрограде, утвердил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и, по докладу И.В. Сталина «О федеральных учреждениях Российской Республики», узаконил возникшую после свержения Временного правительства систему органов государственной власти – ВЦИК и Совнаркома в центре и Советов на местах. ВЦИК было дано поручение разработать основные положения конституции России¹⁶⁰.

10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов в Москве официально принял Конституцию. Согласно ей, Россия становилась республикой, в которой вся полнота государственной власти сосредотачивалась в руках выборных Советов. Высшая власть принадлежала Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, который формировал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) и правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК)¹⁶¹. Следует отметить, что форму государственного правления, закрепленную в первой советской Конституции, нельзя было назвать демократической. Часть населения была отстранена от участия в выборах и, соответственно, от управления страной по классовому признаку. Кроме того, выборы в Советы были не равными, т.к. рабочие имели преимущества перед крестьянами. Сами принципы функционирования ВЦИК и СНК не были абсолютно прозрачными. Более того, РКП(б) начиная с весны 1918 г. взяла курс на построение однопартийного режима и подавление оппозиции, даже той, которая стояла на платформе признания власти Советов.

¹⁶⁰ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик. Сб. документов 1917—1936. Т. 1, М.: Госюриздат, 1959.

¹⁶¹ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.). М., 1918.

Что касается формы государственного устройства страны, то она была провозглашена федеративной республикой, но не содержалось четких указаний, по какому принципу будут создаваться субъекты федерации – национально-территориальному, административно-территориальному или смешанному. Конституция не определила национально-государственный состав республики, не устанавливала различия между автономной частью РСФСР и суверенной республикой, поэтому возникшая РСФСР сочетала в себе качества и союзного государства, и федерации на базе автономии отдельных регионов¹⁶².

В структуре Совнаркома функционировал Народный комиссариат по делам национальностям (его возглавил И.В. Сталин), в качестве основных задач которого были определены: обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР; содействие их материальному и духовному развитию, применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния; наблюдение за проведением в жизнь национальной политики Советской власти¹⁶³.

Структурными частями наркомата являлись комиссариаты и отделы, каждый из которых занимался устройством определенной национальности или группы национальностей. 1 июля 1918 г. коллегия Наркомнаца решила учредить в его составе Отдел горцев Кавказа. Это предложение было поддержано горскими делегатами V съезда Советов, которые приняли решение по возвращении домой провести съезды и избрать представителей для работы в отделе¹⁶⁴. Задачами отдела являлись: информирование советской власти о политических и социально-экономических проблемах народов Северного Кавказа, широкая агитация и пропаганда идей советской власти среди населения Кавказа, разработка проектов национальных автономных образований в регионе на основе Конституции РСФСР. Заведующим отдела стал карачаевец У.Д. Алиев¹⁶⁵. К октябрю 1918 г. в

¹⁶² Национальная политика России: история и современность. С. 235.

¹⁶³ Песикова Е. И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917—1918 гг. М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1950.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 36. Л. 4 об.

¹⁶⁵ Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917 – 1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. С. 504.

его структуре были образованы дагестанский, чечено-ингушский, литературно-издательский и культурно-просветительский подотделы, впоследствии – лезгинский, осетинский, тюркский, черкесско-кабардинский, экономический.

Большое внимание уделялось работе в казачьей среде. Еще в июле 1917 г. возник казачий подотдел Военного отдела ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который в сентябре был выделен в отдельный отдел. 4 ноября, после победы Октябрьского вооруженного восстания, образуется казачий комитет ВЦИК. 31 мая 1918 г. СНК принял декрет «Об организации управления казачьими областями», согласно которому казачьи области и войска стали рассматриваться «как отдельные административные единицы местных Советских объединений» на правах губерний, а трудовому казачеству, «совместно и на равных правах» с трудовым крестьянством и рабочими, проживавшими на войсковой территории, предоставлялось право участия в организации и работе войсковых/областных, районных/окружных и станичных/поселковых Советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов.

Пять представителей северокавказского казачества (четыре - от Кубанского войска, один – от Терского) становились членами ВЦИК. Казачья секция ВЦИК делегировала своих представителей во все наркоматы «для разрешения вопросов, касающихся казачьих областей и войск». Трудовому казачеству гарантировалась неприкосновенность их земельных владений¹⁶⁶.

В отличие от Временного правительства, большевики, стремясь преодолеть центробежные тенденции и укрепить контроль со стороны центральных органов власти за происходящими на Северном Кавказе событиями, хотя и не решились восстановить Кавказское Наместничество, тем не менее, попытались централизовать управление краем в той степени, в какой это было возможно в то время. В декабре 1917 г. председатель Бакинского Совета С.Г. Шаумян (армянин по национальности) был назначен чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа. Именно по его инициативе был осуществлен апрельский поход 1918 г. Красной

¹⁶⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М., 1942. С. 533-535.

Гвардии в Дагестан, приведший к установлению там советской власти. Стремился он по мере возможностей оказывать помощь и сторонникам советской власти на Тереке.

Летом 1918 г. известный деятель большевистской партии Г.К. Орджоникидзе был назначен временным чрезвычайным комиссаром Юга России. В его подчинении переходили Дон, Крым, а также Северный Кавказ. Все органы власти на местах обязаны были следовать его указаниям и оказывать ему всяческое содействие. Фактически полномочия Г.К. Орджоникидзе приближались к полномочиям Наместника Его Величества на Кавказе.

Как же происходило советское национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1918 г.? Главная его особенность заключалась в том, что оно разворачивалось в условиях Гражданской войны, которая привела к тому, что Северный Кавказ оказался фактически отрезан от Центральной России, отдельные области и губернии – друг друга, округа, отделы и уезды – от губернских и областных центров. Соответственно, роль центральных органов власти и степень их влияния на происходившие в регионе события на протяжении 1918 г. была невелика. Напротив, возрастало значение местных властей, возглавлявших органы местного управления и самоуправления, стремившихся дистанцироваться от российского или губернского/областного центра и проводить ту политику, которую сами считали нужным в данный момент. Нельзя сказать, что весной - осенью 1918 г. на Северном Кавказе наблюдался полный «вакуум власти», как это было в январе – марте 1918 г., однако полномочия созданных советских властных структур объективно были невелики.

Вторая особенность заключалась в том, что в условиях Гражданской войны (а Юг России превратился в один из центров Белого движения) и начавшейся германо-турецкой интервенции, большевикам, для того, чтобы удержаться у власти, необходимо было поддерживать партнерские, союзнические взаимоотношения с левыми социалистическими партиями (левые эсеры, эсеры-максималисты, меньшевики-интернационалисты), а также с левым крылом горского национального движения. Если в Центральной России блок большевиков

и левых эсеров окончательно распался в начале июля 1918 г. после левоэсеровского восстания в Москве, повлекшего за собой вытеснение левых эсеров (параллельно с ними и меньшевиков) из Советов всех уровней, то на Северном Кавказе большевики вынуждены были сохранять коалицию с левыми социалистами вплоть до декабря 1918 г. Следовательно, социалистические партии, разделявшие с большевиками власть, имели возможность для отстаивания своего мнения по всем ключевым вопросам, в том числе и в области национальной политики, и государственного строительства, а коммунисты вынуждены были его учитывать.

Наконец, в качестве самостоятельной силы в 1918 г. на Северном Кавказе выступила армия, которая не отличалась единством. В состав советских вооруженных сил в регионе входили отдельные подразделения старой армии и флота, вновь созданной Красной Армии, Красной Гвардии, различных добровольческих отрядов (казачьих, горских, крестьянских, рабочих и т.д.). Единое командование де-факто отсутствовало, многочисленные «красные командиры» не всегда выполняли распоряжения советских властей, часто конфликтовали с ними и друг с другом, вмешивались в политическую жизнь края, стремясь диктовать свою волю Советам. В конце концов, на наш взгляд, армия превратилась в дестабилизирующий фактор в крае и, вместо того, чтобы защищать советскую власть, способствовала ее падению.

В подобной ситуации централизованно проводить политику национально-государственного строительства на Северном Кавказе было затруднительно. В некоторых регионах Северного Кавказа власти пытались найти выход из создавшегося положения в создании системы чрезвычайного управления и передачи всей власти временно, вплоть до стабилизации социально-политической обстановки революционным комитетам, которые не избирались населением, а назначались вышестоящими инстанциями. По такому пути пошли в Дагестанской и Кубанской областях. В Дагестане 2 мая 1918 г. вся полнота власти (законодательной, исполнительной, распорядительной) была передана областному военно-революционному комитету (председатель – кумык Д.А.

Коркмасов), в состав которого вошли члены Дагестанской социалистической группы (выступавшие за социалистическое переустройство Дагестана с учетом специфики региона), большевики, эсеры-максималисты, левые эсеры и беспартийные сторонники советской власти¹⁶⁷. В свою очередь, областной ВРК находился в подчинении у чрезвычайного комиссара Дагестанской области В.И. Нанейшвили, грузина по национальности, назначенного на эту должность чрезвычайным комиссаром Северного Кавказа С.Г. Шаумяном. Нанейшвили подчинялся непосредственно Бакинскому Совнаркому, его полномочия были схожи с теми, что имел до революции военный губернатор области. На местах создавались городские, окружные, участковые и аульские военревкомы.

Следует отметить, что если в состав областного и городских ВРК входили как представители горского, так и русскоязычного населения, то на местах органы власти комплектовались почти исключительно из местных уроженцев, которые доминировали в сельской местности. По социальной принадлежности среди ревкомовцев преобладали представители интеллигенции, многие из которых имели большой стаж партийной борьбы с самодержавием; встречались выходцы из дворянских семей (например, У.Д. Буйнакский), крестьян (в основном, занимавшихся отходничеством и знакомых с социалистическими идеями), рабочих (в городах). По партийной принадлежности городские ВРК состояли почти исключительно из членов социалистических партий (большевики, левые эсеры, национальные социалисты), в окружных РК немало было и беспартийных, которые численно преобладали в участковых и сельских ревкомах. В связи с тем, что большая часть партийцев концентрировалась в городах и окружных центрах, не редки были случаи, когда беспартийные стояли во главе не только аульных, но и участковых революционных комитетов.

На Кубани еще в период борьбы с Радой, в начале 1918 г. появились военно-революционные комитеты, бравшие власть в станицах и отделах области. После взятия Екатеринодара, 16 марта возник объединенный областной военно-революционный комитет, провозгласивший себя высшим органом Советской

¹⁶⁷ ЦГА РД. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

власти в области. В его состав вошли представители Екатеринодарского городского ВРК, ВРК т.н. «Юго-Восточной революционной армии» и Кубанского областного революционного комитета (председатель - командир Юго-Восточной революционной армии казачий хорунжий А.И. Автономов)¹⁶⁸.

В других северокавказских регионах ревкомы не создавались. На Кубани к системе Советов перешли уже в апреле 1918 г., в Дагестане советизация началась в конце мая и закончилась в середине июля, когда I Дагестанский областной съезд Советов вручил всю полноту власти избранному на съезде областному исполнительному комитету (председателем его остался Д.А. Коркмасов)¹⁶⁹.

Что представляла собой форма правления, установившаяся на Северном Кавказе летом 1918 г.? В Дагестане, на Ставрополье, Кубани и Черноморье она напоминала существовавшую в это время в Центральной России. Вся полнота власти была сосредоточена в руках сельских, окружных/отдельских, губернских/областных Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов и их исполнительных комитетов, которые заменили дореволюционные органы местного управления и самоуправления (городские думы и земства) и возникшие в 1917 г. после Февральской революции (комитеты общественной безопасности, гражданские исполкомы, казачьи и горские правительства). От выборов были отстранены лица, эксплуатировавшие чужой труд и живущие на «нетрудовые доходы», а также «противники советской власти», контрреволюционеры, круг которых определялся местными властными органами. В то же время, большевики не имели в Советах абсолютного преимущества. В Дагестане большинство членов областного исполкома принадлежало к Дагестанской социалистической группе, на Ставрополье, Кубани и Черноморье в Советах всех уровней существовали сильные фракции левых эсеров, эсеров-максималистов, меньшевиков-интернационалистов, анархистов. Еще одним отличием Дагестанской области являлось то, что областные власти, стремясь привлечь симпатии верующих мусульман на свою сторону и лишить исламистов

¹⁶⁸ Известия Кубанского Центрального Исполнительного Комитета. 1918. 27 марта.

¹⁶⁹ ЦГА РД. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.

популярного лозунга, объявили о введении шариатского судопроизводства для мусульманского населения Дагестана, разъяснив, что немусульманское население должно было жить по светским законам, а в случае судебных тяжб с мусульманами обращаться в смешанные суды¹⁷⁰. Подобные шариатские суды были по инициативе мусульманского населения введены и в некоторых округах Терской области.

Наибольшим своеобразием отличалась система управления в Терской области. Там также существовали Советы рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, но реальная власть на II съезде народов Терека была передана не им, а т.н. «Народным Советам» (сельским, участковым, отдельским/окружным и областному), которые выбирались на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Областной Совет народных комиссаров нес ответственность перед областным Народным Советом. В городах продолжали функционировать городские думы. Позиции большевиков на Тереке были в тот период очень слабы, поэтому они вынуждены были смириться с происходящим.

Очевидно, что говорить о «диктатуре пролетариата» (в том смысле, как это понималось тогда в Центральной России) или о диктатуре большевистской партии на Северном Кавказе в 1918 г. нельзя. У власти находилась коалиция левых социалистических партий, пытавшихся управлять краем через систему Советов.

Что касается формы государственного устройства Северного Кавказа, то степень самостоятельности отдельных регионов в 1918 г. была столь велика, что это дало повод советским (и вслед за ним российским исследователям) говорить о «советских республиках Северного Кавказа 1918 г.» как отдельном этапе национально-государственного строительства в крае. Однако насколько оправдан сам термин «советские республики»? Каков был их государственно-правовой статус и как он изменялся на протяжении 1918 г.? Следует отметить, что с формальной точки зрения Дагестанская и Терская области, а также

¹⁷⁰ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане: 1917 – 1921 гг.: Сборник документов и материалов / Редкол. Г.-А.Д. Даниялов (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1958. №102. С. 111.

Ставропольская губерния не изменили своего статуса на республиканский в 1918 г. после установления там советской власти. Тем не менее, в научных монографиях и статьях закрепились устойчивые сочетания «Ставропольская советская республика» и «Терская советская республика»¹⁷¹. Нам представляется ошибочных данных терминов.

Ни местные, ни, тем более, центральные органы государственной власти не издавали каких-либо декретов, указов, постановлений о формально-правовом изменении статуса данных административных единиц. В «Декрете о Народной власти в Ставрополе и в губернии», принятом 1 января 1918 г. губернским народным совещанием, (подчеркнем – речь идет именно о «губернии»! – С.О.) нет никаких указаний на то, что регион был преобразован в республику. Напротив, высшим законодательным органом названо общее собрание **губернских Советов**, которое выделяет **губернский** исполком, а тот, в свою очередь, формирует **губернский Совет народных комиссаров** (выделено мной – С.О.). Этот декрет имел силу вплоть до 20 мая 1918 г., когда Чрезвычайный **губернский съезд Советов** принял новый «Декрет во власти в Ставропольской **губернии**». Систему высших органов власти в регион там составляли **губернский съезд** крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов и **губернский ИК**, названный «высшим хозяином **губернии**» (выделено мной – С.О.), и просуществовала она вплоть до захвата Ставропольской губернии белогвардейцами.

Аналогично отсутствуют документы о преобразовании Терской области в «советскую республику». В документах, принятых на II съезде народов Терека в марте 1918 г., подчеркивается, что Терская **область** является «составной частью» Российской республики (выделено мной – С.О.). «Основные положения проекта управления Терским краем» вводят новое понятие «Терский край» (в пределах Терской области), но нет ни слова о том, что статус его повышается до уровня автономной республики в составе России. Наконец, высший орган власти прямо

¹⁷¹ См. *Борисенко И.* Советские республики на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927; *Головенченко Ф.* Гражданская война в Ставропольской губернии (1918 – 1920 гг.). Исторический очерк. Ставрополь, 1928; *Гойгова З.А.-Г.* Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1963; *Корнев Д.З.* Революция на Тереке. 1917 – 1918 гг. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967; *Кониев Ю.И.* Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе, 1969.

назван Терским **областным** Народным Советом. Даже на последнем по счету, V съезде народов Терека, проходившем в конце ноября – начале декабря 1918 г., перечисляя задачи советской власти, говорится о том, что «**областная** власть должна немедленно приступить...» (выделено мной – С.О.).

По-иному развивалась ситуация на Кубани и в Черноморской губернии. Местные органы власти решили формально закрепить автономный статус своих регионов в составе России и свои полномочия, приобретенные в ходе революции, повысив их статус до республиканского. III съезд Советов Черноморской губернии, состоявшийся 10-13 марта в Туапсе, преобразовал Черноморскую губернию в Черноморскую Советскую Социалистическую Республику¹⁷². В начале мая 1917 г. в руководстве Кубани и Черноморья возникли мысли об объединении их в одну административно-территориальную единицу. 17 мая председатель Кубанского Центрального исполнительного комитета Я.В. Полуян официально озвучил идею о необходимости их слияния в одну республику¹⁷³. 19 мая Кубанский ЦИК принял резолюцию, в которой говорилось о том, что ввиду возможного вторжения на Кубань и Черноморье немецких, турецких и украинских (имелись в виду войска Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского) войск, а также вследствие давних тесных политических и экономических связей между ними, насущной задачей является их сплочение и объединение «в целях единства и согласования действий», а также сплочение всех общественных сил и организаций, стоящих на платформе советской власти¹⁷⁴.

28 мая в Екатеринодаре начал свою работу III Чрезвычайный съезд Советов, в котором принимали участие представители Кубани и Черноморья (562 большевика, 242 левых эсера). Делегаты поддержали идею об объединении Кубани и Черноморья. 30 мая 1918 г. было объявлено о создании «единой Кубано-Черноморской Советской Социалистической Республики», которая провозглашалась частью «великой Российской Советской Федеративной

¹⁷² Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917 – 1920 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1972. С. 50.

¹⁷³ ГАКК. Ф. Р-1511. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁷⁴ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 306. Л. 92.

Республики»¹⁷⁵. Высшим органом власти вновь созданной республики становился съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, который избирал Центральный исполнительный комитет (председатель Президиума – Я.В. Полуян), объявленный высшим законодательным и распорядительным органом власти. При этом пленум ЦИК мог в зависимости от местных условий вносить изменения в декреты, издаваемые центральной российской властью. Исполнительная власть сосредотачивалась в руках Совета народных комиссаров (в его состав вошло семь большевиков и пять левых эсеров, председатель Президиума – А.А. Рубин, еврей по национальности), при этом наркомы получили право решающего голоса на заседаниях ЦИК. Для разрешения неотложных вопросов общегосударственной важности собирались совместные заседания Президиумов ЦИК и СНК¹⁷⁶.

Итак, Кубано-Черноморская республика представляла собой унитарное автономное государственное образование в составе Российской Федерации, в основе образования которой лежал административно-территориальный принцип. В то же время, право республиканского ЦИК самовольно изменять декреты центральной власти (с весьма туманной ссылкой на «местные условия»), наличие собственных вооруженных сил де-факто повышали ее статус до уровня скорее отдельного суверенного государства, связанно с Центром на конфедеративных, добровольных началах.

На этом же съезде была высказана мысль об объединении всех советских территорий на Северном Кавказе. В качестве главных причин объединения назывались необходимость координации усилий для успешного противостояния внешней (немецкой, турецкой, грузинской, украинской) и внутренней (казаки, белогвардейцы) контрреволюции, упрочения советской власти на местах, унификации всей системы управления и самоуправления на Северном Кавказе, поддержание и развитие хозяйственно-экономических связей, налаженных еще в дореволюционное время. Выдвигались предложения создать Южно-Русскую

¹⁷⁵ Известия Центрального Исполнительного Комитета Кубано-Черноморской Советской Республики. 1918. 2 июня.

¹⁷⁶ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 308. Л. 36.

Советскую республику, включавшую в свой состав территорию от Дона до Главного Кавказского хребта и от Черного моря до Каспийского. Эта идея была поддержана Чрезвычайным комиссаром Юга России Г.К. Орджоникидзе, видевшего в этом объединении средство централизации северокавказских регионов и упрочения власти российского центра на периферии, что позволило бы эффективнее бороться с контрреволюцией и проводить в жизнь политику продовольственной диктатуры, которая должна была обеспечить снабжение хлебом и другими продуктами питания центральных регионов России.

2 июля 1918 г. под председательством Орджоникидзе во Владикавказе состоялся I съезд большевистских организаций Кубано-Черноморской, Терской и Ставропольской Советских республик (примечательности, что в материалах этого съезда речь везде шла именно о «советских **республиках**» (выделено мной – С.О.), на котором было признано целесообразным для организации обороны создать единую республику на Северном Кавказе. Против объединения не возражал и съезд левых эсеров¹⁷⁷. 5 июля в Екатеринодаре начал свою работу I съезд Советов Северного Кавказа. В нем принимало участие 365 делегатов, представлявших Кубано-Черноморье, Ставрополье и Северокавказскую Красную армию. Представители Терека не смогли попасть на съезд, однако Владикавказ подтвердил свое согласие войти в состав единой республики.

В качестве первоочередных задач советской власти на Северном Кавказе были указаны: создание боеспособной армии, беспощадная борьба с контрреволюцией и «предательскими партиями меньшевиков и правых социалистов-революционеров», организация крестьянской, казачьей и горской бедноты «для борьбы с кулацким элементом крестьянства и казачества», проведение последовательной политики в области социализации земли, национализации промышленных предприятий, решения жилищного вопроса борьбы со спекуляцией, повышение активности органов Советской власти в горских округах и сельской местности¹⁷⁸. Для достижения этих целей съезд

¹⁷⁷ Знамя борьбы. 1918. 26 июня.

¹⁷⁸ Известия Центрального Исполнительного Комитета Северо-Кавказской республики. 1918. 31 августа.

признал целесообразным объединить Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую республику (отметив вновь слово «республики»!) в «единую Северо-Кавказскую Республику – часть великой Российской Советской Социалистической Федеративной Республики». Высшим органом власти вновь созданной республики являлся съезд Советов и избираемый им Центральный исполнительный комитет, в котором должны были быть представлены все отделы, округа и уезды Северного Кавказа, «пропорционально численности населения республики». В перерывах между сессиями ЦИК его функции осуществлял выборный Президиум. Исполнительная власть вручалась Совету Народных Комиссаров, состоявшему из 14 коллегий (здравоохранения, финансов, юстиции, просвещения, продовольствия, народного хозяйства, национальных дел, земледелия, призрения, военной, труда, путей сообщения, внутренних дел, почт и телеграфов)¹⁷⁹. Столицей республики стал Екатеринодар, большинство мест и в ЦИК, и в СНК получили представители Кубано-Черноморья (всего - 44 большевика, 29 левых эсеров и один представитель армии, председатель Президиума ЦИК – большевик А.А. Рубин)¹⁸⁰.

Северо-Кавказская Советская республика представляла собой автономную республику в составе РСФСР, образованную не по национальному, а по территориальному принципу, созданную для решения конкретных задач укрепления советской власти и подавления контрреволюции в регионе, возглавляемую коалиционным большевистско-левоэсеровским руководством, имевшим очень широкие полномочия в организации местного управления и самоуправления, в том числе и право создавать собственные вооруженные силы. На первый взгляд представляется странным, почему в состав Северо-Кавказской республики не была включена Дагестанская область, на территории которой также была провозглашена советская власть. Вопрос о вхождении Дагестана даже не ставился, ему представители не были приглашены на съезд. По всей видимости, дело в том, что еще с дореволюционных времен Дагестан официально

¹⁷⁹ Известия Пятигорского Совета. 1918. 17 июля.

¹⁸⁰ ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 212. Л. 120.

рассматривался как часть Закавказья, а не Северного Кавказа. Не был четко определен и правовой статус территорий, вошедших в состав республики: сохраняли ли они свой статус или нет, иными словами, становилась ли Северо-Кавказская республика унитарным или федеративным государством.

Несмотря на то, что национально-территориальный принцип не учитывался при образовании автономных советских республик на Северном Кавказе в 1918 г., региональные органы власти должны были уделять внимание и национальному вопросу. В июле 1918 г. за подписью председателя СНК РСФСР В.И. Ленина, заместителя народного комиссара по делам национальностей С.С. Пестковского и заведующего отделом горцев Кавказа У.Д. Алиева вышло предписание Советам Северного Кавказа, Дагестана, Черноморской и Ставропольской губерний организовать отделы по делам горцев в составе местных Советов, поручив их создание революционным организациям горцев, стоявшим на советской платформе, а исполкомам Советов оказывать всяческое содействие в делах организации данных отделов¹⁸¹.

В Ставропольской губернии новые власти упразднили Инородческое управление, заменив его выборным губернским Инородческим Советом, в состав которого входило по два представителя от туркмен, ногайцев и калмыков, избранных на общих собраниях. Всем национальным меньшинствам было гарантировано право свободного устройства местной жизни, создания органов самоуправления, «соответствующего бытовым, религиозным и культурно-национальным особенностям»¹⁸². В Кубанской области 21 марта 1918 г. был организован отдельный комиссариат по горским делам, который возглавил известный адыгейский революционер М.Х. Шовгенов¹⁸³. Его главной задачей являлась пропаганда среди горского населения идей Советской власти, привлечение горцев на ее сторону, организация сил для борьбы с контрреволюцией, просвещение горского населения, оказание ему материально-

¹⁸¹ Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР. С. 505.

¹⁸² Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии. Ставрополь: Ставроп. окр. Октябрьская комиссия, 1928. С. 17.

¹⁸³ Известия Кубанского Центрального Исполнительного Комитета. 1918. 24 марта.

технической помощи. С мая под эгидой комиссариата по национальным делам началось издание газеты «Красная Кубань» (редактор – Х. Плещерун) на русском языке тиражом 600 экземпляров.

На Тереке в структуре областного Народного Совета еще на I съезде народов Терека в Моздоке была создана коллегия по национальному вопросу (председатель – кабардинец Л. Базиев), на которую была возложена задача предотвращения конфликтов на национальной почве и привлечение представителей всех народов Терека на сторону новой власти. В марте 1918 г. появился наркомат по национальным делам в составе Терского Совнаркома, который возглавил ингуш Г.С. Ахриев (в августе его сменил чеченец А.Д. Шерипов, в декабре – кабардинец Б.Э. Калмыков). Он принимал участие в подготовке и проведении национальных съездов в округах Терской области (осетинских, ингушских, чеченских и т.д.), на которых выносились резолюции о признании советской власти, создавались органы управления в округах и участках, участвовал в разрешении спорных вопросов (в том числе возникавших на почве кровной мести) между представителями различных этнических групп, способствовал их примирению, нормализации взаимоотношений между горским и русскоязычным населением области. В составе высшего органа власти на Тереке – областного Народного Совета действовали постоянные национальные фракции, представлявшие интересы крупнейших этнических общностей, пропорционально их численности: чеченская (13-14 человек), осетинская (8 человек), кабардинская (6-7 человек), ингушская (3 человека), балкарская (2 человека). Наряду с ними, с первых дней существования Совета в его структуре были представлены фракции казаков (8-10 человек) и иногородних (10-17 человек).

Следует отметить, что на протяжении 1918 г. эффективность работы органов советской власти находилась на низком уровне, что вынуждены были признавать сами большевики. Связано это было как с объективными причинами (Гражданская война, иностранная интервенция, слабо развитая инфраструктура, препятствовавшая налаживанию эффективного взаимодействия между ними), так и с субъективными (отсутствие управленческих навыков и опыта работы у многих

членов Советов, подобранных не по профессиональным, а по партийным или личным качествам). Это вело к бессистемности в проведении советского строительства на местах, отсутствию унифицированной структуры Советов (в частности, отделы, существовавшие в одних Советах, отсутствовали в других), планомерности в их работе. Много времени уходило на обсуждение и решение малозначимых дел, что отнимало много сил и средств.

Национальная политика советских органов также не всегда отличалась сбалансированностью. В ее осуществлении региональные власти сталкивались с известными трудностями объективного характера: в условиях неграмотности большей части горского населения, господства патриархально-родовых пережитков, сильного влияния традиционной элиты (дворянство, мусульманское духовенство) на настроения горского крестьянства, достичь успеха было непросто. Большая часть дворян и офицеров, выходцев из горской знати, сражалась против красных с оружием в руках и вела агитацию против советской власти. Советы испытывали острую нужду в квалифицированных сотрудниках, которые хорошо бы знали языки горцев, их традиции и обычаи и, в то же время, имели навыки государственного управления и стояли на платформе советской власти. Комиссар по горским делам Кубано-Черноморской республики М. Шовгенов признавался, что неграмотные, не знающие, в большинстве своем, русского языка, горцы не могли разобраться в программах различных российских политических партий, не видели между ними разницы, по традиции, «слепо доверяли своим султанам и князьям, посылая их в Раду и куда только требовалось для решения своих судеб». Эксплуататоры же, используя свой авторитет, натравливали горцев на большевиков и вообще на иногороднее население, убеждая их примкнуть к контрреволюционному казачеству. Для того чтобы преодолеть влияние знати, требовалось много времени¹⁸⁴.

Не всегда удавалось предотвратить межнациональные конфликты. Например, на Кубани в феврале-марте 1918 г. разразился острый конфликт между

¹⁸⁴ Известия Кубанского областного исполнительного комитета и Екатеринодарского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 5 мая.

иногородним крестьянством (составлявшим одну из главных опор советской власти) и горцами, в основе которого лежали поземельные разногласия. Он перерос в настоящий погром горских аулов Екатеринодарского и Майкопского отделов, в котором активное участие принимали составленные из иногородних подразделения Красной Гвардии. Это способствовало тому, что значительная часть адыгского крестьянства поддержала белогвардейцев. В Терской области в августе 1918 г. в войну с большевиками, доминировавшим в областном Совнаркоме, вступили Кабардинский и Осетинский национальные Советы. Кабардинцы обвиняли большевиков в предоставлении преимуществ балкарцам и иногородним, осетины – в поддержке ингушей и стремлении решить аграрный вопрос в их пользу.

Непросто складывались взаимоотношения советского руководства с казачеством. Дело в том, что новые власти, реализуя Декрет о земле, приступили к решению аграрного вопроса в интересах безземельного крестьянства. Начались конфискации дворянских и офицерских земель, а, вслед за этим, передел станичных юртовых земель и земель войскового запаса. Часть из них была передана иногородним. Это вызвало всплеск недовольства казачьей верхушки и даже середняков, не желавших лишаться привилегированного положения и делиться землей с иногородними. Терское казачество протестовало против решения III съезда народов Терека (май 1918 г.), принявшего решение о передаче части казачьих земель в Сунженском отделе ингушам¹⁸⁵.

Наконец, недовольство всего населения края, без различия сословий, вызывали бесчинства, творимые разложившимися «революционными отрядами». Произвольные конфискации и реквизиции, грабежи, самовольные аресты и расстрелы всех, проявлявших хоть малейшее недовольство подобными действиями, озлобляли население, настраивали его против советской власти как на местах, так и в центре, потому что ее руководители не могли защитить жителей от насилий, а зачастую все бесчинства творились от имени советской власти и под предлогом расправы с ее врагами. Президиум ЦИК Северо-Кавказской Советской

¹⁸⁵ Корнев Д.З. Революция на Тереке. С. 239.

республики не смог создать эффективную «вертикаль власти», преодолеть тенденции к регионализации и «самостийности», проявляемые многими местными Советами. Его власть на местах была слаба, а руководство Северо-Кавказской республики не пользовалась популярностью и авторитетом. Антисоветская оппозиция искусно использовала тот факт, что среди членов Президиума и ЦИК было много евреев. Евреем был и глава республики А.А. Рубин. Контрреволюционеры, играя на шовинистических чувствах казачества, внушали им, что в результате Октябрьской революции, к власти пришли евреи, которые мечтают погубить Россию, православную веру и казаков.

В результате летом 1918 г. на Северном Кавказе вспыхнули крестьянско-казачьи восстания, наибольшим размахом и организованностью отличалось выступление терского казачества в июне – декабре 1918 г. Этим воспользовалось командование белогвардейской Добровольческой армии, начавшее в июне 1918 г. наступление на Северном Кавказе. Осенью 1918 г. советская власть была свергнута в Дагестане, Черноморье и на большей части территории Ставрополя и Кубани. Большевики искали выход из кризиса на пути укрепления своих позиций в структуре органов власти на всех уровнях и приведения существующей системы управления в соответствие с положениями Конституции РСФСР. В новый ЦИК Северо-Кавказской Советской республики, избранный в конце октября 1918 г. на II съезде Советов Северного Кавказа вошло 23 большевика и 2 народника-коммуниста (отделившаяся от левых эсеров группа, выступавшая за более тесный союз с большевиками)¹⁸⁶. На V съезде народов Терека, проходившем в конце ноября – начале декабря 1918 г. во Владикавказе, отдельским и окружным Народным Советам было предъявлено обвинение в «засоренности контрреволюционными элементами». Избранные на основе всеобщего избирательного права, они, по словам большевиков, показали свою полную несостоятельность, неспособность мобилизовать силы для решительного отпора антисоветским повстанцам, а в ряде мест и вовсе переходили на сторону восставших.

¹⁸⁶ Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе. Т. 2. С. 205.

6 декабря съезд принял решение об организации «твердой Советской власти на местах, состоящей исключительно из беднейших граждан аулов, селений и станиц» в полном соответствии с Конституцией РСФСР. Отныне все эксплуататоры и лица, жившие на нетрудовые доходы, лишались избирательных прав. С другой стороны, право голоса предоставили тем муллам, которые зарекомендовали себя в качестве активных борцов с контрреволюцией. Это означало внесение кардинальных изменений в «Основные положения по управлению Терским краем», одобренные II сессией съезда в Пятигорске¹⁸⁷. Большинство мест в областном Совнаркоме получили большевики, которые сосредоточили все управление областью в своих руках. Представительство левых эсеров сократилось до двух человек, меньшевиков-интернационалистов исчезло вовсе. Левый социалистический блок прекратил свое существование, уступив место однопартийной по своей сути диктатуре.

Между тем под ударами белогвардейской Добровольческой армии территория Северо-Кавказской Советской республики (после взятия белыми в августе 1918 г. Екатеринодара ее столица была перенесена сначала в Армавир, а потом в Пятигорск) неуклонно сокращалась. Стало очевидным, что она оказалась не в состоянии решить ни одной из задач, возложенных на нее I съездом Советов Северного Кавказа, поэтому ее существование представлялось лидерам большевиков уже ничем не оправданным. В декабре 1918 г. в Президиум ВЦИК поступила докладная записка «О реконструкции органов власти на Северном Кавказе», составленная С.М. Кировым и О.М. Лещинским, которые рекомендовала упразднить эту республику. Это предложение было принято, и вскоре республиканский ЦИК прекратил свое существование. На смену ему должен был прийти краевой исполнительный комитет Советов Северного Кавказа, избираемый на съезде Советов¹⁸⁸. Наконец, в январе 1919 г. ВЦИК санкционировал переход всей полноты власти на Тереке к Советам рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Терский областной

¹⁸⁷ Народная власть. 1918. 8 декабря.

¹⁸⁸ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики. С. 101.

Народный Совет должен был быть распущен, Совет Народный Комиссаров – упразднен. Вместо них к 5 февраля должен был быть сформирован Терский областной комитет Советов рабочих, горских, крестьянских и красноармейских депутатов, что означало бы полную унификацию системы управления на Северном Кавказе в соответствии с положениями советской Конституции. Однако реализовать это постановление не успели, т.к. в начале февраля 1919 г. вся территория Северного Кавказа перешла под контроль белогвардейцев.

§2. Северный Кавказ под «белой» властью: особенности национально-государственного строительства. 1918 – 1920 гг.

Под Белым движением в годы Гражданской войны в России в отечественной историографии понимается военно-политическое движение разнородных в политическом отношении сил, сформированное с целью свержения советской власти, включавшее в себя представителей как умеренных социалистов и республиканцев, так и монархистов, объединенных против большевистской идеологии¹⁸⁹. Оно было неоднородным в политическом плане, в его идеологии существовали существенные расхождения между отдельными политическими силами как по тактическим вопросам ведения борьбы с большевиками, так и по стратегическим, касавшимся организации государственного строя, альтернативного большевистскому.

Начало Белому движению на Юге России было положено 2 ноября 1917 г. генералом от инфантерии М.В. Алексеевым в Новочеркасске, приступившим к созданию на добровольческих началах военизированных формирований с целью

¹⁸⁹ Цветков В. Ж. Белое движение // Большая российская энциклопедия: В 30 т. Т. 3: «Банкетная кампания» 1904 - Большой Иргиз / Председатель Науч.-ред. совета Ю. С. Осипов, отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005.

борьбы с захватившими власть большевиками. В конце февраля 1918 г. Добровольческая армия под командованием генерала Л.Г. Корнилова, отступившая под натиском большевиков с Дона, впервые оказалась на территории Северного Кавказа. Ввиду малочисленности своих сил, Корнилову не удалось закрепиться на занятых территориях и организовать там постоянные органы государственной власти. В тот период белые, в отличие от красных, не имели возможности заниматься национально-государственным строительством, т.к. находились буквально на краю гибели, ведь Первый Кубанский поход закончился фактически поражением корниловцев, во многом в связи с тем, что большая часть кубанского социума (даже казачество) не оказала им в то время активной поддержки. В результате командование Добровольческой армии вынуждено было покинуть территорию Кубани и вернуться на Дон.

Одна из первых попыток государственного строительства на Северном Кавказе, предпринятая белыми на Северном Кавказе, связана с именем войскового старшины Терского казачьего войска Л.Ф. Бичерахова, сформировавшего в 1918 г. при помощи Великобритании в Персии и Закавказье т.н. «Кавказскую армию» для борьбы с турками и большевиками и овладевшего в августе – сентябре приморской частью Дагестана, где им была ликвидирована советская власть. Стремясь установить хорошие отношения с горцами и привлечь их на свою сторону, Бичерахов обещал им созвать общегорский съезд, который должен был решить все вопросы местной жизни и создать демократические органы управления и самоуправления в Дагестанской области.

Бичерахов искал компромисса с дагестанской политической элитой, однако попытка наладить сотрудничество с Дагестанской социалистической группой успехом не увенчалась. Отказывались от мирных переговоров и исламисты, укрепившиеся в Нагорном Дагестане. Горские национал-демократы к этому времени взяли курс на выход Северного Кавказа из состава России и создание независимой Горской республики, поэтому антисепаратистские идеи, разделявшиеся Бичераховым, были им чужды. Единственную опору он мог найти только среди дагестанского офицерства, начинавшего свою военную карьеру еще

во времена Российской империи. Наиболее авторитетным среди них считался бывший командир Дагестанского конного полка, полковник князь Н. Тарковский, потомок шамхалов Тарковских, которого Бичерахов 25 сентября 1918 г. провозгласил «диктатором Дагестана», соединившим в своих руках всю полноту военной и гражданской (законодательной, исполнительной и судебной) власти. Его полномочия напоминали полномочия военного губернатора области в дореволюционное время. В свою очередь, он признавал Дагестан неотъемлемой частью России, подчинялся «законной верховной власти в России», представителем которой выступал Бичерахов, оказывал ему помощь в борьбе с большевиками и местными сепаратистами, снабжал его войска продовольствием, фуражом, боеприпасами¹⁹⁰.

Л.Ф. Бичерахов выступал с последовательных антибольшевистских позиций, ратовал за «собрание» южных окраин России, пресечение сепаратистских устремлений. В то же время его роднила с другими идеологами Белого движения политика «непредрешенчества», заключающаяся в том, что определение политического будущего России передавалось целиком на волю правомочного Всероссийского Учредительного собрания, которое должно было быть собрано после победы. До этого все органы власти носили временный характер. Л.Ф. Бичерахов выдвинул идею создания «Кавказско-Каспийской краевой власти», которая, по его словам, должна была «иметь на этой окраине русское лицо и олицетворять русскую государственность» до созыва Учредительного собрания. 12 октября под его эгидой в Порт-Петровске состоялось совещание представителей «не занятых неприятелем и сохранивших верность России» регионов бывшей Российской империи.

19 октября собравшиеся приняли «Положение о Кавказско-Каспийском союзе областей» - новой административно-территориальной единице, охватывавшей земли Закавказья, Северного Кавказа и Прикаспия. Верховная власть до созыва Всероссийского Учредительного собрания вручалась Совету Союза, состоявшему из девяти человек. Двое представляли Терское казачье-

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 929. Л. 129-130.

крестьянское правительство (альтернативный орган власти, руководивший борьбой терского казачества против Терского областного Совнаркома), двое – Закавказский исполнительный комитет, двое – Мугань и Ленкорань, по одному – Порт-Петровск, Дербент и Армянский Национальный Союз.

Совет Союза обладал правом издания законов, ведал внешнеполитическими сношениями с иностранными государствами и регионами России, устанавливал налоги и сборы, распоряжался финансами, назначал главнокомандующего вооруженными силами Кавказско-Каспийского союза¹⁹¹. Исполнительная власть вручалась Временному Союзному правительству, задачами которого являлись: восстановление российской государственности и воссоединение разрозненных областей, доведение Первой Мировой войны до победного конца в союзе с державами Антанты, наведение порядка и водворение законности на контролируемой территории¹⁹².

По форме государственного устройства Кавказско-Каспийский союз представлял собой федерацию, созданную по административно-территориальному признаку, однако высшие органы власти строились с учетом национальной специфики региона, а населявшие его народы пользовались самоуправлением. По форме правления он являл парламентскую республику, однако фактически вся полнота власти была сосредоточена в руках Л.Ф. Бичерахова, соединившего в своих руках посты Главкома и военно-морского министра, что дает нам основание охарактеризовать данный государственный строй как военную диктатуру.

В конце октября Совет Союза и Временное Союзное правительство признали власть Временного Всероссийского правительства, размещавшегося в Омске. В свою очередь, Омское правительство подтвердило легитимность и полномочия Союзного правительства и Бичерахова в качестве главнокомандующего всеми вооруженными силами в Кавказско-Каспийском

¹⁹¹ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 51. Л. 8 об.

¹⁹² Там же. Л. 8-8 об.

регионе¹⁹³. Однако Л.Ф. Бичерахову было отпущено очень мало времени на попытку реализации своей политической программы. В начале ноября его войска были выбиты из Дагестана турецкой армией и вынуждены были отступить в Баку под защиту англичан, оккупировавших город. Там Бичерахов получил известие о том, что адмирал Колчак, ставший к тому времени Верховным Правителем России, признал полномочия Временного Союзного правительства и самого Бичерахова как главкома Кавказской Армии, сражавшейся против советских войск. Это, однако, привело его к конфликту с А.И. Деникиным, претендовавшим на единоличную власть на территории Юга России.

Великобритания, заинтересованная в объединении белых вокруг одного политического центра, сделала выбор в пользу Деникина. 14 января 1919 г. Л.Ф. Бичерахов вынужден был сложить полномочия главнокомандующего Кавказской Армией, которую возглавил генерал от инфантерии М.А. Пржевальский и вскоре покинул территорию России, отправившись в эмиграцию¹⁹⁴. Совет Кавказско-Каспийского Союза и Временное Союзное правительство незаметно прекратили свое существование, что позволило А.И. Деникину, который к этому времени сумел одержать ряд побед и поставить под свой контроль большую часть территории Северного Кавказа, приступить к реализации своего плана государственного устройства в регионе.

Что же представлял собой деникинский режим в политическом отношении?

3 октября 1918 г. были приняты «Временные положения об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией», согласно которому вся полнота государственной власти на занятой территории принадлежала Верховному Главнокомандующему Добровольческой армией (т.е. генералу А.И. Деникину). Законы, принятые до 25 октября 1917 г., сохраняли свою силу «с изменениями, вытекающими из настоящего положения, а равно из имеющих быть изданными на основании его законов». Декларировалось равноправие всех граждан «без различия национальностей, сословия и вероисповедания», все

¹⁹³ РГВА. Ф. 39779. Оп. 2. Д. 42. Л. 10.

¹⁹⁴ Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917 – 1919 гг. М.: Центрполиграф, 2011. С. 234.

религиозные конфессии и организации получили «полную свободу» и «покровительство закона». В то же время, подчеркивалась неприкосновенность особых прав и преимуществ, «издавна принадлежащих казачеству», Православная Церковь объявлялась «Первенствующей», а русский язык – государственным.

Полномочия Верховного Главнокомандующего Добровольческой армии были очень велики. Он стоял во главе всех сухопутных и морских сил, руководил государственной обороной, вел переговоры с иностранными государствами и «временными государственными образованиями, возникшими на пространстве Российского Государства», подписывал международные договоры, объявлял войну и заключал мир, издавал законы и указы по всем отраслям государственной жизни, устанавливал единую систему денежного обращения, назначал на все высшие должности военной и гражданской службы, осуществлял право помилования и амнистии, мог объявить ту или иную местность на военном или чрезвычайном положении.

Для содействия Верховному Главнокомандующему «в делах законодательства и управления» при нем функционировало Особое совещание (председатель – генерал от кавалерии А.М. Драгомиров, с сентября 1919 г. – генерал-лейтенант А.С. Лукомский), все члены которого назначались Главкомом. В его компетенцию входили рассмотрение законодательных предположений, правительственных мероприятий общегосударственного значения, кандидатур на замещение должностей местного управления. Отдельно оговаривалось, что в области законодательства и верховного управления Особое совещание является совещательным органом при Верховном Главнокомандующем, в то же время управляющие отделами приравнивались к дореволюционным министрам и за общий ход государственного управления несли ответственность только перед Верховным Главнокомандующим. При Особом совещании функционировал комитет по национальным делам, задачей которого являлось оказание содействия

Главкому в проведении национальной политики на территории, подконтрольной ВСЮР¹⁹⁵.

Следующей инстанцией после Верховного Главнокомандующего являлся главноначальствующий, который считался «главным представителем Высшей Государственной Власти во вверенной ему местности» и обладал всеми правами гражданского и военного управления за исключением командования действующими войсками¹⁹⁶. Он назначался Главкомом по его собственному выбору и подчинявшийся только ему. На вверенной ему территории главноначальствующий обладал диктаторскими полномочиями. При главноначальствующем создавался Совет, в обязанности которого входили выработка и обсуждение законодательных мероприятий областного значения, наблюдение за направлением и ходом дел по общественному, земельному и хозяйственному устройству населения. Права принимать или отменять законы Совет не имел, являясь законосовещательным органом¹⁹⁷.

В губерниях вся полнота военной и гражданской власти передавалась губернатору. Он назначался Главнокомандующим по представлению начальника управления внутренних дел Особого совещания и находился в двойном подчинении: начальника управления внутренних дел Особого совещания и главноначальствующего¹⁹⁸. В качестве совещательного органа при нем также функционировал Совет, в который входили, помимо него самого, вице-губернатор, управляющие казенной и контрольной палатами, прокурор, председатель губернской земской управы, городской голова губернского центра, гласные «цензовых земств» по выбору самого губернатора. Органом исполнительной власти в регионе становилось губернское управление, чиновники которого назначались вышестоящими правительственными инстанциями¹⁹⁹.

Во главе уездов стояли начальники уездов, назначавшиеся начальником управления внутренних дел по представлению губернатора. Они осуществляли

¹⁹⁵ Национальная политика России: история и современность. С. 247.

¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-1 об.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 3. Л. 28-28 об.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 110. Л. 12-15.

надзор за деятельностью правительственных установлений и должностных лиц гражданского ведомства, учебными заведениями, учреждениями волостного и сельского управления. Исполнительную власть в уезде осуществляло уездное управление, включавшее в свой состав управления общих дел, по делам местного самоуправления, по делам о воинской повинности, начальники которых назначались губернатором²⁰⁰.

Низовой инстанцией управления признавался сельский сход, который решал вопросы землепользования, раскладки сборов и налогов, отбывания повинностей местными жителями, избирал старосту, который исполнял приговоры сходов, а также был ответственен за задержание беглых и дезертиров, и избрание членов волостного и сельского правления. Однако 12 июня 1919 г. сход потерял это право, отныне все выборные должности замещались людьми, назначаемыми губернатором²⁰¹.

В городах образовывались городские управы, члены которых назначались губернатором, прежде всего, из членов предшествовавших составов данной управы, из числа «опытных городских или земских работников», а если никто из них по каким-то причинам не подходил для занятия этой должности, то просто «из местных деятелей», поддерживавших Белое движение, в ведении которых находились вопросы исключительно хозяйственного значения²⁰². Городские головы и градоначальники назначались начальником управления внутренних дел Особого совещания. 4 июля 1919 г. было объявлено о восстановлении земства (там, где оно существовало до Февральской революции), в компетенцию которого были отнесены вопросы регулирования внутренней жизни на местах, забота о развитии народного образования, здравоохранения, статистики, сельского хозяйства, управления финансами, сбор налогов²⁰³. Контроль за «законностью и правильностью действий» органов земского самоуправления был возложен на губернатора, который мог отменить любое их решение в случае формального или

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 110. Л. 16-17.

²⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.

²⁰² ГАРФ. Ф. Р-5354. Оп. 1. Д. 16. Л. 32-34.

²⁰³ ГАРФ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 110. Л. 159.

содержательного противоречия «государственной политике», опротестовать выборы и отстранить от должности любого земского гласного. Был восстановлен избирательный ценз и ценз оседлости, выборы были не прямыми. Осенью 1919 г. А.И. Деникин разрешил провести выборы в городские думы, отменив, однако, всеобщее избирательное право²⁰⁴.

Итак, на Юге России (в том числе и на Северном Кавказе) выстраивалась жесткая «вертикаль власти», отличительными чертами которой была милитаризация управления, аналогичная существовавшей в регионе до Февральской революции, централизация местного управления, назначение на высшие посты кадровых офицеров-белогвардейцев. Установившийся режим можно назвать диктаторским, ибо все должностные лица назначались сверху, а не избирались, несли ответственность лишь перед вышестоящим начальством, которое вольно было их сместить или наказать (или, напротив, представить к награде). Главнначальствующие могли закрывать неудобные газеты, распускать профсоюзы и партии, подвергать граждан аресту, что сводило на нет все гарантии защиты демократических прав и свобод, обещанные населению 3 октября 1918 г. Более того, даже право частной собственности не рассматривалось уже в качестве неотъемлемого принципа устройства жизни, т.к. главнначальствующие могли производить реквизиции и секвестры. Однако больше всего новые законы били по рабочим, которые были де-факто лишены всех социальных гарантий (рабочий день и условия труда отныне нормировались также главнначальствующим), а борьба за свои права была чрезмерно затруднена.

Что касается регионов Северного Кавказа, то по вышеозначенной схеме было организовано управление в Ставропольской и Черноморской губерниях, во главе которых встали военные губернаторы, назначенные А.И. Деникиным. Ставропольский военный губернатор генерал-майор П.В. Глазенап в обращении к населению заявил о том, что отныне «Ставропольская губерния управляется на основании законов Российской империи, со всеми дополнениями», внесенными в них Временным правительством, а также на основании приказов «Командующего

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 59. Л. 29-33.

Добровольческой армии»²⁰⁵. Все управленческие посты в уездах и округах заняли кадровые офицеры Добровольческой армии. Отправление правосудия было возложено на военно-следственные и военно-полевые суды, подчинявшиеся военному губернатору и возглавлявшиеся офицерами²⁰⁶. Впоследствии, однако, был восстановлен в прежних правах дореволюционный окружной суд.

Впрочем, белогвардейские власти должны были учитывать и северокавказскую специфику – многонациональный и поликонфессиональный состав его населения. Возращение к дореволюционной системе управления «инородцами» было признано нецелесообразным. Так, указ «О преобразовании управления инородцами в Ставропольской губернии» упразднял старую систему, существовавшую при царе и Временном правительстве. При канцелярии Ставропольского военного губернатора был создан инородческий стол во главе с секретарем, ведавшим общими вопросами управления кочевыми народами. Во главе местных администраций встали назначавшиеся губернатором Большедербетовский, Туркменский и Ногайский улусные начальники, однако улусное управление, являвшееся органом исполнительном власти, избиралось самим населением на сходах. В отдельную административно-территориальную единицу был выделен Туркменский уезд, управляемый начальником уезда, который являлся командующим уездными отрядами самообороны, создаваемыми из туркмен и предназначавшимися для борьбы с красными партизанами. Для решения местных вопросов уездный начальник должен был созывать собрание почетных старейшин и членов аульных правлений.

На Кубани белым пришлось считаться с восстановлением власти Кубанской Рады, краевого правительства и Войскового Атамана. Казачья политическая элита стремилась ограничить полномочия командования Добровольческой армии исключительно военной сферой, а организацию управления и самоуправления оставить за собой. Нуждаясь в поддержке казачества и осознавая ограниченность своих сил и средств на данном этапе Гражданской войны, Деникин счел нужным

²⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 2. Л. 28.

²⁰⁶ *Иванько Н.И.* За власть Советов. Ставрополь: Кн. изд-во, 1957. С. 113.

не идти на разрыв отношений с Радой, а старался лавировать и искать взаимовыгодные компромиссы. Получалось это не всегда, в результате политическая обстановка на Кубани стабильностью не отличалась. В то же время и белогвардейское командование, и казачьи лидеры были заинтересованы в привлечении на свою сторону кубанских горцев (черкесов, шапсугов, карачаевцев). Они были уравнены во всех правах с казаками, получили право избирать и быть избранными в органы законодательной власти, занимать должности на государственной и военной службе. Князь Султан-Шахим-Гирей стал товарищем председателя Законодательной Рады. Мусульманские народы получили право создавать выборные органы самоуправления в аулах, им был дозволен суд по шариату. В то же время деникинцы отказались поднимать вопрос о создании национально-территориальных автономий в местах компактного проживания кубанских горцев. Высшая власть по-прежнему находилась в руках атаманов отделов, которыми являлись казаки, и отдельных правлений. Представительство горцев в центральных органах власти Кубанской области было ограниченным.

С большими трудностями белые столкнулись на Тереке и в Дагестане, где им приходилось учитывать интересы (зачастую взаимно противоположные) казаков, горцев и иногороднего населения. Наиболее надежным союзником белых выступало терское казачество, которое с появлением Добровольческой армии вновь взялось за оружие, что позволило деникинцам в сравнительно короткие сроки очистить от красных территорию Пятигорского, Моздокского и Сунженского отделов. Не оказали серьезного сопротивления белым кабардинцы и осетины. В то же время ингуши и чеченцы выступили против них с оружием в руках²⁰⁷. Однако противостоять хорошо вооруженной и обученной армии ингушские ополченцы не смогли. Уже 11 февраля 1919 г., потерпев ряд чувствительных поражений, они вынуждены были признать верховную власть генерала А.И. Деникина.

²⁰⁷ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

В Чечне Атагинский национальный Совет (председатель – И. Чуликов) признал власть белых, однако просоветский Гойтинский трудовой народный Совет отказался наотрез. 11 апреля 1919 г., после того, как белые одержали ряд побед, по инициативе Деникина в Грозном состоялся Съезд чеченского народа, который признал верховную власть генерала Деникина, принял решение изгнать «большевиков и агитаторов, возбуждающих народ против Добровольческой армии» и сформировать конную дивизию для борьбы с большевиками. В свою очередь, Деникин гарантировал чеченцам внутреннее самоуправление²⁰⁸. Дагестанская область и вовсе была занята только в мае-июне 1919 г.

Приказом главнокомандующего ВСЮР от 23 января 1919 г. в качестве особой административно-территориальной единицы был создан Терско-Дагестанский край. В его состав были включены территории бывших Терской и Дагестанской областей Российской империи. Вся полнота гражданской и военной власти в крае передавалась главноначальствующему, назначаемому Деникиным. Им стал генерал-лейтенант В.П. Ляхов²⁰⁹. Непосредственной организацией системы управления в регионе занимался управляющий делами главноначальствующего бывший сенатор Н.Л. Петерсон, разработавший «Временные правила об управлении на Северном Кавказе». В мае, уже при новом главноначальствующем генерале от кавалерии И.Г. Эрдели этот проект был дополнен и переработан.

С одной стороны, горские земли признавались неотъемлемой частью «единой и неделимой России», с другой стороны, горцы, так же, как и терские казаки, должны были получить широкое местное самоуправление, гарантом которого выступал сам главноначальствующий. Он осуществлял высшее местное управление всеми гражданскими делами, кроме судебного ведомства, государственного контроля и государственного банка, командовал всеми войсками, расположенными на территории края. Главноначальствующий имел

²⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 116. Л. 125.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

право приостановления распоряжений Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России и начальников управлений Особого совещания, если считал «невозможным или неудобным» реализовать их в «пределах вверенного ему Края».

В законосовещательный Совет при главноначальствующем вошли помощники И.Г. Эрдели по военным и гражданским делам (ими стали генерал-лейтенант П.А. Томилов и сенатор П.П. Стремоухов соответственно), почетный представитель горских народов (7 июня 1919 г. на эту должность был избран генерал от кавалерии Д.К. Абациев, осетин по национальности) и по одному выборному уполномоченному от округов²¹⁰.

Терско-Дагестанский край (столица – Владикавказ) представлял собой административную единицу, созданную с учетом национально-территориального принципа. В его состав входили Область Войска Терского, Дагестанская область, Кабардинский, Осетинский, Ингушский и Чеченский округа, выделенный из состава Пятигорского отдела Кавказский Минераловодческий район, а также города Грозный и Владикавказ. Последние три административные единицы получали статус отдельных градоначальств, а их градоначальники по должности приравнивались к гражданским губернаторам. В Области Войска Терского вся полнота власти оказалась в руках терского казачества. «Национальные» округа, также как и Дагестанская область, несмотря на то, что формально являлись территориальными единицами в составе Терско-Дагестанского края, де-факто получали права широкой автономии.

«По мере действительной надобности» главноначальствующий созывал общенародный съезд населения Терско-Дагестанского края по норме представительства: один делегат от 20 тысяч жителей, а также выборные делегаты от городских дум. В каждом округе не менее одного раза в год проводился народный съезд (один делегат от 1500 жителей), который избирал правителя округа, его помощников по военной и гражданской части, членов его Совета и народную управу. В ведении правителя находились местное управление и

²¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6546. Оп. 1. Д. 11. Л. 191.

хозяйственные дела, также он командовал «войсками, сформированными из местных горских народов» и расположенными на территории округов. В этой связи правителем мог быть избран только офицер в звании не ниже полковника²¹¹.

В ведении народного съезда также находились «внутренне-бытовые и хозяйственно-экономические дела» населения округа, заведование имуществом округа, составление и утверждение бюджета на текущий год, вопросы народного образования, здравоохранения, продовольствия и социального обеспечения, а также избрание делегатов на общенародный съезд и в создаваемый Совет главноначальствующего. В аулах вся полнота власти принадлежала аульскому сходу и избираемым им должностным лицам – сельским старшинам и их помощникам. Что касается судебной власти, то планировалось восстановить полномочия «прежних горских словесных и народных словесных, а равно и шариатских судов»²¹².

Управление Терско-Дагестанским краем с одной стороны, напоминало систему, существовавшую в регионе до революции, когда вся полнота военной и гражданской власти находилась в руках губернаторов и начальников округов, являвшихся кадровыми офицерами армии. С другой стороны, в отличие от практики, принятой при самодержавном режиме, на все высшие должности, включая посты правителей округов, назначались исключительно местные уроженцы. Сама должность правителя создавалась впервые. Они носили должность правителей конкретного народа (самого многочисленного в данном округе), хотя власть их распространялась не только на этот народ, но и на все население, проживавшее в пределах округа. В результате некоторые народы смогли повысить свой статус, становясь «титульной нацией» в том или ином округе (кабардинцы в Нальчикском округе, осетины - во Владикавказском, ингуши – в Назрановском, чеченцы – в Грозненском, Веденском и Хасавюртовском). Полномочия правителей в законодательной и исполнительной сферах были велики, кроме того, они получили право создавать собственные

²¹¹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 31. Л. 31.

²¹² ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 31. Л. 31.

вооруженные формирования. Допускалось и судопроизводство по шариату, на чем в течение длительного времени настаивало мусульманское духовенство.

Правда, в условиях продолжавшихся боевых действий с красными, Деникин считал целесообразным временно воздержаться от проведения народных съездов в округах и своей властью назначил правителей. В Кабарде этот пост занял генерал-лейтенант князь Т.Н. Бекович-Черкасский, в Осетии – генерал-майор Б. Хабаев, в Ингушетии – генерал-майор С.Т. Мальсагов, в Чечне – генерал от артиллерии Э. Алиев, в Дагестане – генерал-майор М.М. Халилов (лакец по национальности).

Однако фактически в крае была установлена диктатура правителей и стоявших за ними офицеров, роль представительных учреждений (народных съездов и народных управ) сводилась лишь к совещательным функциям. Любое распоряжение правителя должно было утверждаться главноначальствующим краем. Долгое время власти не решались ввести выборное самоуправление в аулах. Национальная политика деникинской администрации в северокавказском регионе на протяжении 1919 – начала 1920 гг. была противоречивой. С одной стороны, белогвардейское командование демонстрировало готовность предоставить национальным меньшинствам, проживавшим на Северном Кавказе, широкое внутреннее самоуправление в их этнодемографических границах. Реализуемый план предполагал создание выборной местной администрации на всех уровнях, в которой большинство мест должны были занимать представители коренных народов края, полное невмешательство власти в вопросы религии, шариата, народного образования и культуры, а также оказание финансовой поддержки горцам, пострадавшим от Гражданской войны²¹³.

С другой стороны, деникинцы наотрез отказались признавать право наций на самоопределение и не решились на законодательном уровне декретировать автономию народов Кавказа. Правовая неурегулированность вопроса о местном самоуправлении на Кавказе, отсутствие законодательной базы, разграничивавшей предметы ведения командования ВСЮР и выборных властных институтов на местах таила угрозу потенциального конфликта между центральными и

²¹³ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 2. Л. 28 об.

региональными властями. Реального самоуправления народы Кавказа так и не получили. Кроме того, социальная база деникинцев оказалась весьма узкой. На Северном Кавказе они опирались, главным образом, на зажиточные классы (дворянство, торгово-промышленная буржуазия), которым они вернули земли и национализированные предприятия, а также офицерство, придерживавшееся патриотической ориентации, в меньшей степени на духовенство и интеллигенцию. В то же время им не удалось привлечь на свою сторону самое многочисленное сословие – крестьянство, т.к. Деникин отказался признать за крестьянами земли, которые передали им в 1918 г. большевики и начал возвращать собственность бывшим владельцам. В Терской области, помимо этого, белогвардейцы вернули все земли терским казакам, которые советская власть передала было горцам, что еще больше обострило социальную и межнациональную обстановку в крае.

Не отличалась последовательностью и политика белых по отношению к отдельным народам Кавказа. Гарантируя на словах равноправие всех этнических групп перед законом, на деле деникинская администрация ввела своего рода сегрегацию, разделив все кавказские этносы на «мирные и трудолюбивые» (к ним относились кумыки, ногайцы, осетины, кабардинцы, некоторые дагестанские народы) и «разбойные» (чеченцы, ингуши)²¹⁴. В самом привилегированном положении находились осетины, т.к. большая часть этого народа исповедовала православие. Соответственно, народы, отнесенные ко второй группе, подвергались дискриминации в быту, их интересы местными властями учитывались в последнюю очередь, что обостряло и без того сложную этнополитическую обстановку в крае, провоцируя всплеск межнациональных конфликтов, в основе которых лежали нерешенные аграрные противоречия.

Недовольство местных жителей вызывали проводившиеся белогвардейским командованием реквизиции на нужды действующей армии. Роковой ошибкой белых стало решение провести в горских округах Северного Кавказа мобилизацию населения в ряды ВСЮР. Дело в том, что и царское, и Временное, и

²¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 23. Л. 3 об.

советское правительства не посягали на право кавказских мусульман не служить в армии, поэтому введение всеобщей воинской повинности с санкции генерала А.И. Деникина стало поводом к многочисленным восстаниям.

Первое крупное восстание вспыхнуло в конце июня 1919 г. в Ингушетии. Оно было жестоко подавлено белыми, которые, однако, отстранили от должности правителя Ингушетии генерала С.С. Мальсагова, заменив его генерал-майором С.С. Бекбузаровым, по инициативе которого был сформирован Комитет по борьбе с большевиками под председательством полковника К. Гойгова, на который возлагалось ведение агитационно-пропагандистской работы в массах и руководство контрпартизанской борьбой в горах²¹⁵.

В конце июля – начале августа 1919 г. восстание охватило Веденский округ, а затем перебросилось и в Грозненский. Провал силовой акции побудил белогвардейский генералитет несколько скорректировать свою политику в Чечне. Была сделана ставка на формирование вооруженных частей из самих чеченцев, настроенных про-белогвардейски для борьбы с партизанами. Кроме того, планировалось расширить полномочия Атагинского Совета, переименованного в Чеченский национальный комитет, председатель которого И. Чуликов был назначен помощником правителя Чечни по гражданской части. 24 сентября Чуликов анонсировал создание т.н. Комитета по очищению Чечни от банд большевиков и Узун-Хаджи, в состав которого вошли представители чеченской буржуазии, купечества и части интеллигенции²¹⁶. 14 октября началось формирование т.н. Ополчения плоскостной Чечни во главе с Чуликовым, предназначавшегося для контрпартизанской борьбы.

Казалось, что белые были близки к победе, но этого не произошло. 10 ноября 1919 г. правитель Чечни генерал Алиев, недовольный тем, что так и не получил обещанных полномочий, а также понимая, что завоевать авторитет у чеченцев и прекратить войну ему не удалось, ушел в отставку. Новым правителем

²¹⁵ *Мартиросиан Г.К.* История Ингушии. Владикавказ: «Сердало», 1933. С. 263.

²¹⁶ *Абазатов М.А.* Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за советскую власть (1917 – 1920 годы). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд., 1969. С. 171.

Чечни Эрдели назначил генерал-майора Е.А. Пашковского. Назначение русского генерала правителем Чечни, безусловно, было ошибкой главноначальствующего, прямым нарушением «Временных правил об управлении на Северном Кавказе» и означало фактически ликвидацию автономии Чечни. Кроме того, новый правитель по-прежнему не желал идти ни на какие уступки горцам в аграрном вопросе и защищал неприкосновенность казачьего землевладения, а также преследовал уклоняющихся от мобилизации чеченцев и членов их семей.

Мощное восстание началось в конце августа в Нагорном Дагестане. В короткий срок оно охватило большую часть области. Под контролем правителя М.М. Халилова к концу осени оставались фактически лишь города Порт-Петровск, Дербент и Темир-Хан-Шура и узкая полоса приморья. Активизировалось партизанское движение на Ставрополье и в Черноморской губернии, где большой размах получило движение «зеленых».

Попытки белогвардейского командования найти выход из тупика успехом не увенчались. Вместо того, чтобы пойти на уступки оппозиции, деникинцы предпочли пойти на ограничение самоуправления горских народов, которое сами же декларировали несколько месяцев назад. Речь шла об ограничении власти местных администраций и передаче властных полномочий к командирам отдельных отрядов ВСЮР. Так, в Дагестане вся полнота гражданской и военной власти сосредоточилась в руках командующего Дагестанским отрядом, в Чечне – Грозненским, Ингушетии и Северном Осетии – Владикавказским. Однако эти решения уже не могли предотвратить развал белогвардейского режима на Северном Кавказе.

В начале марта 1920 г. положение белых резко ухудшилось. Красная Армия нанесла противнику ряд тяжелых поражений и начала освобождение Северного Кавказа. 9-11 марта главноначальствующий Терско-Дагестанским краем генерал И.Г. Эрдели провел во Владикавказе переговоры с лидерами горских республиканцев, по итогам которых была достигнута договоренность о признании белыми независимой Горской республики «до разрешения этого вопроса Всероссийским Учредительным Собранием». В состав республики должны были

войти «территории Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни, Кумыкской плоскости, Салатавии и Дагестана». Новообразованная республика, по замыслу белых, должна была стать «буфером между Грузией и большевиками», задержать наступление красных и позволить деникинцам выиграть время²¹⁷. Однако стремительное наступление РККА сорвало замыслы белогвардейцев.

К концу марта 1920 г. под контроль РККА перешли Ставропольская губерния, Кубанская, Терская и Дагестанская области, в конце апреля – начале мая – Черноморская губерния. Остатки деникинских войск, избежавших пленения, вместе с чиновниками белогвардейских администраций эвакуировались в Крым и Грузию. Белое движение на Северном Кавказе потерпело крах.

§3. Этнический аспект государственного строительства на Северном Кавказе. 1918 – 1920 гг.

2.3.1. Национально-государственное строительство в казачьих областях Северного Кавказа

После установления в марте 1918 г. в Кубанской и Терской областях советской власти казачество оказалось в сложном положении. Казачья элита Кубанского войска, отказавшись признать переход власти к Советам, продолжила борьбу, заключив союз с командованием Добровольческой армии и опираясь на институты казачьего управления, созданные еще в 1917 г. – Раду и краевое правительство. Им пришлось признать переход всех казачьих вооруженных сил в подчинение белогвардейскому командованию, однако Законодательная Рада, краевое правительство и Войсковой атаман продолжали исполнять свои

²¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 215. Л. 1

обязанности, «всемерно содействуя военным мероприятиям командующего Добровольческой армией»²¹⁸. Вопрос об определении правового статуса Кубани был отложен, временно белогвардейцы сняли требование официально упразднить Кубанскую республику, а кубанские политические лидеры решили не употреблять этот термин в официальных документах.

В отличие от кубанцев, терские казаки к этому времени уже не имели своих представительских и правительственных учреждений, т.к. их Войсковое правительство в обстановке острого этнополитического кризиса, охватившего Терскую область в начале 1918 г., прекратило свое существование, а оба Войсковых атамана погибли. После того, как II съезд народов Терека в марте 1918 г. признал власть российского ВЦИК и СНК, терские казаки, лишённые политического руководства, вынуждены были принять аналогичное решение. 10 апреля, состоявшийся во Владикавказе VII Войсковой Круг, заявил о том, что казаки «приветствуют областную народную Советскую власть, всецело к ней присоединяются и ее поддерживают». В свою очередь, казачество на равных правах с другими народами области допускалось на областные народные съезды, в составе областного Народного Совета была выделена специальная казачья фракция. На местах власть перешла к станичным и хуторским Советам казачьих и крестьянских депутатов, в которых были представлены на пропорциональной основе казаки и иногородние и их исполнительным комитетам, председателем которых должен был быть обязательно казак, а его товарищами – казак и иногородний²¹⁹. Попытка терского казачества, недовольного аграрной политикой большевиков, поднять летом 1918 г. восстание и противопоставить Терскому областному Народному Совету и областному СНК сформированное в Моздоке т.н. «казачье-крестьянское правительство», успехом не увенчалась: в начале декабря подразделения Красной армии разгромили мятежников.

Что касается лидеров кубанского казачества, то они получили возможность 17 августа 1918 г. возвратиться в Екатеринодар, занятый Добровольческой

²¹⁸ Филимонов А.П. Кубанцы в 1918 г. С. 513.

²¹⁹ Корнев Д.З. Революция на Тереке. С. 183.

армией. Первостепенной задачей, стоявшей перед ними, являлось налаживание мирной жизни в регионе, определение государственно-правового статуса Кубани и разграничение полномочий с командованием Добровольческой армии. 20 августа было утверждено «Положение о выборах в Чрезвычайную Кубанскую Краевую Раду». В выборах могли принимать участие мужчины, достигшие 25-летнего возраста и являвшиеся кубанскими казаками, горцами или коренными иногородними крестьянами. Депутаты Рады избирались на общих сходах населения в станицах, селах и аулах по норме представительства: один делегат от 5000 жителей²²⁰. Избирательное право получили горожане, прожившие на Кубани не менее трех лет, из них не менее одного года – в городах. Краевая Рада избирала из своего состава членов Законодательной Рады – постоянно работавшего органа законодательной власти, а также председателя правительства, который возглавлял исполнительную власть. Секретарь правительства утверждался Законодательной Радой по представлению председателя правительства из числа членов Рады или известных общественных деятелей²²¹.

Положение было пронизано духом сословной сегрегации, т.к. от выборов и, следовательно, от участия в политической жизни отстранялись иногородние, имевшие оседлость и иногородние, не имевшие оседлости. В результате большая часть иногороднего крестьянства и практически все рабочие не могли избирать и быть избранными. Существенно было ограничено и представительство горожан в кубанском парламенте. Т.к. горцы и коренные крестьяне составляли меньшинство населения края, то было очевидно, что большинство мест в Раде получают представители казачества, которые вновь, как и в июле 1917 г., стремились взять всю полноту власти в регионе в свои руки и сформировать правительство по своему усмотрению, разорвав тем самым компромисс с иногородними, достигнутый в декабре 1917 г.

Однако если иногороднее крестьянство на тот момент не представляло серьезной силы, с которой казачьим лидерам следовало бы считаться, то в ином

²²⁰ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 296. Л. 76 об.

²²¹ Там же. Д. 302. Л. 87.

положении находилось деникинское командование, не считаться с которым было нельзя. А.И. Деникин обвинял кубанцев в «самостийничестве» и подозревал в сепаратизме. Он хотел поставить под жесткий контроль и Раду, и краевое правительство. В то же время кубанцы считали политику белогвардейского руководства великодержавной и авторитарной, направленной на подавление стремления народов и регионов к переустройству своей жизни на демократических началах (словно забывая о том, что сами же установили на Кубани антидемократический режим, лишив большинство иногороднего населения права участвовать в политической жизни – С.О.).

Неоднократные попытки достичь компромисс, предпринимаемые сторонами, к успеху не приводили, из-за нежелания региональных лидеров поступиться хотя бы часть своих полномочий. Так, на заседании Чрезвычайной Кубанской Краевой Рады, начавшей свою работу 28 октября, председатель краевого правительства Л.Л. Быч выступил с идеей преобразования России в федеративную республику, во главе которой должен стоять Союзный совет из представителей правительств отдельных регионов. Каждая губерния и область получала право создавать собственные вооруженные силы, а Верховный Главнокомандующий Добровольческой армией обладал бы только военной властью и не вмешивался в гражданское управление. 11 ноября Рада приняла резолюцию, в которой было сказано, что «Россия должна быть федеративной республикой свободных народов, а Кубань – отдельной составной ее частью»²²². Это вызвало решительный протест белогвардейского командования, обвинившего делегатов в том, что они превышают пределы своей компетенции, вмешиваясь в общероссийские дела, решать которые имело право исключительно Учредительное собрание.

Несмотря на это, 5 декабря Рада одобрила «Временное положение об управлении Кубанским краем». Источником высшей власти на Кубани объявлялась воля ее граждан, носителем законодательной власти – Краевая и Законодательная Рады, исполнительной – атаман и краевое правительство.

²²² ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 6. Л. 29.

Гарантировалась независимость судебной власти. Краевая Рада избирала Войскового атамана, рассматривала и утверждала законы, вносящие изменения в основные положения об управлении краем, решала вопросы, вносимые атаманом или 2/3 членов Законодательной Рады, могла и сама определять повестку дня в ходе сессии. Созывалась Краевая Рада Войсковым атаманом или по требованию 2/3 членов Законодательной Рады, кворум составлял 2/3 депутатов, обладающих правом решающего голоса.

Законодательная Рада избиралась на три года, однако первая Рада – на один год по пропорциональной системе. 13 депутатов представляли Ейский отдел, 12 – Таманский, 11 – Лабинский, по 10 – Кавказский и Майкопский, по 8 – Баталпашинский и Екатеринодарский, 8 – горцев и 11 – горожан. Рада обладала законодательной инициативой, рассматривала и утверждала бюджет, заключала договоры о займах, объявляла о начале призыва в вооруженные силы и о сроках демобилизации, утверждала международные договоры и могла вынести вотум недоверия правительству. Рада собиралась на очередные сессии, а в перерывах между ними ее функции осуществлял Президиум, состоявший из председателя, его товарищей и секретаря.

Главой Кубанского края и одновременно Кубанского казачьего войска был провозглашен Войсковой атаман. Он избирался Краевой Радой на четыре года из числа кубанских казаков или горцев. Атаман командовал всеми вооруженными силами края, назначал председателя правительства, а также всех должностных лиц, обладал правом помилования. В двухнедельный срок атаман должен был утвердить принятые Законодательной Радой законопроекты, в случае же отклонения проект поступал в Раду для нового рассмотрения. Если 2/3 членов Рады одобряли старый вариант проекта, не внося в него никаких изменений, то он немедленно принимал силу закона. Атаман обладал законодательной инициативой, мог созывать и прерывать сессии Законодательной Рады, но не мог закрывать их окончательно по своему желанию и уж тем более не имел права роспуска Рады. Все акты и распоряжения атамана должны были скрепляться председателем правительства или отдельными членами правительства, иначе они

не обладали юридической силой. В случае внезапной смерти атамана до истечения срока его полномочий его обязанности исполнял председатель правительства, а в месячный срок должна была собраться Краева Рада для избрания нового атамана.

Всей полнотой исполнительной власти обладало краевое правительство, которое несло солидарную ответственность перед Законодательной Радой. Вотум недоверия, принятый простым большинством Рады, автоматически приводил к отставке правительства. В то же время, в случае чрезвычайной необходимости правительство могло в перерывах между сессиями Рады издавать законы, которые утверждались атаманом и впоследствии выносились на рассмотрение Законодательной Рады²²³. Чрезвычайная Кубанская Краевая Рада завершила свою работу, избрав Войскового атамана. Им вновь стал А.П. Филимонов. Правительство возглавил кадет Ф.С. Сушков, Законодательную Раду – Н.С. Рябовол²²⁴.

Новый председатель краевого правительства П. Курганский (занял пост в мае 1919 г.) с целью урегулирования отношения с иногородним крестьянством, предложил внести изменения в выборное законодательство. В частности, голосование должно было быть всеобщим, прямым, равным и тайным при условии пропорционального представительства. Для казаков, горцев и коренных крестьян предполагалось отменить ценз оседлости, для горожан установить его в два года. Что же касается иногородних, имевших оседлость и не имевших оседлости, то пассивное избирательное право они получали, прожив на Кубани два года, а активное – пять лет²²⁵. Однако предложения Курганского показались слишком радикальными правым кубанским деятелям, опасавшимся лишиться своих политических и экономических привилегий в случае допуска всего иногороднего населения к участию в политической жизни. Принятие нового избирательного закона тормозилось ими всеми силами. 19 октября Законодательная Рада обратилась с воззванием к населению, в котором было

²²³ ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 63. Л. 15-19.

²²⁴ Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918 – 1919 гг.). Харьков, 1926. С. 88.

²²⁵ Вольная Кубань. 1919. 16 мая.

сказано, что Кубань ориентируется «на единую, но демократическую Россию» и сражается против большевизма слева и монархизма справа. Россия должна была быть незамедлительно преобразована в федеративную республику, власти которой должны дать твердые гарантии неприкосновенности выборных гражданских властей в регионах и права кубанцев самостоятельно устраивать через Законодательную и Краевые Рады свои дела²²⁶.

Белогвардейское командование, нуждавшееся в казачестве как в военной силе для разгрома красных, вынуждено было терпеть подобные демарши, не имея сил для борьбы с региональной казачьей элитой. Тем временем, в умах казачьих политиков продолжала жить идея союза казачьих административно-территориальных образований, стремившихся к упрочению своей власти и понимавших, что единое казачество Юга России способно стать серьезной политической силой, с которой будут вынуждены считаться и белые, и красные, и иностранные державы. 24 мая 1918 г. между правительством Всевеликого Войска Донского и Кубанским краевым правительством, находившимся тогда «в изгнании» на территории Области Войска Донского, было заключено соглашение о совместной борьбе с большевизмом. 6 июня атаманы П.Н. Краснов и А.П. Филимонов подписали соглашение «о взаимосотрудничестве и взаимопомощи с целью заключения в дальнейшем союзного договора»²²⁷.

4 июля 1918 г. на встрече представителей казачьих войск Юга России в Новочеркасске был выработан проект образования т.н. Доно-Кавказского Союза. Планировалось, что в этот союз на началах федерации войдут самостоятельно управляющиеся государственные образования: Всевеликое Войско Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска, и Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Каждому члену союза гарантировались полная автономия во внутренних делах, право разработки и принятия законов, регулирующих местную жизнь. Во главе Союза планировалось поставить Верховный Совет, состоящий из атаманов казачьих войск и председателя Союза

²²⁶ Покровский Г. Деникинщина. С. 174.

²²⁷ Вольная Кубань. 1919. 5 сентября.

объединенных горцев, которые избирали председателя Совета. Не реже одного раза в год созывался Сейм представителей, который вырабатывал общегосударственные законы, утверждаемые Верховным Советом. Создавались общая армия и флот, командование которыми осуществлял главнокомандующий, утверждаемый Верховным Советом. Верховный Совет назначал также союзных министров: иностранных дел, военно-морского, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, почт и телеграфов, а также государственного контролера и государственного секретаря.

Временной резиденцией Верховного Совета становился Новочеркасск. На территории Союза действовали единая монетная система, тарифы, кредитные билеты и марки. Союз должен был придерживаться нейтралитета во взаимоотношениях с иностранными государствами, не принимать участия в Первой Мировой войне, сосредоточившись исключительно на борьбе с большевиками. В дальнейшем в состав Доно-Кавказского Союза планировалось включить Ставропольскую и Черноморскую губернии, Сухумский и Закатальский округа, а также Юг Воронежской и часть Саратовской губерний с городами Камышин и Царицын²²⁸. Фактически, Доно-Кавказский Союз, как и существовавший в 1917 г. Юго-Восточный Союз мыслился его создателями в виде автономной административно-территориальной единицы в составе России, создаваемой с учетом национально-этнических принципов.

Договор этот, однако, не был подписан и ратифицирован, т.к. Войско Донское ориентировалось на Германию, Союз объединенных горцев – на Турцию, что же касается лидеров кубанцев, то они предпочли связать свою судьбу с Добровольческой армией, выступавшей с проантантовских позиций. Тем не менее, идея объединения казачьих войск продолжала жить. 18-24 ноября 1918 г. Чрезвычайная Кубанская Краевая Рада высказалась за «образование Южно-Русского Союза на федеративных началах». Рада одобрила «Временные Основные Положения об управлении Южно-Русским Союзом», предполагавшие единство действий всех южнорусских правительств против большевиков и

²²⁸ Покровский Г. Деникинщина. С. 29.

урегулирование отношений между ними на путях переговоров и поиска компромиссов. Все члены предполагаемого союза пользовались полной внутренней автономией и должны были оказывать друг другу помощь против внешних и внутренних врагов. Носителем верховной власти должен был стать Союзный Совет, образованный из представителей каждого государственного объединения – членов Союза, избираемый на один год. В ведении Союзного Совета находились внешняя политика, вопросы войны и мира, военно-морское законодательство, финансы, денежная система, право взимания союзных налогов, управление стратегически важным транспортом и связью, торговлей и промышленностью, таможня и внешняя торговля, уголовное и гражданское законодательство, право помилования, предоставления гражданства и убежища иностранным подданным. Все решения принимались простым большинством голосов, кворум составлял 2/3 членов Совета. Союзный Совет избирал председателя Союзного правительства и утверждал список министров. Высшая судебная власть принадлежала Сенату, важнейшие решения и приговоры утверждались Союзным Советом²²⁹.

Южно-Русский Союз представлял бы собой федеративное государственное образование, формально находящееся в составе России, но на деле имеющее собственные вооруженные силы и проводящее независимую внутреннюю и внешнюю политику. Естественно, командование Добровольческой армии неодобрительно восприняло этот проект, отметив, что оно готово предоставить автономию казачьим областям, но вопросы о федерации могут быть решены только Всероссийским Учредительным Собранием, созванным после победы, а до тех пор верховной властью на Юге России обладал Верховный Главнокомандующий Добровольческой армией.

Помимо этого, кубанская политическая элита искала союзников и за рубежом. Их взор обращался, прежде всего, в сторону Украинской Державы и Германской империи. Уже в конце мая 1918 г. между представителями Кубанской Рады, с одной стороны, и гетманом П.П. Скоропадским и немецким посольством

²²⁹ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 21. Д. 93. Л. 10.

в Украине, с другой, начались тайные переговоры о заключении союзного договора об объединении Кубани с Украиной на началах федерации под покровительством Германии и оказании помощи казакам в борьбе с большевиками. Реализовать этот план не удалось из-за стремительного наступления Добровольческой армии, занявшей территорию Кубанской области. Тем не менее, в октябре кубанская делегация в Киеве заключила ряд договоров с Украиной: о банковских и финансовых операциях, торговле, консульских отношениях, мореплавании и т.д., в том числе и об оказании помощи оружием кубанскому казачеству. Это свидетельствовало о фактическом признании Украиной (и стоявшей за ней Германией, с которой также был заключен торговый договор) независимости Кубани, что было резко негативно воспринято генералом А.И. Деникиным, усмотревшим в этом угрозу территориальной целостности России.

Между тем, в начале 1919 г. Добровольческая армия при поддержке восставших терских казаков вытеснила красных из Терской области, что дало возможность лидерам терского казачества возродить автономию войска. В марте в Пятигорске начал работу Большой Войсковой Круг, который избрал полковника Г.А. Вдовенко Войсковым атаманом и сформировал войсковое правительство. Как и на Кубани, казачьи лидеры Терека и командование ВСЮР должно было искать компромиссы в деле организации управления краем. Белые не ставили под сомнение право терских казаков на организацию местного самоуправления согласно древним казачьим традициям и обычаям. Однако они намерены были поставить институты казачьего самоуправления в жесткие рамки и обеспечить неусыпный контроль за войсковым правительством и атаманом. Казачья элита понимала, что ее позиции гораздо слабее, нежели позиции кубанского политического руководства, главным образом потому, что терское казачество составляло лишь пятую часть населения Терской области и самостоятельно не могло на равных противостоят горцам и иногородним, нуждаясь все время в поддержке российских властей.

В то же время у атамана Вдовенко сразу же начались трения с главноначальствующими Терско-Дагестанским краем. Дело в том, что атаман полагал, что Владикавказ войдет в состав Терского войска как его столица, однако В.П. Ляхов выделил Владикавказ и Грозный в отдельные градоначальства, подчиненные только ему. Более того, район Минеральных Вод, входивший в состав Пятигорского отдела (и рассматривавшийся казаками в качестве их неотъемлемой территории), был изъят из него и преобразован в отдельную административно-территориальную единицу, управлявшуюся начальником района, получившим полномочия губернатора. Лидеры казачества с неодобрением восприняли и разработанный по приказу нового главноначальствующего генерала И.Г. Эрдели проект закона «Об управлении Терско-Дагестанским краем». Если в составе Терской области казачество составляло чуть менее 20% населения, то теперь, после объединения с Дагестаном, оно и вовсе превращалось в едва заметное национальное меньшинство, которое, конечно же, не могло претендовать на занятие ведущих мест в органах власти края.

3 мая войсковое правительство направило протест против этого проекта, заявив о том, что Область Войска Терского должна быть исключена из состава Терско-Дагестанского края и выделена в отдельную административно-территориальную единицу, управляемую войсковым правительством и Войсковым атаманом «с непосредственным подчинением... Главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России на равных основаниях с Атаманами Донским и Кубанским»²³⁰. 3 июля 1919 г. Большой Войсковой Круг принял «Временное положение об управлении Терским Войском». Высшей властью на территории Области Войска Терского была объявлена воля граждан, выражаемая на представительных собраниях. Носителем власти становился Большой Войсковой Круг, который выбирал Войскового атамана, Малый Круг и войскового контролера, утверждал областной бюджет, решал вопросы земельного размежевания и мог вносить изменения в основные

²³⁰ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 31. Л. 344-344 об.

законы. Малый Войсковой Круг, в состав которого входили по восемь представителей от каждого отдела, являлся постоянно функционирующим законодательным органом. Исполнительная власть передавалась войсковому правительству, которое также обладало и законодательной инициативой. Были определены и полномочия Войскового атамана, который обладал всей полнотой исполнительной и распорядительной власти, утверждал состав правительства и мог отправить его в отставку, мог вносить законопроекты и налагать veto на законы, принятые Малым Войсковым Кругом (для его преодоления требовалось большинство в 2/3 голов). В Положении оговаривалась автономия области, которая управлялась «на основании особых законодательных положений» и «в порядке верховного управления» подчинялась непосредственно Главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России, минуя главноначальствующего Терско-Дагестанским краем. Столицей Области Войска Терского становился Пятигорск.

На войсковой территории должны были быть созданы независимые суды, руководствующиеся в своей деятельности общероссийским законодательством до 25 октября 1917 г., законами, изданными Главкомом ВСЮР, а также местными законами, издаваемыми Войсковым Кругом²³¹. Была признана необходимость тесного сближения с Доном и Кубанью, что же касается Верховного правителя России адмирала Колчака, власть которого признал Деникин, то Круг принял решение подчиниться ему «после выяснения сущности и природы его власти»²³².

Государственное устройство терского казачества имело много схожий черт с управлением Кубанского края, однако, если в случае с Кубанской областью мы можем говорить о близости ее государственного строя парламентско-президентской форме правления, то на Тереке полномочия выборного атамана и исполнительной власти в целом были несколько шире, поэтому система власти, установившаяся в Области Войска Терского имела черты сходства с президентско-парламентскими республиками.

²³¹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 31. Л. 350-350 об.

²³² Вольная Кубань. 1919. 6 июля.

Между казачьими лидерами продолжались переговоры о заключении союза, однако среди кубанской элиты обозначались два подхода относительно его сути. Связано это было с разделением кубанского казачества на две этногеографические группы: «черноморцев» (потомков запорожских казаков, переселенных Екатериной II на Кубань) и «линейцев» (потомков донских, хоперских и волжских казаков, поселенных на Кубани Николаем I). «Черноморцы» выступали за расширение автономных прав Кубани, некоторые из них и вовсе не отказались от намерения поднять статус региона до уровня суверенной республики, при этом они предлагали не только воссоздать Юго-Восточный Союз в его прежнем составе (Донское, Кубанское, Астраханское, Терское и Уральское казачьи войска, Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, калмыки, ногайцы и туркмены), но и подписать союзные договоры с Грузинской Демократической Республикой и Украинской Народной Республикой²³³. «Линейцы», напротив, были последовательными сторонниками «единой и неделимой России», считали нужным установление более тесных взаимоотношений с командованием ВСЮР и полагали, что Кубанское правительство может быть автономно лишь в чисто местных делах.

29 мая 1919 г. состоялись переговоры представителей донского и терского казачества в Новочеркасске, в ходе которых было принято решение ускорить созыв конференции представителей казачьих областей Юга России с целью заключения государственного союза ввиду нарастания реакционных тенденций в политике Главного командования Вооруженных сил на Юге России²³⁴. 6 июня Кубанская Законодательная Рада постановила «заключить федеративный союз между южными государственными объединениями», под которыми понимались не только три казачьи области, но и Дагестан, Грузия, Армения, Азербайджан, Осетия, Кабарда, Ингушетия и Чечня. Конференцию было решено провести в Екатеринодаре не позднее 20 июля, в ней должны были принять участие

²³³ Приазовский край. 1919. 28 марта.

²³⁴ ГАРФ. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 46. Л. 4-5.

представители законодательной (по пять человек) и исполнительной (по два человека) ветвей власти названных государственных объединений.

Однако донское и терское войсковые правительства решили сначала созвать совещание представителей только казачьих войск, мотивируя это тем, что Дагестан, Кабарда, Осетия, Ингушетия и Чечня напрямую входят в состав России и Терско-Дагестанского края, а, следовательно, не являются суверенными государствами, что же касается закавказских республик, то они так и не смогли получить подтверждения своего статуса от командования ВСЮР. В свою очередь, деникинцы, понимая, что помешать открытию конференции они законными способами не смогут и не желая обострять отношения с казаками, не только дали согласие на ее проведение, но и решили направить на нее своих представителей.

Южнорусская конференция начала свою работу в Ростове-на-Дону 12 июня²³⁵, а уже на следующий день, 13 июня, был убит председатель Кубанской Рады и один из идеологов казачьего федерализма Н.С. Рябовол. Преступление так и осталось нераскрытым, однако многие подозревали в его организации Деникина, стремившегося устранить опасного конкурента и запугать оппозицию. Кроме того, вспоминали, что накануне своей смерти, Рябовол во всеуслышание заявил о том, что «Кубань не могла признать большевиков и не может признать Особое совещание, составленное из лиц, нам неизвестных»²³⁶.

В ходе заседаний обнаружились разногласия между кубанцами, занимавшими радикальные позиции и более умеренными донцами, и терцами. Последние, например, выступали против федерации, аргументируя это тем, что принцип этот «не применим к России, это – книжная, надуманная схема». В конечном итоге затянувшиеся на несколько месяцев переговоры так и не привели ни к какому конкретному результату. Разногласиями между казачьей верхушкой решил воспользоваться генерал А.И. Деникин, чтобы нанести решительный удар по «самостийникам». Для окончательного разрыва нужен был только повод, и кубанцы сами его предоставили. Дело в том, что летом 1919 г. кубанская

²³⁵ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 13. Л. 16.

²³⁶ *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Посев, 2009. С. 203.

делегация, принимавшая участие в Парижской мирной конференции, подписала договор о дружбе и сотрудничестве с Союзным Меджлисом горских народов Северного Кавказа и Дагестана – антибелогвардейской организацией, выступавшей за создание на Северном Кавказе независимой Горской республики. Хотя этот договор не был ратифицирован Радой и тем самым остался всего лишь ничего не значащей «декларацией о намерениях», Деникин, тем не менее, ухватился за него как за предлог расправы с кубанской оппозицией.

7 ноября Деникин назвал этот договор «изменой России», потребовал арестовать всех, подписавших его и предать их военному суду (т.к. в России в данное время находился лишь один член делегации – А.И. Калабухов то арестовать должны были, прежде всего, именно его – С.О.). Рада лишила полномочий свою делегацию в Париже, однако опротестовала приказ Деникина²³⁷. 11 ноября, не желая идти на обострение конфликта и надеясь на мирное урегулирование, депутаты признали договор с Меджлисом недействительным, а на следующий день атаман Филимонов телеграфировал Деникину, что краевое правительство никаких договоров не подписывало и никого на заключение таковых не уполномочивало. Вопрос же о превышении членами парижской делегации своих полномочий подлежит суждению исключительно краевого правительства, а предмет договора – Кубанской Краевой Рады. Приказ о предании делегатов, пользующихся правом дипломатической неприкосновенности, военному суду, отмечал Филимонов, является нарушением прав краевой власти, «глубоко оскорбляет правосознание кубанского народа и не может не отразиться на настроениях народа и фронта. Кубань вправе требовать срочной отмены телеграммы Вашего превосходительства ввиду несправедливых обвинений краевой власти в измене и ввиду несомненного исключительного права только Краевой власти судить своих дипломатических представителей» (подчеркнуто мной – С.О.)²³⁸.

²³⁷ Приазовский край. 1919. 13 ноября.

²³⁸ Приазовский край. 1919. 15 ноября.

Тон телеграммы возмутил Деникина и укрепил его во мнении о необходимости как можно быстрее покончить с «кубанским сепаратизмом». Кубанская область была объявлена тыловым районом Кавказской армии (командарм – генерал П.Н. Врангель), начальником которого был назначен генерал В.Л. Покровский, которому было приказано арестовать 30-40 оппозиционных лидеров. Значение местной власти этим приказом сводилось, по существу, к нулю. Узнав об этом, депутаты Рады пришли в негодование и 15 ноября потребовали немедленно отменить приказ, а 16 ноября виновник «смуты» Калабухов, выступая в Раде, заявил о неотъемлемом праве Кубани, как и других национальных государственных образований, осуществлять свой суверенитет, в том числе и на международной арене²³⁹. 18 ноября по приказу генерала Покровского Рада была блокирована вооруженными солдатами, а делегатам был предъявлен ультиматум о выдаче Калабухова. На размышление был дан один день, после чего Покровский грозился перейти к решительным действиям²⁴⁰. Депутаты пришли в смятение, с ужасом осознав, что сил для отпора деникинцам у них нет. Попытка спешно мобилизовать находившихся в Екатеринодаре и близлежащих станицах казаков на отпор Покровскому, не встретила никакой поддержки: казаки не желали вступать в конфликт между «панами и генералами».

20 ноября Калабухов и прочие оппозиционеры сдались, были осуждены и приговорены: Калабухов к смертной казни, остальные – к высылке из России в Стамбул. Ночью приговор был приведен в исполнение. 20 ноября Краевая Рада под давлением Покровского внесла изменения в Положение 5 декабря 1918 г. Система органов государственной власти на Кубани подвергалась трансформации. Законодательная Рада распускалась, а все ее полномочия передавались Краевой Раде и постоянно работавшему Президиуму. Усиливалась власть Войскового атамана, которым стал генерал-майор Н.М. Успенский, в лояльности которого командование ВСЮР не выражало сомнений. Атаман теперь

²³⁹ Приазовский край. 1919. 16 ноября.

²⁴⁰ Приазовский край. 1919. 20 ноября.

мог распустить Краевую Раду в случае несогласия с вотумом недоверия правительству, назначив через два месяца новые выборы, впрочем, если и новая Рада повторно выносила вотум недоверия, то правительство уходило в отставку. Краевое правительство, в которое вошли «линейцы» и иногородние, вновь возглавил Ф.С. Сушков. После этого Краевая Рада была распущена до 23 января 1920 г.²⁴¹

Казалось, Деникин мог праздновать победу, но торжество его было не долгим. В декабре скоропостижно скончался от тифа атаман Успенский. Белогвардейцы потерпели ряд сокрушительных поражений от РККА и отступали на Юг. Деникину временно стало не до Кубани. Этим воспользовалась оппозиция, которая 29 декабря созвала внеочередную Краевую Раду. «Ноябрьские новшества» были удалены из основных законов, в полном объеме восстанавливалось прежнее управление Кубанским краем. Законодательная Рада была воссоздана, ее председателем избран И.П. Тимошенко. Войсковым атаманом стал генерал Н.А. Букретов, правительство, в котором доминировали «черноморцы», возглавил В.Н. Иванис²⁴². «Ноябрьское действие» повторилось с точностью до наоборот: теперь уже командование ВСЮР не имело средств для того, чтобы взять ситуацию на Кубани под контроль и помешать оппозиции прийти к власти.

Между тем, войсковое правительство Терского казачьего войска было заинтересовано в поиске союзника среди народов Терского края. Наилучшим кандидатом на эту роль выступали осетины, большая часть которых исповедовала православие, а некоторые даже официально входили в казачье сословие. Кроме того, у осетин существовали давние поземельные распри с мусульманами-ингушами (и, в меньшей степени, с мусульманами-кабардинцами), что также вынуждало их искать союзника среди единоверцев. Уже весной осетинская и казачья элита стали склоняться к необходимости союза для совместного

²⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-6611. Оп. 1. Д. 4. Л. 193-193 об.

²⁴² ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 158. Л. 24.

отстаивания своих социально-экономических и политических прав, в том числе и перед белогвардейским командованием.

1 мая 1919 г. представитель Осетии Н.А. Бигаев прибыл в Пятигорск, где провел переговоры с Войсковым атаманом Вдовенко и председателем войскового правительства В.И. Абрамовым, в ходе которых попытался выяснить их мнение относительно «возможности слияния казаков и осетин». Вдовенко заверил его, что «терцы не мыслят своего будущего без Осетии» и признал желательным образование общей власти. 18 мая Бигаев выступил на заседании Малого Войскового Круга, в котором сказал, что осетины хотят «слияния с великим русским народом в лице терского казачества на началах сохранения морально-бытовых основ»²⁴³.

4 июня начались межправительственные переговоры, в ходе которых осетинская делегация предложила разделить Терско-Дагестанский край на три области: Дагестанскую (в границах Дагестанской области), Терскую (Нальчикский и Владикавказский округа, Пятигорский, Моздокский, Кизлярский и Сунженский отделы) и Сунженскую (Назрановский, Грозненский, Веденский, Хасавюртовский округа), что позволило бы окончательно разграничить земельные владения каждого народа и избежать межнациональных столкновений в будущем. В Терской области вся полнота власти должна была принадлежать Войсковому атаману, Большому и Малому Войсковым Кругам и областной земской управе, при этом казаки, осетины и кабардинцы получали бы равные права, а в будущем, возможно, образовали бы единое сословие²⁴⁴.

26 сентября осетинская делегация предложила новый проект, согласно которому каждая из договаривающихся сторон сохраняла бы «незыблемой национально-бытовую самобытность и самостоятельность в домашних своих делах». Казаки управлялись Войсковым атаманом, войсковым правительством, Большим и Малым Войсковыми Кругами, осетины и кабардинцами – своими правителями и выборными Советами. В то же время, создавалась бы общая

²⁴³ Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919. С. 192.

²⁴⁴ Там же. С. 193.

краевая палата, которая избирала бы членов законодательной палаты и президента²⁴⁵.

15-21 октября во Владикавказе состоялось расширенное совещание, в котором приняли участие представители администрации главенствующего Терско-Дагестанским краем, Терского казачьего войска и Осетии. Стороны решили создать Терский край как отдельную административную единицу, состоящую из Области Войска Терского, Кабарды и Осетии и «на равных правах образовать местные законодательные учреждения и органы управления и самоуправления». Вся полнота власти передавалась Большому и Малому Войсковым Кругам, избираемым на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Круг выбирал Войскового атамана (им становился казак) и его помощника (эту должность занимал представитель горского населения). Атаман назначал председателя правительства, который формировал правительство, ответственное перед Большим Войсковым Кругом²⁴⁶.

Подготовительные мероприятия к объединению, однако, заняли много времени. Только 29-30 декабря казачья и осетинская делегации в целом одобрили этот проект. К этому времени обстановка на Северном Кавказе обострилась. Поражения белогвардейцев привели к росту партизанского движения сторонников Советской власти. 7 декабря Вдовенко ввел режим чрезвычайного положения в Области Войска Терского, приостановил деятельность Большого и Малого Войсковых Кругов и передал всю полноту власти в руки атамана и войскового правительства²⁴⁷. В качестве законосовещательного и информационного органа при правительстве функционировал Совет из 12 депутатов Войскового Круга во главе с председателем²⁴⁸.

Ухудшением стратегического положения белогвардейцев на Юге России попыталась воспользоваться казачья элита в своих интересах. Кубанская Рада выдвинула инициативу созыва общего съезда Кругов Дона и Терека и Кубанской

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 51. Л. 1-3.

²⁴⁶ Там же. Д. 248. Л. 1-12.

²⁴⁷ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 34-35.

²⁴⁸ Там же. Л. 50-51.

Рады. 18 января 1920 г. Верховный Круг Дона, Кубани и Терека начал свою работу в Екатеринодаре. В его работе принимали участие по 50 представителей от трех казачьих областей. 22 января Верховный Круг объявил себя верховной властью для Дона, Кубани и Терека «в отношении дел, общих для данных государственных образований», при этом перечень подобных дел он утверждал сам²⁴⁹. 23 января было принято «Положение о Верховном Круге», в котором главной его задачей определялось создание Союзного государства Дона, Кубани и Терека с возможностью расширения его пределов путем включения в его состав «новых областей на основах Союзной Конституции и по свободному волеизъявлению населения тех областей», а также «создание Союзной власти... на время до создания общегосударственной власти Всероссийским Учредительным Собранием»²⁵⁰.

26 января выступая на заседании Верховного Круга, Деникин обещал предоставить казачьим войскам широкую автономию, а губерниям и областям – самоуправление, ввести представителей казачества в правительство и создать законосовещательный орган²⁵¹. Этого казачьим лидерам, однако, показалось недостаточно. Они заявили о том, что Верховный Круг берет в свои руки всю полноту власти в казачьих регионах, что грозило вылиться в серьезный конфликт с командованием ВСЮР, что, безусловно, было только на руку красным.

В итоге стороны после длительных переговоров в станице Тихорецкой сумели найти компромиссное решение, подписав 4 февраля «Положение о Южнорусской власти», согласно которому Деникин признавался Верховным правителем Юга России, а при нем создавалась Законодательная комиссия из выборных представителей казачества и лиц, назначаемых по воле Деникина. Правитель мог также распустить ее, назначив новые выборы²⁵². 5 февраля это Положение было ратифицировано Верховным Кругом²⁵³. Это соглашение оказалось недолговечным. В начале марта председатель Верховного Круга И.П.

²⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 248. Л. 17-19.

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 198. Л. 2-5.

²⁵¹ Черноморские губернские ведомости. 1920. 22 января.

²⁵² ГАРФ. Ф. Р-115. Оп. Д. 36. Л. 1-1 об.

²⁵³ Там же. Д. 34. Л. 1-1 об.

Тимошенко заявил о бесперспективности дальнейшего сотрудничества с Деникиным. 16 марта, несмотря на отсутствие кворума (отсутствовали представители Терского казачьего войска), под давлением кубанцев Верховный Круг заявил о том, что «последняя попытка... сгладить обнаруженные дефекты... не дала желательных результатов», ввиду того, что «борьба с большевизмом велась силами... слишком разнородными и объединение их носило случайный характер», поэтому принял решение «считать соглашение с генералом Деникиным в деле организации Южнорусской власти не состоявшимся», вывести из его подчинения все казачьи подразделения и «немедленно приступить к организации союзной власти на основах постановления Верховного Круга»²⁵⁴.

Впрочем, к этому времени говорить о каком-либо национально-государственном строительстве в казачьих областях было уже поздно. 17 марта РККА взяла Екатеринодар, остатки белогвардейцев отступали на Черноморское побережье или в Закубанье. Пала и терская столица Пятигорск, а вскоре ее участь разделил и Владикавказ, куда эвакуировались было Войсковой атаман Г.А. Вдовенко и правительство Области Войска Терского. Казачья государственность на Северном Кавказе, которая так и не успела юридически оформиться, рухнула.

2.3.2. Национально-государственное строительство в горских регионах Северного Кавказа

Лидеры горских национал-демократов, возглавлявшие Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, после установления в регионе советской власти весной 1918 г. отправились в эмиграцию, надеясь заручиться поддержкой иностранных держав, прежде всего, Турции и Германии. 11 мая 1918 г. лидеры горских республиканцев А.-М. Чермоев и Г. Бамматов в Батуме огласили декларацию от имени Союза объединенных горцев Северного Кавказа и

²⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-115. Оп. 2. Д. 37. Л. 1.

Дагестана, в которой говорилось, что Союз принял решение на основе Декларации прав народов России отделиться от нее и образовать независимое государство – Республику горских народов Северного Кавказа и Дагестана (в историографии известна как «Горская Республика»)²⁵⁵. Ими были определены и границы Горской республики. На Севере она проходила по линии Геленджик-Ставрополь-Святой Крест-река Кума, а на Юге по реке Ингури и Главному Кавказскому хребту²⁵⁶. Себя руководители Союза объявили правительством самопровозглашенной республики и 13 мая направили ноту российскому Совету народных комиссаров, в которой известили его о том, что Союз объединенных горцев Кавказа принял решение отделиться от России и образовать независимое государство, простирающееся от Черного моря до Каспийского²⁵⁷. Естественно, большевистское правительство не признало независимость Северного Кавказа и легитимность самого Горского правительства (существовавшего к тому же лишь на бумаге – С.О.), направив 15 мая ноту германскому послу в Москве графу В. Мирбаху. В ней говорилось о том, что «народы и племена» Черноморского побережья, Кубани, Терека и Дагестана на своих демократически организованных съездах высказались за установление советской власти и неразрывную связь с Российской Федерацией. В документе говорилось, что «против попытки небольшой кучки попирать волю широких масс своего народа, а также узурпации власти этой кучкой, Российская Советская власть будет выступать самым решительным образом»²⁵⁸.

17 мая генерал фон Лоссов официально заверил Чермоева и Бамматова, что Германия не сможет признать независимость Горской республики до тех пор, пока этого не сделает российское правительство²⁵⁹. Единственной страной, которая могла оказать хоть какую-то помощь новоявленному государственному образованию, оставалась Османская империя и, в частности, один из лидеров «младотурок» Энвер-паша, по приказу которого генерал Юсуф Иззет-Паша начал

²⁵⁵ Союз объединенных горцев. №61. С. 121.

²⁵⁶ Там же. №62. С. 122-123.

²⁵⁷ Там же. №63. С. 123.

²⁵⁸ Там же. №64. С. 124.

²⁵⁹ Там же. №66. С. 126.

создание добровольческих отрядов из этнических черкесов, проживавших в Турции с целью переброски их на Кавказ, хотя часть членов османского Совета Министров была настроена скептически относительно перспектив Горской республики²⁶⁰.

Вплоть до октября 1918 г. Горская республика представляла собой «виртуальное государство», потому что республиканское правительство не контролировало ни единой части территории Северного Кавказа и постоянно проживало в Грузии на положении эмигрантов. Лишь после начала турецкого наступления в Дагестане у Горского правительства появился реальный шанс прийти к власти. 14 октября в занятом турками Дербенте исполняющий обязанности председателя правительства Горской республики А.-М. О. Чермоев выпустил обращение к населению «О вступлении турецких войск на территорию Дагестана и о действиях населения», в котором гарантировал справедливое и равное отношение «без различия религии и национальности ко всем, кто будет с уважением относиться к праву горцев строить свое независимое существование по принципу национального самоопределения», подчеркнув, что правительство Республики Союза горцев не питает вражды ни к одному из народов, населяющих Кавказ, что же касается русского народа, то с ним намеревается установить «самые дружественные отношения», в особенности с лицами, желающими остаться на Кавказе²⁶¹.

Захват турками Дагестана позволил лидерам горских национал-демократов перебраться из Тифлиса на Северный Кавказ, где было окончательно сформировано правительство Республики Союза горцев Кавказа, определена его структура и состав. В состав правительства вошли три кумыка, кабардинец, лезгин, ингуш, азербайджанец, председателем правительства стал чеченец А.М.-О. Чермоев (с 15 декабря – кабардинец П.Т. Коцев)²⁶². По религиозной принадлежности все они были мусульманами. 24 ноября правительство Горской республики обратилось к населению Дагестана, призвав его сплотиться вокруг

²⁶⁰ Союз объединенных горцев. №. 77. С. 141-146.

²⁶¹ Дагестан. 1918. 14 октября.

²⁶² Союз объединенных горцев. №96. С. 177.

правительства и помочь ему «создать ту жизнь, о которой вы мечтаете с первых дней революции». Со своей стороны члены правительства обещали в кратчайшие сроки провести съезд народных представителей, которому будут переданы все властные полномочия и который выберет новое правительство «из лиц наиболее достойных и облеченных доверием широких слоев населения». Новые власти гарантировали справедливо решить аграрный вопрос, а также обеспечить межнациональный мир в регионе «при неперемennom условии ограждения прав меньшинства»²⁶³. Своей конечной целью Горское правительство провозгласило построение демократической республики Союза горцев Северного Кавказа, основанной на принципах федерации, государственным языком которой должен был являться русский. Заканчивалось обращение следующими словами: «Да здравствует единая семья горцев, крестьян, казаков, рабочих и интеллигенции!». Особо оговаривалось, что министерства юстиции, труда и призрения, государственного контроля Горской республики должны были возглавить представители казаков и крестьян Терского края²⁶⁴.

Что касается собственно Дагестана – единственной территории, на которую распространялась юрисдикция Горского правительства, то там была восстановлена система управления, существовавшая до Февральской революции 1917 г. Вся полнота военной и гражданской власти принадлежала назначавшемуся председателем правительства военному губернатору, на местах – окружным и участковым начальникам, в аулах – выборным старшинам. Восстановление дореволюционной системы управления (единственное отличие заключалось в том, что на все посты назначались представители горской политической элиты) объяснялось условиями Гражданской войны, шедшей на Северном Кавказе, необходимостью централизации всех сил и средств для достижения победы.

22 декабря 1918 г. премьер-министр П.Т. Коцев подписал «Временное положение о Союзном Совете и Правительстве» Горской республики, согласно которого в структуре органов власти нового государства образовывался Союзный

²⁶³ Союз объединенных горцев. №91. С. 172.

²⁶⁴ Там же. №104. С. 187.

Совет (Меджлис), в который вошли все члены и кандидаты бывшего ЦК Союза объединенных горцев, которые, однако, могли быть заменены национальными Советами по норме представительства один человек от 50000. Представители тех народов, которые по разным причинам не могли провести выборы делегатов, кооптировались самим Союзным Советом. До созыва Учредительного собрания Совет являлся законодательным органом власти Горской республики. Он также осуществлял надзор за союзным управлением, избирал председателя правительства и утверждал сформированный им кабинет, объявлял войну и заключал мир, утверждал международные договоры и займы, следил за тем, чтобы решения местных органов власти не противоречили общесоюзным интересам, ведал сбором налогов и утверждал республиканский бюджет, управлял железными дорогами и акционерными обществами, мог направлять запросы правительству²⁶⁵.

Исполнительная власть передавалась правительству, которое управляло союзными делами, следило за соблюдением конституции и постановлений Союзного Совета, обеспечивало безопасность и охрану спокойствия в государстве, представляло Союзному Совету на утверждение проекты законов и отчетные доклады, осуществляло надзор за деятельностью должностных лиц, заключало международные договоры (в том числе договоры о займах), проводило мобилизацию и вводило чрезвычайное положение с разрешения Союзного Совета. Члены правительства несли солидарную ответственность перед Союзным Советом и в случае вынесения им вотума недоверия обязаны были уйти в отставку²⁶⁶. Таким образом, по форме правления Горская республика являлась парламентской республикой, по форме государственного устройства – федерацией, основанной на национально-территориальном принципе. Примечательно, что должность президента республики не предполагалась вовсе.

20 января 1919 г. в Темир-Хан-Шуре состоялось торжественное открытие Союзного Совета Горской республики. Председателем Союзного Совета был

²⁶⁵ Союз объединенных горцев. №110. С. 193.

²⁶⁶ Там же. №105. С. 188-190.

избран известный дагестанский общественный и политический деятель кумык З. Темирханов, который в качестве залога успешного национально-государственного строительства демократической республики назвал обеспечение подлинного равноправия всех племен, входящих в состав Союза. Председатель правительства П.Т. Коцев призвал присутствующих забыть национальные распри и личные счеты во имя тесного единения Союзного Совета и правительства, заявив депутатам, что министры готовы работать под их руководством и контролем и исполнять их указания²⁶⁷.

С целью консолидации горского общества, правительство попыталось привлечь на свою сторону исламистов, возглавляемых Н. Гоцинским, который после оккупации приморского Дагестана красными и бегства Дагестанского областного исполкома вновь провозгласил себя в мае 1918 г. имамом и, укрепившись в Нагорном Дагестане, вел борьбу сначала с советской властью, а потом с Л.Ф. Бичераховым. 17 февраля 1919 г. по предложению П.Т. Коцева Н. Гоцинский стал официально членом правительства, возглавив ведомство шариатских дел (или шариатское управление) на правах министра²⁶⁸. Был создан также областной военно-шариатский суд, в который входили два представителя от мусульманского духовенства (И. Кадиев и Гебекхан Аварский) и лица, назначаемые правительством с одобрения Союзного Совета.

Следует отметить, что Союзный Совет, формально являвшийся верховным органом власти, на деле ее не получил. Всем распоряжалось правительство, а парламент был лишь ширмой. Он послушно принимал все законопроекты, разработанные правительством, спикер З. Темирханов их подписывал – на этом его деятельность и заканчивалась. Время от времени Совет выпускал агитационно-пропагандистские воззвания, но они никакой роли не играли. Исполнительная власть доминировала в политической системе республики. Кроме того, не было выполнено обещание предоставить часть мест в правительстве представителям русского населения. Все министры

²⁶⁷ Дагестан. 1919. 26 января.

²⁶⁸ ЦГА РД. Ф. Р-621. Оп. 1. Д. 22. Л. 5-6.

республиканского правительства принадлежали к горским народам Северного Кавказа и исповедовали ислам. Христианам и иудеям была предоставлена лишь культурно-национальная автономия.

Горская республика получила официальное дипломатическое признание со стороны Османской империи, а также частично признанных республик, образовавшихся в Закавказье после распада Российской империи – Грузии и Азербайджана. Де-факто в качестве суверенного государства ее признавали Германия, Австро-Венгрия и Болгария (союзники Турции в Первой мировой войне), а после ноября 1918 г. – Великобритания, войска которой по просьбе правительства П.Т. Коцева вошли в приморский Дагестан для оказания помощи республике в борьбе с большевизмом²⁶⁹. Тем не менее, получить подтверждение независимости со стороны России не удалось, потому что российские власти продолжали рассматривать Северный Кавказ в качестве неотъемлемой части Российской Федерации.

Тем временем в начале февраля 1919 г. к границам Дагестана подошла Добровольческая армия генерала Деникина. Белогвардейское командование отказывалось признавать независимость Горской республики, рассматривая Дагестан как составную часть Терско-Дагестанского края. Начались многомесячные бесплодные переговоры между Горским правительством с одной стороны, и представителями А.И. Деникина с другой. Белые соглашались предоставить Дагестану автономию, однако горской политической элите этого было мало. В свою очередь, она требовала вывода всех подразделений ВСЮР с территории Северного Кавказа, рассчитывая на помощь Великобритании. Одновременно полномочия исполнительной власти республики еще больше возросли в виду возрастания угрозы войны. 25 марта 1919 г. П.Т. Коцев соединил посты председателя правительства, министра внутренних и иностранных дел в своих руках²⁷⁰. Большинство мест в новом правительстве принадлежало выходцам из Терской области (в их составе были два ингуша, кабардинец, кумык, осетин), в

²⁶⁹ Союз объединенных горцев. №90. С. 171.

²⁷⁰ Там же. №140. С. 256.

то время как представители Дагестанской области (кумык, азербайджанец и аварец) заняли только три министерских кресла. Эти перемены должны были подчеркнуть тот факт, что Горское правительство рассматривало Терскую область как неотъемлемую часть Горской республики и в то же время привлечь симпатии народов Терека, продемонстрировав им, что их представители занимают руководящие должности в органах государственной власти независимой республики.

Однако англичане, поколебавшись некоторое время, решили, что Деникин – более ценный и надежный союзник, а потому Горское правительство должно было уйти. Полной неожиданностью для национал-демократов стал переход на сторону Деникина Н. Гоцинского. Бывший имам заявил, что сил для сопротивления Добровольческой армии нет, а потому надо признать власть белых. Не имея сил для организации отпора численно превосходящему противнику, П.Т. Коцев 18 мая 1919 г. объявил о своей отставке. Правительство возглавил генерал М.М. Халилов, лакец по национальности, сторонник компромисса с Деникиным. 20 мая он дал согласие на ввод белогвардейских войск в Дагестан и приказал всем вооруженным силам Горской республики не оказывать им сопротивления. 23 мая состоялось совместное заседание Союзного Совета (его председателем в это время был кумык Д. Апашев) и Горского правительства, посвященное обсуждению текущей ситуации. На вопрос Д. Апашева о том, допускает ли шариат при малочисленности войск войну с превосходящим противником, помощник Н. Гоцинского шейх А.-Б.-Х. Мустафаев дал категоричный ответ: «Шариат в таких случаях запрещает воевать. И нам воевать с «добровольцами» нельзя»²⁷¹. После этого Союзный Совет вынес решение о самороспуске, наделив чрезвычайными полномочиями генерала М.М. Халилова. Правительство Горской республики солидарно подало в отставку.

24 мая Халилов был назначен Деникиным на должность «правителя Дагестанской области»²⁷², а к 25 мая вся приморская территория края оказалась

²⁷¹ Союз объединенных горцев. №168. С. 290.

²⁷² Дагестан. 1919. 5 июня.

под контролем белогвардейцев. Горская республика пала без единого выстрела. Тем не менее, часть горских национал-демократов не признала установление власти белых и, эмигрировав в Грузию, 27 августа в Тбилиси организовали конференцию, посвященную событиям на Северном Кавказе. 2 сентября конференция обратилась с воззванием к «международному сообществу», в котором содержалась резкая критика Добровольческой армии, уничтожившей независимую Горскую республику²⁷³.

В резолюции по текущему моменту говорилось о том, что основной задачей горской демократии в сложившейся ситуации является «образование единого национального революционно-демократического фронта в целях воссоздания демократической республики горских народов Кавказа». В качестве «руководящего исполнительного органа» возрожденной Горской республики было решено выделить Союзный Меджлис горских народов Кавказа, который должен был стать политическим центром горского сопротивления. Возглавил его известный общественный и политический деятель умеренно социалистического толка осетин А.Т. Цаликов. 3 сентября Союзный Меджлис заявил о том, что берет на себя руководство всей политической жизнью горцев и ставит своей целью объединение всех горских народов Кавказа «под единым знаменем воссоздания Горской республики», изгнание из пределов региона Добровольческой армии и назначенных Деникиным марионеточных правителей. После победы Меджлис обещал передать трудовому крестьянству землю и созвать Великий Союзный Меджлис горских народов, который должен был принять Конституцию Горской республики и создать органы власти в центре и на местах²⁷⁴.

Однако в условиях, когда светские лидеры горской национал-демократии оказались неспособными организовать сопротивление и предпочли капитулировать перед Деникиным без боя, либо удалились в эмиграцию, во главе сопротивления белым встали представители мусульманского духовенства – шейхи, муллы, алимы. Это обусловило сам характер этого движения,

²⁷³ Союз объединенных горцев. №186. С. 327-328.

²⁷⁴ Там же. №184. С. 321-322.

проходившего под лозунгами «За ислам и шариат» против неверных «гяуров-поработителей». В конце августа 1919 г. в Дагестане и Чечне началось восстание горцев против Деникина, недовольных его социальной политикой (главным образом, отказом решить в интересах горцев земельный вопрос) и начавшейся мобилизацией в ряды ВСЮР.

17-19 октября 1919 г. на чрезвычайном совещании представителей действующих на фронтах Дагестана военных групп в ауле Левашаи было принято решение создать «общий для всего Северного Кавказа Совет Оборон», все приказы и распоряжения которого были обязательны к исполнению в Дагестанской и Терской областях. Являясь чрезвычайным временным органом власти, Совет обороны ведал делами внутреннего управления и созданием на местах органов власти, мог проводить мобилизации, реквизиции, вводить и собирать с населения налоги. При первой же возможности Совет должен был провести съезд горских народов Кавказа «для создания настоящей нормальной власти»²⁷⁵.

Во главе Совета обороны встали представители мусульманского духовенства (председатель – даргинский шейх Али-Хаджи Акушинский, его помощники - аварские шейхи Узун-Хаджи Салтинский и Ибрагим-Хаджи Кучринский), духовные лица вошли и в его состав²⁷⁶. Некоторое представительство получили и лидеры горских национал-демократов, являвшиеся также членами Союзного Меджлиса, что объяснялось стремлением различных политических сил Дагестана создать коалиционное правительство, которое пользовалось бы поддержкой всех слоев дагестанского общества. Несмотря на то, что Совет обороны заявил о намерении распространить свою юрисдикцию на всю территорию Северного Кавказа, его реальный контроль ограничивался территорией нескольких округов Дагестанской области. Совет обороны выпустил воззвание к населению, в котором заявил, что временно, вплоть «до образования общей горской власти» он является высшим органом управления Дагестана,

²⁷⁵ Союз объединенных горцев. №194. С. 338-339.

²⁷⁶ ЦГА РД. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

имеющим своей задачей установление порядка внутри страны и организацию народных сил для фронта против Деникина. Совет обороны подчеркивал, что он будет защищать ислам, свободу, независимость и земли горцев Кавказа. Вся судебная власть временно передавалась в руки военно-шариатского трибунала. В округах, освобожденные из-под власти деникинцев, Совет обороны направлял своих комиссаров и чрезвычайных уполномоченных, которым передавалась вся полнота военной и гражданской власти, а на местах, в аулах решено было создать вместо прежних аульских правлений комиссии из пяти членов и двух кандидатов (все они должны были быть старше 40 лет), которые ведали делами местного самоуправления²⁷⁷. Дипломатические представительства Совета обороны были открыты в Азербайджане, Армении и Грузии, что свидетельствовало о признании его в качестве полномочного северокавказского правительства лидерами стран Закавказья, заинтересованных в создании буфера между ними и Россией.

Совет обороны выражал намерение после победы восстановить парламентскую Горскую республику, однако это решение вызывало недовольство исламистов, которые приняли решение приступить к созданию в горах Кавказа мусульманского теократического государства. Возглавил их аварский шейх накшбандийского тариката Узун-Хаджи Салгинский. В начале августа 1919 г. по приглашению жителей аула Дышни-Ведено Узун-Хаджи занял окружной центр - крепость Ведено и выпустил воззвание, в котором призвал всех горцев Северного Кавказа подняться на газават – священную войну с оккупантами и не складывать оружие до тех пор, пока хоть один белогвардейский солдат находится в пределах Кавказа²⁷⁸.

Узун-Хаджи и его ближайшее окружение совершенно не имели опыта административного управления и даже не представляли, как работает государственная машина, но в начале сентября 1919 г. в Ведено появился некий И. Арсанукаев, по происхождению чеченец, служивший до революции приставом в Грузии, женившийся на овдовевшей грузинской княгине и присвоивший себе

²⁷⁷ Сулаев И.Х. Совет Обороны Северного Кавказа и Дагестана: неизвестные страницы истории. Махачкала: [б.и.], 2004. С. 40.

²⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 31. Л. 427-430.

титул князя Дышнинского. Это был честолюбивый авантюрист, отличавшийся огромной энергией и предприимчивостью. С собой он привез поддельный фирман (указ) турецкого султана Мухаммада VI, в котором мусульманам Северного Кавказа было предложено создать независимое государство под протекторатом Османской империи. Узун-Хаджи поверил, что Дышнинский – высокопоставленный эмиссар османского султана-халифа и 11 октября 1919 г. назначил его великим визирем, поручив сформировать правительство.

Заняв эту высокую должность, Дышнинский заявил, что восставшие мусульмане Северного Кавказа будут «добиваться шариатской монархии, ибо в стране мусульманской республики существовать не может, на том основании, что признанием республики мы бы не признали Халифа, значит, отрицали бы Пророка Мухаммада, что значит отрицание Аллаха»²⁷⁹. Верховным главой кавказских мусульман признавался турецкий султан-халиф и его наместник – эмир Северного Кавказа «Узун-Хайри-Хаджи-Хан». Эмир был одновременно светским и духовным главой мусульман и соединял в своих руках всю полноту законодательной, исполнительной, судебной и военной власти. Эмир назначал великого визиря, который формировал правительство – Совет Министров. Устройство исполнительной власти в Эмирате было практически полностью скопировано с Российской империи, исключение составляло лишь министерство вакуфных дел и имущества, ведавшее имуществом мечетей и медресе.

Законодательную власть, наряду с эмиром, должен был осуществлять парламент – Меджлис депутатов, при этом право быть избранными получили все кавказские мусульмане мужского пола, независимо от национальности. Всем мусульманам открывался доступ и к государственной службе, национальные и родовые различия в шариатском государстве не должны были приниматься во внимание. Судебная власть была передана мусульманскому духовенству, вводилось шариатское судопроизводство²⁸⁰.

²⁷⁹ Союз объединенных горцев. №193. С. 358.

²⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 9. Л. 17-18.

Эмират был разделен на губернии (Андийская, Веденская, Шатоевская, Итум-Калинская, Грозненская, 1-я и 2-я Ингушские) во главе с назначавшимися великим визирем и утверждавшимися эмиром губернаторами, те, в свою очередь, - на округа и участки во главе с окружными и участковыми начальниками. Участки состояли из нескольких сельских обществ во главе с приставами и выборными старшинами. Для борьбы с антиправительственными выступлениями в Эмирате создавался корпус жандармов, осуществлявший также контрразведывательные функции²⁸¹.

Итак, с формально-юридической точки зрения Эмират представлял собой унитарную теократическую парламентскую монархию, однако в действительности Узун-Хаджи был фактически декоративной фигурой, своего рода символом шариатской монархии, мало принимавшим участие в повседневном управлении государством. Связано это было с отсутствием у него опытов и навыков государственного строительства, а также ухудшившимся состоянием его здоровья. Реальная власть была сосредоточена в руках великого визиря Дышнинского, присвоившего себе титул «Магомед-Киямил-Хана». Он сконцентрировал в своих руках посты министра иностранных дел, морского, просвещения, вакуфных дел и имуществ, 2 ноября 1919 г. был назначен главнокомандующим вооруженными силами Эмирата, 2 декабря произведен в фельдмаршалы. Состав правительства, а также все должностные лица в центре и на местах также персонально назначались Дышнинским. Состав правительства был интернациональным: в нем было представлено по два аварца, чеченца, ингуша и кабардинца.

Меджлис, который формально считался верховным законодательным органом, на деле не получил никакой реальной власти. Вместо проведения свободных выборов великий визирь самостоятельно подобрал состав парламента, позаботившись о том, чтобы в его состав вошли необразованные крестьяне, по

²⁸¹ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 9. Л. 18.

словам современника, «люди скромные и послушные»²⁸². На протяжении всего периода существования Меджлис играл роль конституционной ширмы, единогласно принимал все вносимые визирем указы и никогда не выступал с законодательной инициативой.

Серьезной проблемой Эмирата было отсутствие квалифицированных специалистов. Так, из всех министров высшее образование имел только один (министр юстиции), еще двое (двора и продовольствия, торговли и промышленности) имели высшее духовное образование. Два министра (военный и путей сообщения, почт и телеграфов) были абсолютно неграмотны, не умели читать и писать, а остальные, по признанию самого визиря, были «в некоторой степени грамотны по-русски и по-арабски»²⁸³. Уровень грамотности служащих министерств также оставлял желать много лучшего. Некомпетентность бюрократического аппарата приводила к чрезвычайно низкому качеству работы. Большинство министерств фактически бездействовало. Связано это было также и с объективными причинами, главной из которых являлся низкий уровень развития производительных сил Эмирата. Так, на его территории отсутствовали железные и шоссейные дороги и почтовая связь, не было телефона и телеграфа, что делало существование соответствующего министерства совершенно бесполезным. Экономика Эмирата носила исключительно натуральный характер. Торгово-промышленное министерство за весь период существования открыло лишь оружейную мастерскую и две хлебопекарни в Ведено. В связи с отсутствием выхода к морям ничем не было оправдано существование морского министерства.

При этом для Эмирата было характерно существенное увеличение бюрократического аппарата по сравнению с дореволюционным временем. На относительно небольшой территории, ограничивавшейся Андийским, Веденским и частично Грозненским округами было создано семь губерний и несколько десятков округов с соответствующими административными органами.

²⁸² Гатуев Дз. «Империя» Узуна-Хаджи. С. 277.

²⁸³ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 9. Л. 19.

Хроническим явлением в Эмирате стало казнокрадство и взяточничество, торговля должностями, злоупотребления служебным положением. Уровень коррупции, по свидетельству очевидцев, увеличился по сравнению с царским периодом, а шариатские суды бездействовали, а иногда и сами занимались вымогательством денег у населения²⁸⁴. Связано это было с тем, что на высших постах зачастую оказывались авантюристы, уголовные преступники и т.д., купившие свои места у великого визиря за деньги.

Должностные лица (губернаторы, начальники округов и участков, командиры армий) часто конфликтовали друг с другом. Связано это было с отсутствием строгой регламентации полномочий каждого учреждения и границ административных образований и с желанием каждого чиновника увеличить подконтрольную ему территорию, с которой он мог бы собирать налоги. Дело иногда доходило до вооруженных столкновений²⁸⁵. Не удалось добиться и дипломатического признания со стороны зарубежных государств. Лишь Грузия установила отношения с правительством Эмирата, оказывая последнему военно-техническую помощь в борьбе с белыми.

Подобное положение дел привело к тому, что постепенно все большее количество горцев стало разочаровываться в шариатской монархии. Власти на местах констатировали, что жители «совершенно чувствуют себя свободными от власти нашего Эмирата», не принимают эмиратских денег, не исполняют повинностей, «свободно вывозят все сырье и лесной материал на грозненский рынок», прогоняют назначенных эмиром чиновников. В итоге по данным деникинской разведки, к началу ноября 1919 г. «движение Узун-Хаджи стало изживать себя. Большая часть плоскостной Чечни отвернулась от Узуна». Недовольство стало проникать даже в горную Чечню. По словам белых, главную опору Эмирата стали составлять «дезертиры – кабардинцы, ингуши, осетины, а также абреки и разного рода бандиты», «пришлый элемент» стал преобладать и в

²⁸⁴ Попов А.Н. Революционная Чечня в огне сражений. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд., 1973. С. 62.

²⁸⁵ Там же. С. 285.

рядах шариатской армии, в то время как собственно чеченцы стали расходиться по домам²⁸⁶. К началу 1920 г. Узун-Хаджи де-факто потерял контроль над горной Ингушетией и большей частью юго-западной Чечни. К началу марта 1920 г. Узун-Хаджи контролировал фактически лишь Андийский округ Дагестана и юго-восточную Чечню.

Влияние большевиков, которые также принимали участие в борьбе с деникинцами, возрастало. Это было связано как с разочарованием горских масс в белогвардейском и исламистском режимах, так и обещаниями большевиков раздать горским крестьянам землю и предоставить им возможность жить по собственным законам. Северокавказские большевики получали регулярную финансовую поддержку от ЦК РКП (б), что также способствовало укреплению их позиций среди горцев. В феврале-марте 1920 г. большевикам удалось поставить под свой контроль Совет обороны Дагестана и Северного Кавказа, оттеснив от руководства им национал-демократов и исламистов. Часть мусульманского духовенства перешла на их сторону²⁸⁷. В марте 1920 г. подразделения РККА совместно с красными партизанами начали наступление в Дагестанской и Терской областях, 16 марта 1920 г. Терская областная группа красных повстанческих войск под командованием Н.Ф. Гикало заняла Грозный. К концу марта от белогвардейцев был очищен весь Дагестан.

Эмир Узун-Хаджи столкнулся с новым соперником, гораздо более могущественным, чем деникинцы. Он отправил в Грозный на переговоры с красным командованием делегацию, которая потребовала немедленно вывести все подразделения Красной Армии с Северного Кавказа. В свою очередь, большевики заявили, что Северный Кавказ – это неотъемлемая часть Советской России, правительство Эмирата они не признают, однако готовы признать Узун-Хаджи имамом Чечни и Дагестана и сохранить за ним верховную религиозную власть на Северном Кавказе при условии признания последним Советской власти

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 32. Л. 175-177.

²⁸⁷ Эмиров Н.П. Из истории военной интервенции и гражданской войны в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. С. 181.

и роспуска подконтрольных ему вооруженных сил²⁸⁸. В противном случае XI армия красных могла открыть боевые действия против армии эмира.

Узун-Хаджи не дождался возвращения своих делегатов из Грозного, т.к. 30 марта 1920 г. скоропостижно скончался от тифа (впоследствии противники Советской власти утверждали, что эмир был отравлен большевиками). Смерть Узун-Хаджи вызвала развал созданного им государства. Новым эмиром был провозглашен великий визирь (сменивший в феврале 1920 г. отстраненного и арестованного за многочисленные злоупотребления И.А. Дышнинского) Дервиш-Мухаммад Инхоевский, однако часть министров и командующих армиями отказалась признать его полномочия. Большая часть чиновников, разграбив государственную казну, поспешила скрыться, некоторые перешли на сторону красных. Воспользовавшись возникшими неурядицами, Красная Армия начала наступление на Ведено, практически не встречая сопротивления. В начале апреля 1920 г. эмир Дервиш-Мухаммад с небольшим отрядом мюридов бежал в Дагестан. Эмират прекратил свое существование²⁸⁹.

2.3.3. Движение «зеленых» на Северном Кавказе – «третий путь» государственного строительства

Говоря о национальных движениях на Северном Кавказе, нельзя не упомянуть и о движении самого многочисленного северокавказского этноса – русских. Большая часть русского населения, принимавшая участие в событиях Гражданской войны, самоопределялась не по национальному признаку (в отличие от горцев и казаков), а по социальному и сражалась либо на стороне красных,

²⁸⁸ Гатуев Дз. «Империя» Узун-Хаджи С. 300.

²⁸⁹ Носов А.Ф. Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии (К истории народов Чечено-Ингушетии). 1917 – 1920. Воспоминания. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. издат., 1961. С. 149.

принимая участие в установлении советской власти, либо на стороне белых, участвуя в государственном строительстве «белой России». Однако была еще третья часть русского населения, которая выступала и против советской, и против белогвардейской власти. Речь идет о движении «зеленых», которые состояли по большей части из крестьян, не желавших воевать на чьей-либо стороне и уклонявшихся от мобилизации.

«Зеленое движение» получило большой размах на Ставрополье и Кубани, однако только на Черноморье была предпринята попытка создать государственность, отличную от советской и белогвардейской. Связано это было с большим количеством относительно зажиточного и грамотного крестьянства, проживавшего на территории Черноморской губернии, большим удельным весом горожан (а среди них – представителей средних слоев), крайним положением губернии, соседством с Грузией – демократической парламентской республикой, наконец, с тем, что южная часть губернии (Сочинский округ) в течение полугода (с июля 1918 г. по февраль 1919 г.) находилась под властью Грузии.

Летом-осенью 1919 г. на территории губернии разворачивается партизанская война против белых, возвращавших земли помещикам, проводивших реквизиции и мобилизации. С целью создания единого политического центра, координирующего деятельность всех отрядов сопротивления и выработки политической и социально-экономической программы руководители восстания решили созвать губернский крестьянский съезд. Т.к. в самом Черноморье сделать это было невозможно, то выбор остановился на соседней Грузии, власти которой, заинтересованные в ослаблении ВСЮР и создании буферных государственных образований на границе, дали свое согласие на его проведение в Гаграх.

«Крестьянско-рабочий съезд» начал свою работу 1 декабря 1919 г. В нем принимали участие представители Сочинского округа, нескольких волостей Туапсинского и трех сел Новороссийского. Собравшиеся приняли решение вступить в борьбу с реакцией «как самостоятельная третья сила – сила

демократическая» и заявили, что не сложат оружия до полной победы демократии. «Мы отвергаем всякую диктатуру меньшинства над большинством, - говорилось в принятой резолюции, - от кого бы эта диктатура не исходила и какими бы конечными лозунгами она ни прикрывалась. Мы противопоставляем ей диктатуру демократии, т.е. всего народа». Ближайшей целью борьбы черноморских повстанцев было объявлено создание Черноморской республики «с установлением федеративной связи с другими демократическими государственными образованиями, для совместной с ними борьбы против реакции», а конечной – образование Российской Федеративной Республики, мыслимой как «свободный союз свободных народов», в которой вся власть будет принадлежать народу и выборным его представителям, а также будет проводиться социально ориентированная политика. Для непосредственного руководства борьбой был избран Комитет освобождения Черноморской губернии (председатель - эсер, бывший член Учредительного собрания В.Н. Самарин-Филипповский), который должен был осуществлять всю полноту власти на территории Черноморья по мере освобождения региона от деникинцев «впредь до созыва чрезвычайного съезда», а также вступить в переговоры с Кубанской Радой на предмет образования Кубано-Черноморской народной республики²⁹⁰.

Крестьянское восстание на Черноморье проходило под ярко выраженными эсеровскими лозунгами. Именно эсеры возглавили политический и военный органы борьбы с белыми, именно они разрабатывали политическую тактику и стратегию. Приоритет деревни перед городом, крестьянский солидаризм и коллективизм, стремление к построению демократической «народной республики» - все это свидетельствовало о том, что эсеровское видение развития политической ситуации оказалось близким по духу «зеленым», которые являлись в массе своей крестьянами.

К середине февраля 1920 г. под контроль восставших перешла вся территория Сочинского округа. 22 февраля в Сочи открылся чрезвычайный

²⁹⁰ Государственный архив города Сочи (ГАГС). Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 85. Л. 76.

окружной крестьянско-рабочий съезд, в котором принимало участие 133 делегата, из них 109 входили в крестьянскую фракцию, 13 – в рабочую и 11 – во фракцию фронтовиков. В декларации по текущему моменту, принятой собравшимися, говорилось о том, что трудовое население желает полного внутреннего самоуправления и установления у себя власти крестьян и рабочих: «мы не ставим целями своей дальнейшей борьбы завоевание чужих территорий и не стремимся подобно Добровольческой армии подчинить себе другие народы. Мы желаем мира со всеми трудящимися соседних областей и стран. Мы ведем беспощадную борьбу с реакцией во имя прекращения Гражданской войны». Делегаты подчеркнули, что не вынашивают никаких сепаратистских намерений и считают Сочинский округ «составной частью трудовой России как свободной Федеративной Республики». Они приняли решение переизбрать Комитет освобождения Черноморской губернии и вручить ему всю полноту власти в Черноморье «впредь до созыва очередного крестьянско-рабочего съезда». После освобождения 2/3 территории губернии Комитет освобождения должен был созвать общегубернский съезд, который должен сформировать постоянные органы власти. КОЧГ было предложено установить дружеские и добрососедские отношения «со всеми соседними народами и демократическими государственными образованиями, а также и теми иностранными государственными образованиями, которые не будут вмешиваться в наши внутренние дела»²⁹¹.

В резолюции по вопросу об организации власти было объявлено о том, что власть находится в руках крестьян и рабочих, которые при всяких выборах во все органы власти имеют равное представительство. Было принято решение образовать учетно-трудовую комиссию из трех человек (по одному представителю от крестьян, рабочих и КОЧГ), присвоив ей «права высшего органа по определению трудовых избирателей», чтобы не допустить проникновения в среду избирателей нетрудовых, эксплуататорских элементов,

²⁹¹ Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии. 1920. 26 февраля.

которые лишались права голоса и не могли занимать какие-либо выборные посты²⁹².

На местах всей полнотой власти обладал сельский сход, который избирал районный Совет (по норме представительства: один депутат от 50 человек), который, в свою очередь, выделял из своей среды постоянно работающий орган – районный исполнительный комитет (3-5 членов). В городах создавались городские Советы (право участвовать в прямых, равных и тайных выборах получили только «трудовые элементы») и городские исполкомы (3-5 членов). Однако временно, до стабилизации обстановки, было решено отложить выборы городских Советов и передать всю власть в городах временным городским комиссиям, назначаемым Комитетом освобождения по согласованию с представителями рабочих. Кроме того, сельский сход избирал также сельского комиссара, являвшегося высшим должностным лицом села, районный Совет – районного комиссара, а окружной крестьянско-рабочий съезд – окружного комиссара, подчинявшегося по должности начальнику отдела внутренних дел КОЧГ²⁹³. Были демократизированы и судебные органы, которые также становились выборными на всех уровнях.

Итак, на Черноморье была установлена политическая система, которая существенным образом отличалась от военной диктатуры генерала А.И. Деникина, и имела определенное сходство с советской (сосредоточение власти в руках выборных Советов, отсутствие всеобщего избирательного права), однако ее отличие состояло в принципиальном неприятии однопартийной системы (эсеры, доминировавшие в органах управления, не стремились к установлению своей диктатуры), расширению круга лиц, имевших избирательное право, нахождением у власти коалиции социалистических партий, большими полномочиями Советов по сравнению с Центральной Россией. Что касается будущей Черноморской Народной Республики, то лидеры восставших не успели завершить работу над

²⁹² Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии. 1920. 27 февраля.

²⁹³ Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии. 1920. 26 февраля.

определением принципов ее государственного устройства. По всей видимости, она мыслилась ими как унитарное государство с развитым местным самоуправлением, однако сказать что-либо определенное о форме правления (планировалось ли сохранить советскую систему или заменить ее иной) не представляется возможным. Очевидно только, что эта республика должна была в будущем стать автономным субъектом демократической Российской Федерации.

Уже в апреле 1920 г. территория, контролируемая повстанцами, была занята белогвардейскими войсками генерала А.Г. Шкуро, который приступил к реставрации дореволюционных порядков. В частности, он распустил все сельские и районные Советы и исполкомы, упразднил городские Советы, а 19 апреля передал всю полноту гражданской власти в Сочи цензовой городской думе, приказав населению исполнять все ее постановления и распоряжения. В начале мая вся территория Черноморской губернии перешла под контроль РККА. Комитет освобождения Черноморской губернии приветствовал победу красных, т.к. В.Н. Самарин-Филипповский был уверен, что большевики передадут ему власть и выведут подразделения РККА с территории губернии. В середине мая КОЧГ вернулся в Сочи, однако вскоре большинство его членов во главе с председателем были арестованы сотрудниками ВЧК и впоследствии репрессированы²⁹⁴. Некоторым удалось эмигрировать в Грузию, где они получили убежище. На территории Черноморской губернии установилась советская власть.

Выводы ко второй главе. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1918 – 1920 гг. проходило в условиях Гражданской войны, что наложило свой отпечаток на процессы государственного строительства в крае. Частая смена власти в регионах и их отдельных частях, отрезанность от центра, неудовлетворительное состояние инфраструктуры – все это способствовало падению влияния центральных властей на происходившие в крае процессы, вело к усилению регионалистских и сепаратистских тенденций, возрастанию влияния

²⁹⁴ Воронович Н.В. Меж двух огней (записки зеленого). Сочи: Русское географическое о-во, Сочинское отд-ние, 2013. С. 183.

местной политической элиты, стремившейся упрочить свое положение и добиться большей автономии от вышестоящих властей. Наибольшую активность в создании собственных государственных образований, как и в 1917 г., проявляли горская и казачья политические элиты.

В 1918 г. на территории Северного Кавказа на протяжении нескольких месяцев вся полнота власти принадлежала Советам, руководство которых признавало российские ВЦИК и СНК в качестве верховной власти, однако система управления имела в этом регионе ряд особенностей по сравнению с Центральной Россией. Так, вопреки Конституции 1918 г., в Терской области было введено всеобщее, прямое избирательное право, что позволило демократическим путем сформировать органы власти на местах и в центре в виде Народных Советов. На Кубани, в Ставрополье и Дагестане избирательное право также было более демократично, нежели во внутренних губерниях России. Объяснялось это немногочисленностью местных большевистских организаций, узостью их социальной базы в регионе. Эти обстоятельства вынуждали большевиков отказаться от попыток немедленно утвердить свою единоличную власть и пойти на заключение союза с левосоциалистическими партиями – левыми эсерами, эсерами-максималистами, меньшевиками-интернационалистами, а также постараться привлечь на свою сторону горских национальных социалистов и левых демократов. Поэтому советские правительства всех северокавказских регионов носили коалиционный характер.

Только зимой 1918-1919 гг., сочтя свое положение достаточно прочным, большевики предприняли попытку привести форму правления в регионах Северного Кавказа в соответствие с положениями Конституции РСФСР, т.е. установить в крае «диктатуру пролетариата», понимаемую в виде обеспечения монополии на власть РКП (б), однако им не хватило времени.

С целью решения конкретных задач укрепления советской власти и организации эффективной борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией, обеспечения выполнения продовольственной диктатуры в крае, большевики пошли на создание в ряде регионов Кавказа советских республик (Черноморской,

Кубано-Черноморской), которые создавались с учетом административно-территориального принципа (в границах старых регионов), а не национально-этнического. Следует отметить, что их правовой статус не был официально закреплён центральной властью, не произошло и разграничения предметов ведения между ними, тем не менее, советские республики были де-факто признаны Центром. В начале июля 1918 г. они объединились в Северо-Кавказскую Советскую республику, которая, однако, оказалась не в состоянии решить возложенных на нее задач, а потому была в декабре 1918 г. большевиками упразднена.

В отличие от сторонников советской власти, белогвардейцы исходили из принципа «непредрешенчества», полагая, что решение о государственном устройстве России в целом и Северного Кавказа в частности вправе принять только Учредительное Собрание, которое предполагалось созвать после победы в войне и стабилизации социально-политической обстановки в стране, однако, заняв территорию Северного Кавказа в 1918 – начале 1919 гг. вынуждены были приступить к государственному строительству на территории края. Их положение облегчалось тем, что высшие органы управления «белого Юга» находились на территории Северного Кавказа (в Екатеринодаре, потом в Новороссийске), поэтому у них было больше возможностей для обеспечения эффективного контроля над данной территорией. В результате в регионе был установлен режим военной диктатуры, отличавшийся (и в этом заключалась его схожесть с дореволюционной системой управления) централизацией, бюрократизацией, милитаризацией, ограничением прав местного самоуправления. В то же время режим управления в казачьих и горских регионах Северного Кавказа имел свою специфику. Стремясь не допустить перехода национальных меньшинств в лагерь красных, А.И. Деникин должен был де-факто согласиться с существованием казачьей и горской автономии на довольно широких началах. Более того, он фактически впервые создал на Северном Кавказе национальные автономные государственные образования, возглавляемые собственными правителями и имевшие вооруженные силы.

В то же время, в казачьем и горском национальных движениях белые видели угрозу сепаратизма, ведущего к распаду «единой и неделимой России», а поэтому А.И. Деникин и назначавшиеся им высшие чиновники пытались ограничить горскую и казачью автономии, что приводило к перманентным конфликтам между представителями деникинской администрации и местной политической элитой, подрывавшими стабильность положения в их тылу.

В свою очередь, лидеры казачества выдвигали идеи создания автономных казачьих государственных образований, ратовали за расширение казачьего самоуправления. На Кубани была реализована модель парламентско-президентской республики, а на Тереке – президентско-парламентской. Следует отметить, что казаки не выдвигали сепаратистских идей и не рассматривали саму идею выхода Кубани или Терека из состава России, но, если терские казаки готовы были удовлетвориться признанием со стороны российских властей автономного статуса Области Войска Терского, то кубанцы высказывались за преобразование России в федерацию (или даже конфедерацию) и усиление полномочий региональных казачьих органов власти, включая право заключения международных договоров и создания собственных вооруженных сил.

В то же время назвать государственное устройство казачьих регионов демократическим нельзя. Большая часть иногороднего населения была лишена право голоса и отстранена от участия в политической жизни. Казачья элита стремилась сконцентрировать все рычаги управления в своих руках, не допуская к власти представителей других этнических и сословных групп. Со своей стороны южнорусское казачество предпринимало попытки возродить Юго-Восточный Союз на федеративных началах, видя в единении всех казачьих войск залог успеха национально-государственного строительства. Однако реализовать эту идею так и не удалось.

В отличие от казаков, лидеры горского национального движения ставили своей целью завоевание независимости Северного Кавказа и стремились выйти из состава России с целью строительства суверенной государственности. В ходе

Гражданской войны горские национал-демократы (представители светской интеллигенции, отчасти – дворянства и буржуазии) отстаивали идею создания парламентской, федеративной Горской республики. В отличие от них, северокавказские исламисты поддерживали проект строительства исламской теократической унитарной монархии, живущей по законам шариата – Эмирата, который формально являлся парламентской монархией, но фактически полномочия выборного законодательного органа были сведены к минимуму.

Горской политической элите не удалось заручиться поддержкой широких масс населения. Предложения национал-демократов о создании светской государственности по образцу демократических парламентских республик Европы (Франция, Швейцария) не могли найти понимание в традиционном горском крестьянском обществе. Исламисты также не смогли предложить горцам привлекательной программы. Их фанатизм и непримиримость отталкивали даже многих верующих мусульман. В конечном итоге шариатисты оказались в изоляции, большая часть горцев оказалась не готова поддержать их радикальный проект.

Что касается попытки сторонников т.н. «третьего пути» (в основном, русскоязычных умеренных социалистов) создать демократическую государственность (в виде Черноморской народной республики, которая должна была стать плацдармом для освобождения России от белых и красных и создания в будущем Российской Федеративной Демократической республики) в противовес советской и белогвардейской моделям государственности, то, не имея достаточных сил и средств, а также времени, необходимого для организации вооруженных сил и государственного строительства, демократы, оказавшись между красным «молотом» и белой «наковальной», были сравнительно легко разгромлены.

Глава 3

Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1920-1921 гг.

В октябре 1919 г. в Гражданской войне на Юге наступил перелом. Становилось очевидным, что разгром белых на Северном Кавказе – вопрос времени. 31 декабря 1919 г. вопрос о советском строительстве на Северном Кавказе был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК РКП (б). Было принято решение о том, что Революционные Военные Советы армий, принимающих участие в освобождении Северного Кавказа, должны были на местах организовать революционные комитеты, которым и передать им всю полноту гражданской власти. Во главе «вертикали власти» в регионе должен был стоять Кавказский революционный комитет²⁹⁵, в ведении которого находились Северный Кавказ и Закавказье.

В начале февраля 1920 г. при РВС Кавказского фронта было создано Бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе (председатель – грузин Г.К. Орджоникидзе, члены – русский С.М. Киров, грузины А.М. Стопани и П.Г. Мдивани, азербайджанец Н.Н. Нариманов, лакец С. Габиев). К Бюро переходила вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти на всей территории Северного Кавказа. Оно также занималось выработкой принципов советского строительства на местах: в губерниях/областях, округах/отделах/уездах, волостях и селах. В горских аулах допускалось создание временных шариатских судов из числа мусульманского духовенства, лояльно относившегося к Советской власти.

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 4. Д. 9. Л. 56.

Проведением работы среди казачества должен был заниматься политический отдел, на который возлагались задачи установления тесной связи трудового казачества с местным населением, горцами и иногородними, организации представительства казачьего населения в революционных комитетах, выделение казачьих секций и отделов в структуре местных ревкомов²⁹⁶. Горский отдел должен был вести организационную и информационную работу среди горского населения края, издавать на русском и местных языках газеты, журналы, выпускать брошюры и листовки, а также курировать создание национальных отделов и секций при местных органах власти.

К концу марта Северный Кавказ (за исключением центральной и южной части Черноморской губернии) перешел под контроль РККА. 31 марта РВС Кавказского фронта создал Северо-Кавказский революционный комитет, разместившийся в Пятигорске, который был провозглашен носителем верховной власти в регионе. Возглавлял его Г.К. Орджоникидзе, его товарищами стали С.М. Киров и Я.В. Полуян, членами – П.Г. Мдивани, А.М. Стопани, Н.Н. Нариманов и С. Габиев²⁹⁷. 8 апреля по решению ЦК РКП (б) организуется Кавказское бюро ЦК РКП (б) – высший партийный орган на территории Юго-Востока России и Закавказья. Председателем его был назначен Г.К. Орджоникидзе, соединивший таким образом в своих руках высшую партийную и государственную власть на Северном Кавказе, его товарищем – С.М. Киров. Перед Кавказским бюро были поставлены задачи утверждения и укрепления в крае советской власти, создания и укрепления партийных организаций в регионе, установления и сохранения национального мира, разрешения земельного вопроса, сохранения боеспособности Красной армии и подавления политического бандитизма, экономического объединения всех кавказских регионов, оказания всесторонней помощи революционному движению на Востоке²⁹⁸.

²⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 84. Д. 36. Л. 41.

²⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 10. Д. 13. Л. 14.

²⁹⁸ Узнародов М.Т. Кавказское бюро ЦК РКП(б) – организатор упрочения Советской власти на Юго-Востоке России (1920 – март 1921 г.) // Кабардино-Балкарский государственный университет. Ученые записки. Вып. 32. Серия историко-филологическая. Нальчик, 1966. С. 20.

В апреле 1920 г. Кавказский фронт был реорганизован в Трудовую армию Северного Кавказа («Кавказская армия труда»). 15 апреля РВС Кавказской армии труда был провозглашен высшим краевым органом советской власти на Северном Кавказе. Российский Совнарком поручил ему «общее руководство работами по восстановлению и укреплению нормальной административно-хозяйственной жизни и административных органов Юго-Востока»²⁹⁹. 22 июня Совнарком приказал распустить Северо-Кавказский ревком, а «общее руководство советским строительством и экономической стороной возложить на Трудовую Армию Северного Кавказа» в лице ее Реввоенсовета, включив в сферу его деятельности также Дагестанскую область, которая в то время традиционно считалась частью Закавказья, а не Северного Кавказа³⁰⁰. 26 июня председатель Северо-Кавказского РК Г.К. Орджоникидзе издал приказ о передаче всех властных полномочий в регионе Революционному Военному совету Кавказской армии труда (председатель – И.Т. Смилга, затем – А.Г. Белобородов). В свою очередь, ЦК РКП (б) возложил на Г.К. Орджоникидзе руководство «всей военной политикой на Кавказе»³⁰¹, включая борьбу с контрреволюционными повстанческими отрядами и проведение, в случае надобности, военных операций в странах Закавказья и Закаспия.

17 августа Совет труда и обороны официально передал всю полноту власти на Северном Кавказе Реввоенсовету Кавказской трудовой армии Юго-Востока России в составе председателя (им стал А.М. Стопани), двух представителей Кавказского фронта, уполномоченных ВСНХ, Народного комиссариата по делам национальностей, Наркомата путей сообщения, Наркомата труда, ВЦСПС, а также упраздняемого Северо-Кавказского революционного комитета, всего – 10 человек³⁰². Новый орган власти включил в свой состав управления Северо-

²⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 95. Д. 263. Л. 66.

³⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.

³⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 18. Д. 21. Л. 1.

³⁰² Узнародов М.Т. Кавказское бюро ЦК РКП(б) – организатор упрочения Советской власти на Юго-Востоке России (1920 – март 1921 г.). С. 25.

Кавказского ревкома со всеми его отделами и управлением Совета уполномоченных Совнаркома РСФСР.

Итак, большевистское руководство приняло решение ввести на всей территории Северного Кавказа систему чрезвычайного управления, создав жесткую властную вертикаль и передав всю полноту власти не избираемым, а назначаемым революционным комитетам, в состав которых входили командиры Красной Армии, члены партии большевиков и их сторонники. Местное население обязано было беспрекословно выполнять все распоряжения ревкомов, которые, в свою очередь, не несли перед гражданами никакой ответственности.

С чем это было связано? Прежде всего, с сохранявшейся внутренней нестабильностью. Отступившие в Крым белогвардейцы не отказались от борьбы и поддерживали антисоветское сопротивление на Северном Кавказе. Не желавшие признавать власть большевиков лидеры казаков и горцев формировали партизанские отряды, которые развернули активную борьбу с советской властью, находя поддержку со стороны закавказских стран, прежде всего, Грузии. Значительная часть северокавказского общества, по признанию самих большевиков, была настроена либо враждебно, либо нейтрально к советской власти, а поэтому, в случае проведения выборов в Советы, победу на них могли одержать оппозиционные силы. Перед революционными комитетами была поставлена задача силового подавления контрреволюции, осуществления всех мероприятий центральных властей, а также привлечения на свою сторону возможно большего количества местных жителей в качестве необходимого подготовительного условия для проведения советизации в регионе.

Следует отметить, что процесс советского государственного строительства в Ставропольском и Кубано-Черноморском регионах в большей степени проходил в соответствии с образцами, которые были приняты в Центральной России, в то же время он приобрел определенную специфику в Терской и Дагестанской областях. Причина заключалась в национальном и конфессиональном составе населения указанных выше субрегионов Северного Кавказа: в Ставропольской и

Черноморской губерниях и Кубанской области преобладало русскоязычное православное население, в то время, как на Тереке и в Дагестане был высок удельный процент горцев-мусульман, отношение к которым со стороны центральных властей носили дифференцированный характер.

§1. Национально-государственное строительство в Ставропольской губернии и Кубано-Черноморской области

Заняв в феврале – апреле 1920 г. территорию Ставропольской и Черноморской губерний и Кубанской области, большевики приступили к созданию там революционных комитетов, в состав которых входили командиры и политработники Красной Армии и видные партийные деятели местного происхождения (при этом юрисдикция Кубанского ревкома была распространена и на территорию Черноморской губернии, поэтому он был переименован в Кубано-Черноморский областной революционный комитет). Их главная задача заключалась в восстановлении местной экономической и общественной жизни и оказании всемерной поддержки Красной армии. Кроме того, они должны были заниматься укреплением советской власти на местах, организацией и объединением пролетариата, деревенской бедноты, среднего крестьянства и казачества вокруг революционных комитетов, бороться с эксплуататорскими и паразитическими элементами, проводить в жизнь все постановления высших органов советской власти, обеспечивать охрану революционного порядка, бороться с контрреволюционными выступлениями и уголовными преступлениями, содействовать развитию и поднятию сельского и лесного хозяйства, заведовать народным образованием и здравоохранением, принимать

все меры к устранению межнациональной вражды и поддержанию межэтнического мира, назначать и выдавать пособия, а также оказывать посильную помощь семьям красноармейцев и беднейшему местному населению, осуществлять мероприятия по мобилизации и борьбе с дезертирством, содействовать выполнению плана продразверстки, бороться со спекуляцией и незаконной торговлей. В их ведении находился также местный бюджет.

Одновременно распускались действовавшие при белогвардейцах выборные органы местного самоуправления – городские думы и земства, ликвидировалась прежняя система управления в уездах, округах и отделах, повсеместно замененная назначавшимися ревкомаами. К 3 апреля 1920 г. во всех волостях Ставропольской губернии были созданы революционные комитеты³⁰³. В то же время в некоторых селах стали стихийно возникать Советы крестьянских депутатов, избираемые крестьянами на сельских сходах. Например, в Ставропольском уезде в начале апреля функционировал 21 волостной ревком и 4 сельских Совета. Особенно много Советов появилось на территории Александровского уезда, который был освобожден местными партизанами еще до прихода Красной армии³⁰⁴. Эти Советы по указанию губернского ревкома были распущены. Аналогичный процесс проходил и на Кубани, где были лишены власти отдельские, станичные и хуторские атаманы, а соответствующие правления распущены и заменены ревкомаами.

Центральные власти не видели необходимости в изменении государственно-правового статуса этих регионов. Местные же власти, в отличие от военного 1918 г., не обладали теперь столь широкими возможностями для маневрирования, степень их зависимости от Центра была выше, чем два года назад, поэтому они также не пытались самостоятельно поднять статус своих территорий до республиканского уровня. В то же время, они должны были уделять внимание проведению национальной политики на вверенной им территории. В

³⁰³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.

³⁰⁴ ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

Ставропольской губернии на территории компактного проживания кочевников было создано два национальных района: Ачикулакский и Туркменский. 21 января 1921 г. при Ставропольском губернском революционном комитете был организован отдел национальных меньшинств³⁰⁵, в состав которого входили представители проживавших на Ставрополье этнических групп и на который была возложена задача организации советского строительства в регионах, населенных этническими меньшинствами, привлечения их на сторону советской власти.

В Кубано-Черноморской области особое значение приобретала работа среди казачества и горцев. При отделе управления областного ревкома 15 сентября 1920 г. была создана казачья секция, в обязанности которой входили проведение политической работы среди казачества, содействие осуществлению мероприятий советской власти на Кубани, учет политработников-казаков, находящихся в действующих частях Красной Армии, которых можно было бы направить на работу в областные учреждения, а также борьба с бандитизмом. Казачий отдел ВЦИК, в свою очередь, указывал на необходимость введения в обязательном порядке представителей казачества в создаваемые революционные комитеты, выделения специальных казачьих секций и отделов, укрепления взаимоотношений между иногородними и казаками, предписывал вести среди казачества регулярную и планомерную партийную работу с целью привлечения его на сторону советской власти³⁰⁶. В нее включили несколько членов Кубанской Рады, изъявивших готовность сотрудничать с большевиками (М.П. Пилюк, П.А. Савицкий, Л.З. Федоренко). На работников секции была возложена задача организации агитационно-пропагандистской работы среди казачества с целью склонения его на сторону советской власти.

Кубано-Черноморский областной РК принял также постановление об организации общего Горского революционного комитета на правах подотдела

³⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1287. Л. 3.

³⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 84. Д. 26. Л. 41.

отдельского ревкома, «которому возлагается от имени Советской власти энергично защищать интересы трудовых горцев в полном согласии с основными законами Советской власти». Горский ревком должен был вести среди мусульманского населения активную пропаганду и агитацию в пользу новой власти, убеждая их, что «только Советская власть даст... возможность устроить свою жизнь на лучших началах»³⁰⁷.

8 апреля в структуре отдела управления Кубано-Черноморского ревкома была создана мусульманская секция, председателем которой был назначен К. Мишуриев, его товарищем – И. Алиев, которые по происхождению были казанскими татарами. Перед секцией были поставлены задачи ведения агитации среди трудящихся мусульман, поднятия их образовательного и культурного уровня, развития системы образования и здравоохранения в местах их компактного проживания, а также организации шариатского суда в горских аулах. Штат работников секции составлял 22 человека (адыгейцы, лезгины, азербайджанцы и др.). 9 апреля при Баталпашинском отдельском ревкоме был создан Горский революционный комитет, который возглавил техник А. Кочкаров, а его товарищем стал учитель А. Калмыков (оба карачаевцы). Ревком должен был, действуя от имени советской власти, «энергично обслуживать и защищать интересы трудовых горцев в полном согласии с основными законами Советской власти»³⁰⁸.

Очень скоро представители горского населения области поставили вопрос о создании национальных органов управления, которые впоследствии должны были стать основой формирования национальных советских автономий. 27-30 апреля 1920 г. на съезде горцев Баталпашинского отдела делегаты-карачаевцы выступили с предложением о создании отдельного карачаевского ревкома³⁰⁹. 16 июня съезд представителей аулов Екатеринодарского отдела в ауле Лакшукай высказался за создание временной горской секции при областном революционном комитете,

³⁰⁷ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 153. Л. 115.

³⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 31. Л. 1.

³⁰⁹ Там же. Л. 2.

которая должна была заведовать всеми горскими делами, в том числе осуществлять управленческие функции. После долгих обсуждений и согласований такая секция была создана 29 июля. Возглавил ее известный политический и общественный деятель Н.А. Лакоба, абхаз по национальности, его товарищами стали адыгейцы А. Чамоков, И. Цей и Д. Гутекулов.

11 августа 1920 г. в ауле Хакуринохабль начал свою работу I съезд трудовых горцев Кубани и Черноморья, в котором принимали участие 84 делегата, представлявшие все горские народы края (адыгейцев, карачаевцев, шапсугов, абазин и т.д.). Собравшиеся приняли резолюцию, призывавшую всех трудовых горцев активно поддерживать советскую власть, принимать все меры для ее укрепления, в том числе участвовать в решительной борьбе «с бело-зелеными бандами и местной контрреволюцией». 15 августа была избрана Горская секция – постоянно действующий властный орган, в юрисдикции которого находились все кубанские и черноморские горцы. Задачами секции являлись укрепление советской власти на местах и проведение в жизнь идей Коммунистической партии. Что же касается дел «семейного и религиозного характера», то их было решено передать в ведение горско-шариатского суда.

Эффективность работы ревкомов в крае находилась на низком уровне, что признавалось самими большевиками. Специальная комиссия из Москвы, посетившая в апреле 1920 г. Ставропольскую губернию, отмечала неудовлетворительный ход работы местных органов власти: «Аппарат их настолько слаб, что надеяться на его работоспособность нельзя. Революционные комитеты как единицы власти не оформились. Нет системы и плана работ. Работают скопом то в одной области, то в другой». Компетенция отделов и комиссий не была четко разграничена. Сказывалось отсутствие квалифицированных работников и просто грамотных лиц. Была отмечена забюрократизированность всех властных институтов на Ставрополье, указано, что «чрезмерное, не вызванное действительной необходимостью, развитие канцелярской переписки» приводит к росту непроизводительных расходов

народных средств. Общая работа Ставропольского губернского революционного комитета была оценена на три балла, уездные ревкомы получили два балла, а волостные - полтора³¹⁰.

Ревкомы столкнулись с целым рядом проблем, главными из которых являлись отсутствие материально-технических и финансовых средств, квалифицированных управленческих кадров и регламентации деятельности государственных органов в силу значительной оторванности Кубано-Черноморского региона от Центральной России. В начале мая Кубано-Черноморский комитет РКП (б), рассмотрев вопрос о состоянии штатов отдельных ревкомов, признал, что укомплектованы они не полностью, а многие служащие не обладают необходимой квалификацией и образованием для занятия ответственных должностей, в связи с чем было принято решение направить на их усиление опытных партийных работников из Екатеринодара и из рядов действующей армии. В то же время, учитывая тот факт, что коммунисты составляли абсолютное меньшинство населения региона, в середине мая Кубано-Черноморский ревком указал на необходимость включения в состав каждого революционного комитета минимум по одному беспартийному рабочему, крестьянину или казаку³¹¹. 30 сентября 1920 г. товарищ председателя Екатеринодарского отдельского ревкома отмечал, что, «хотя большинство революционных комитетов в области вполне организованы и работают гладко, в некоторых пунктах все же работа ревкомов еще не наладилась и протекает неудовлетворительно». Отчасти это было связано с частой сменой руководства ревкомов, так, в некоторых из них председатели менялись до трех раз в неделю³¹².

Несмотря на это, российский Совет народных комиссаров уже в мае 1920 г. принял решение о переходе в Ставропольской губернии и Кубано-Черноморье от ревкомов к выборным Советам, посчитав обстановку достаточно благоприятной для этого. Естественно, организация и проведение избирательной кампании,

³¹⁰ ГАСК. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 101. Л. 31.

³¹¹ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 163. Л. 267.

³¹² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 26. Д. 1. Л. 2.

включавшей в себя митинги, лекции, издание брошюр и листовок находились под пристальным контролем большевиков³¹³. Выборы проводились по нормам и правилам, установленным Конституцией РСФСР 1918 г., т.е. были не всеобщими и не равными. 12 августа 1920 г. приступил к работе избранный Ставропольский Совет рабочих депутатов, включавший в свой состав 133 человека, из которых 123 входили в партию большевиков, один являлся меньшевиком, а девять – беспартийными. На первом же заседании Совет, прежде решения других дел, принял резолюцию об исключении отныне и навеки из своего состава всех членов меньшевистской и эсеровской фракций «и всех лиц, тем или другим образом связанных с упомянутыми контрреволюционными группами»³¹⁴. 15-20 июля 1920 г. состоялись выборы в Екатеринодарский городской Совет рабочих и красноармейских депутатов, в которых было запрещено участвовать лицам, прибегавшим к наемному труду, частным торговцам, служителям культа и участникам борьбы против советской власти, т.е. фактически всем оппозиционно настроенным гражданам, что заранее предопределило исход этих выборов в пользу большевиков³¹⁵.

20-26 мая 1920 г. Кубано-Черноморский ревком инициировал I областной съезд трудящихся, в котором приняли участие 414 рабочих и крестьян, 365 казаков и 62 горца. Съезд принял решение 15-20 июня провести повсеместно выборы в сельские Советы, а в июле – в отдельские, однако в связи с угрозой вторжения белогвардейцев из Крыма на Кубань и активизации повстанческой борьбы решено было перенести их на более поздние сроки. 20 октября Кавказское бюро ЦК РКП (б) издало директиву о замене в Кубано-Черноморской области всех революционных комитетов Советами. 31 октября – 1 ноября I Кубано-Черноморская областная конференция РКП (б) приняла резолюцию «О советском строительстве», в которой указывались причины необходимости замены

³¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 551. Л. 1.

³¹⁴ Власть Советов. 1920. 12 августа.

³¹⁵ Бугай Н.Ф., Джимов Б.М. От ревкомов к Советам на Кубани. Майкоп: Краснодар. кн. изд-во. Адыг. отделение, 1989. С. 196.

чрезвычайных органов власти выборными³¹⁶. 11 ноября пленум обкома РКП (б) утвердил порядок выборов в Советы и наметил их сроки.

В декабре состоялись отдельные съезды Советов, избравшие отдельные Советы и исполкомы, которые взяли власть из рук ревкомов. Всего в исполкомах Советов всех уровней большевики получили 55% всех мест, что было непропорционально много, особенно если учесть тот факт, что в то время в Кубано-Черноморье насчитывалось всего 13874 коммуниста и 20325 кандидатов в члены партии, объединенных в 821 ячейку³¹⁷. В январе 1921 г. прошел I областной съезд Советов Кубано-Черноморья в Краснодаре³¹⁸, который вручил всю полноту власти на территории региона Кубано-Черноморскому областному исполнительному комитету, в состав которого вошло 36 членов и 15 кандидатов. Председателем нового органа власти был утвержден глава областного ревкома Я.В. Полуян.

В это же время проходили выборы в Советы и на территории Ставрополя. 30 марта 1921 г. начал работу IV Ставропольский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 188 человек состояли в РКП (б), а 87 были беспартийными. По социальной принадлежности на съезде было представлено 110 крестьян, 106 рабочих и 68 интеллигентов, при этом 114 делегатов занимали различные посты в губернских советских учреждениях. Состав делегатов съезда не отражал истинного положения вещей в регионе. Коммунисты, которых в то время насчитывалось всего около 2500 членов и 4000 кандидатов, доминировали на съезде. Крестьянство, составлявшее почти 90% населения губернии, имело меньше делегатов, чем рабочие и интеллигенция вместе взятые. Вне всякого сомнения, процент представительства от рабочих и служащих был искусственно завышен. 3 апреля было принято решение об упразднении губернского ревкома и передаче всей полноты власти Ставропольскому губернскому исполнительному комитету, в состав которого

³¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 168. Л. 19-32.

³¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 1287. Л. 7.

³¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 28. Д. 326. Л. 409.

вошли 25 человек, из них 4 рабочих, 6 крестьян и 15 интеллигентов (председатель – коммунист Ф.С. Лизарев)³¹⁹.

Между тем, в Кубано-Черноморской области продолжалась активизация горского национального движения, выступавшего под автономистскими лозунгами. 22 января 1921 г. Президиум Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета предложил отделу управления создать горские районы на правах волости в Майкопском, Баталпашинском и Краснодарском отделах, подчинив их местным отдельским исполкомам³²⁰. Речь фактически шла о создании горской национальной автономии, начале национально-государственного строительства на горских землях. 26 января было принято решение провести 1 марта областной съезд трудящихся горцев с участием всех аульских председателей исполкомов по норме представительства: один делегат от 300 человек или же один делегат от аула с числом жителей менее 300³²¹.

II областной съезд трудовых горцев Кубани и Черноморья начал свою работу 2 марта 1921 г. По вопросу о политическом будущем горцев возникли серьезные разногласия. Часть делегатов выступала за создание независимой Горской республики, дружественной Советской России, другие настаивали на выделении адыгов в автономную область, подчиняемую центральным властям, третьи указывали на несвоевременность этого в условиях отсутствия квалифицированных кадров у горских народов. В результате большинством голосов была принята резолюция, указывавшая, что в «данный момент нет условий для создания областной Черкесской автономии». Делегаты пришли к выводу о целесообразности преобразования горской секции в Горский исполнительный комитет «для управления горским населением», с подчинением его Кубано-Черноморскому облисполкому и Народному комиссариату по делам национальностей, а также приняли постановление о создании отдельских горских исполкомов. В избранный 8 марта Президиум Горского исполнительного

³¹⁹ ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 3. Л. 151.

³²⁰ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 28. Д. 325. Л. 109.

³²¹ Там же. Л. 111.

комитета вошли С. Сиюхов (председатель Президиума, с 30 мая его сменил Д. Гутекулов), Д. Гутекулов и Н. Цей. Кроме того, было принято решение проводить областные съезды горцев Кубани и Черноморья не реже, чем раз в полгода³²².

В циркулярном письме от 13 июня местным исполкомам Кубано-Черноморский областной исполком постановил с 1 июля перевести все аульские исполнительные комитеты Краснодарского и Майкопского отделов и Туапсинского округа в подчинение Горскому исполкому. Власть его стала распространяться на 33 аула Краснодарского отдела, 12 аулов Майкопского отдела и 10 аулов Туапсинского округа, но, как говорилось в докладе исполкома, отдельские власти продолжали вмешиваться в его работу, в частности, создавали ревкомы, распускали Советы, без всякого согласования с ним назначали людей на административные должности, что «вредно отражалось на его работе», приводя к двоевластию и смешению функций³²³.

Тем не менее, к 1921 г. кубанские горцы, а также кочевники Ставропольской губернии де-факто получили национально-территориальную автономию в местах своего компактного проживания. Это был шаг на пути создания автономных государственных образований национальных меньшинств. В отличие от них, кубанское казачество никакой автономии не имело, более того, лишилось практически всех прав, которые они смогли приобрести после Февральской революции (включая право создавать собственные законодательные и исполнительные органы власти). Их представительство в высших органах власти региона ограничивалось казачьей секцией. Что же касается русского населения (преимущественно крестьянского), то за ним большевиками не признавалось право на национальное самоопределение, поэтому управлялось оно на таких же основаниях, что и русское население центральных российских губерний.

³²² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.

³²³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 28. Д. 325. Л. 221.

§2. Национально-государственное строительство на Тереке и в Дагестане в 1920 – 1921 гг.

Заняв в марте 1920 г. Терскую и Дагестанскую области, красные первоначально не предполагали изменять их правовой статус или проводить какие-либо административные преобразования. Система управления, установленная в этих регионах, оказалась идентичной той, которую большевики внедрили на территории всего северокавказского региона. Вся полнота власти переходила к революционным комитетам, которые подчинялись Северо-Кавказскому ревкому. Терский областной революционный комитет возглавил грузин В.М. Квиркелия³²⁴, Дагестанский – кумык Д.А. Коркмасов³²⁵, в их состав вошли представители горцев, казаков и иногородних. На местах – в отделах/округах, участках и селах также были образованы ревкомы, наделенные чрезвычайными полномочиями.

Дискуссию вызвал вопрос о принципах создания новой судебной системы, т.к. часть мусульманского населения, начиная с 1917 г. под влиянием агитации исламистов, отстаивала лозунг шариатских судов. 13 июня 1920 г. на совещании председателей отдельных, окружных и городских ревкомов Терской области во Владикавказе была принята компромиссная резолюция о том, что «шариатские суды введены в жизнь как мера временная и педагогическая» и будут немедленно распущены, «как только население убедится на опыте во всей несостоятельности этих судов»³²⁶. Делегаты I съезда окружных, городских и участковых ревкомов Дагестана, проходившего 8-15 июня в Темир-Хан Шуре, пришли к выводу, что «основные положения шариата совпадают с принципами строительства

³²⁴ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 22. Д. 6. Л. 1.

³²⁵ ЦГА РД. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 15. Л. 2.

³²⁶ ЦГА РСО-А. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 7. Л. 48-51.

Советской власти», поэтому по желанию трудящихся мусульман их дела, уголовные или гражданские, могут рассматриваться в шариатских судах, при условии, что в составе этих судов не будет контрреволюционеров³²⁷. Уже 10 июня заведующий отделом юстиции Дагестанского РК А. Тахо-Годи издал приказ, предписывающий образовать в каждом сельском обществе шариатский суд, в округах – окружные народно-шариатские суды, в городах – городские народно-шариатские суды³²⁸. Для немусульман (и тех мусульман, которые не желали прибегать к шариатскому судопроизводству) существовали народные суды, руководствовавшиеся нормами советского права.

Революционные комитеты Терека и Дагестана на протяжении своей деятельности сталкивались с теми же проблемами, которые были характерны для органов управления всего региона в тот период. Самой острой проблемой была нехватка квалифицированных специалистов. Это было связано с тем, что многие члены партии погибли в ходе Гражданской войны, а значительная часть партийных активистов была неграмотна или малограмотна и не имела опыта государственного управления. В итоге функции государственных учреждений не были разграничены, а отдельные лица совмещали несколько постов. Такая ситуация, естественно, препятствовала организации эффективной работы ревкомов. На местах дела обстояли еще хуже. Аварский окружной РК писал в докладе, что во главе участковых и сельских ревкомов пришлось поставить людей в большинстве своем малоопытных и незнакомых с советским строительством, ибо других не было. Кайтаго-Табасаранский окрревком докладывал, что «члены и председатели незнакомы с советской работой, нет сотрудников, нет инструкций и указаний на местных языках». Кюринский окружной ревком отмечал, что «дела в отделах пошли не особенно далеко. Организационная работа стала за неимением должного состава инструкторов, отсутствием дельных, опытных специалистов-заведующих»³²⁹.

³²⁷ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. №37. С. 87.

³²⁸ Там же. №44. С. 97

³²⁹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. №18. С. 42.

Несмотря на это, уже в начале мая 1920 г. было принято решение приступить к советизации Терской области. 21 июня Терский областной ревком назначил Терский областной съезд Советов на 1 августа 1920 г. Выборы аульских, сельских, городских, окружных и отдельных Советов должны были быть начаты 5 июля и закончены не позже 25 июля³³⁰. В начале июля в регионе началась предвыборная кампания, в которой активное участие принимала РКП (б), использовавшая всю мощь «административного ресурса» для достижения победы. В то же время оппозиция была лишена возможности выступить открыто, подвергалась преследованиям и репрессиям. 4 июля областная избирательная комиссия обратилась к населению, убеждая его выдвигать в Советы «испытанных товарищей, бойцов-пролетариев, через которые навсегда будет закреплено право голодного на человеческого существование в мире». Трудящихся призывали посылать в Советы только опытных борцов рабоче-крестьянской революции, понимая под ними, в первую очередь, большевиков³³¹. Председатель областного РК В.М. Квиркелия напоминал жителям области, что «аппарат советской власти – это аппарат трудящихся, и ни одному отпрыску буржуазии, ни одному кулаку, спекулянту и офицеру места нет в этих Советах». Выборы в Советы, указывал он, - это один из этапов борьбы за социальную справедливость и равенство всех людей, а поэтому в новые органы власти должны быть избраны только рабочие, крестьяне-бедняки и выразители «их чаяний, их авангардный передовой отряд» - коммунисты, принявшие на себя «всю тяжесть мировой схватки за освобождение трудящихся, а с ними и всего человечества»³³².

К выборам допускались все граждане обоего пола, достигшие ко дню выборов 18-ти лет, живущие своим трудом и не пользующиеся наемным, а также инвалиды, рабочие, потерявшие трудоспособность и не эксплуатирующие с целью наживы чужой труд. Избирательных прав были лишены все лица,

³³⁰ Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 г, - август 1920 г.): Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Кобахидзе. Сухуми: «Алашара», 1971. №371. С. 373.

³³¹ Коммунист. 1920. 4 июля.

³³² Коммунист. 1920. 4 июля.

эксплуатирующие труд наемных работников, капиталисты и кулаки, ростовщики, «все, получающие доходы с домов, предприятий и другого имущества», лавочники, спекулянты, «всякие барышники», монахи и служители культов, охранники, бывшие полицейские и жандармы, воры, мошенники и лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы³³³. Т.о., избирательная кампания носила очень тенденциозный характер и была направлена на создание наиболее благоприятных условий для одной партии – РКП (б). Оппозиция к выборам не допускалась и всячески дискредитировалась. Отдельные категории граждан, настроенные потенциально оппозиционно, также были лишены избирательного права. На население оказывалась мощное информационное воздействие, проводилась ежедневная «идеологическая обработка», направленная на формирование выгодного властям настроения. Весь государственный аппарата Терской области работал на победу коммунистов всеми имеющимися в его распоряжении средствами. В результате исход голосования (особенно в городах) был предрешен заранее.

4 августа 1920 г. во Владикавказе приступил к работе I съезд Советов Терской области, в котором принимали участие 213 делегатов (из них 146, т.е. больше половины, принадлежали к партии большевиков). Высшая правительственная власть на территории области была вручена Терскому областному исполнительному комитету, которому поручалось вести широкую культурно-просветительскую работу в народных массах, активную борьбу с межнациональными трениями и пережитками самодержавно-буржуазного строя, остатками белогвардейских сил, не сложивших оружия, привлекать широкие массы трудящихся к участию в советском строительстве, налаживанию экономической и культурной жизни.

9 августа на первом заседании областного исполкома был избран его Президиум в количестве 24 членов и 7 кандидатов. Возглавил его грузин В.М.

³³³ Коммунист. 1920. 15 июля.

Квиркелия, его товарищами стали Н.Ф. Гикало и В.И. Элердов³³⁴. 25 августа областной исполком выпустил приказ за подписью Квиркелия и заведующего внутренним управлением Элердова, согласно которому на всей территории края революционные комитеты упразднялись и передавали все свои права, полномочия и обязанности избранным Советам и их исполнительным комитетам³³⁵. Следует отметить, что большая часть членов Терского облревкома вошла в ОИК, возглавила его отделы и заняла прочие руководящие должности. Это оказалось возможным потому, что лидеры терских большевиков прочно держали в своих руках основные рычаги управления областью и, подобрав послушный состав делегатов съезда, легитимировали свою власть.

В отличие от Терской области, в Дагестане Северо-Кавказский ревком предписал областным ревкомам не форсировать переход к Советам и в каждом случае о своевременности перехода докладывать в Пятигорск для санкции³³⁶. Свое решение он мотивировал слабостью местных партийных организаций и засоренностью их «буржуазно-националистическими элементами, чуждыми советской власти», в результате чего значительная часть крестьянства «оставалась под влиянием мусульманского духовенства и богачей» и могла отдать им свои голоса на выборах. Более того, ввиду того, что зажиточное крестьянство преобладало в большей части низовых ревкомов, на I съезде сельской бедноты и сельских ревкомов Дагестана 25 июня – 2 июля 1920 г. было принято решение в качестве контрольной организации при революционных комитетах создать рабоче-крестьянские комитеты бедноты, куда должны были войти «исключительно честные бедняки, принимавшие участие в борьбе с Деникиным». Комбеды должны были информировать вышестоящие органы власти о «всех незаконных действиях ревкомов и отдельных должностных лиц»³³⁷. На деле же именно комбедам, формируемым по жесткому классовому признаку, отходила

³³⁴ Коммунист. 1920. 10 августа.

³³⁵ Листок приказов Терского областного исполнительного комитета. 1920. 22 сентября.

³³⁶ Образование Дагестанской АССР (1920-1921 гг.). Сборник документов и материалов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. №16. С. 37

³³⁷ Борьба за установление и упрочение советской власти в Дагестане. №483. С. 427-428.

реальная власть. Комбеды должны были опираться на «рабоче-крестьянскую милицию», формируемую из безусловно преданных новой власти фронтовиков. На нее возлагалась роль прямого подавления возможного сопротивления «эксплуататорских элементов».

Между тем, несмотря на окончившиеся неудачей попытки горских национал-демократов создать Горскую республику – демократическое, светское государство, объединяющее все горские народы Северного Кавказа, идея общекавказского единства продолжала жить. Многие кавказские коммунисты также разделяли ее, полагая, что объединившись в одно национально-государственное образование, горцы получат возможность успешно развивать свою экономику, культуру, науку, искусство. Провозглашение Горской (но уже «советской») республики имело бы и политический смысл. Дело в том, что антибольшевистская оппозиция обвиняла коммунистов в подавлении горского национального движения, насаждении дореволюционных великодержавных порядков, игнорировании национального вопроса. Действительно, автономии горцы так и не получили. Округа Терской области, большинство населения в которых составляли коренные народы Северного Кавказа (в Нальчикском – кабардинцы и балкарцы, во Владикавказском – осетины, в Назрановском – ингуши, в Грозненском и Веденском – чеченцы), являлись просто территориальными административными единицами, включенными в Терскую область ровно на таких же правах, на каких в состав губерний Центральной России входили в уезды. Все это давало противникам Советской власти повод для обвинений в нарушении изданной же большевиками еще в 1917 г. «Декларации прав народов России». Создание горской национальной республики на Северном Кавказе (пусть и находящейся в составе России) позволило бы опровергнуть эти обвинения и показать, что советская власть действительно заинтересована в создании национальной государственности тех народов, которые ее до этого не имели.

В то же время среди руководящих северокавказских партийных и государственных работников не было единства мнений по этому вопросу. Некоторые из них видели в настойчивых требованиях автономии проявления буржуазного национализма, опасались усиления этнократических тенденций во внутренней политике государственных властей вновь объявленной республики. Затруднения вызывал и тот факт, что на Северном Кавказе среди множества этносов не представлялось возможным выделить «титულную нацию», кроме того, многие народы жили бок о бок друг с другом, что приводило к чересполосице земельных и пастбищных угодий.

18 августа 1920 г. на объединенном заседании Дагестанского областного революционного комитета и Дагестанского обкома РКП (б) Г.К. Орджоникидзе, подчеркнув, что Дагестан является «неотделимой частью Советской России», сказал, что партия большевиков добивается для него автономии³³⁸. В сентябре 1920 г. во Владикавказе состоялось совещание Терского областного исполкома с представителями окружных исполнительных комитетов и парткомов РКП (б). Оно было организовано Г.К. Орджоникидзе для выяснения мнения относительно возможности создания горской автономии. Большинство собравшихся высказалось против этой идеи, отметив ее несвоевременность, подчеркнув, что «провозглашение горской автономии откроет двери для контрреволюции, для противников Советского строя»³³⁹. Однако 27 октября пленум Кавказского бюро ЦК РКП (б) счел своевременным образование «Горской и Дагестанской горских Советских республик типа Башкирской Советской республики», т.е. в качестве автономных государственных образований в составе РСФСР, образованных по национально-этническому принципу. С.М. Кирову было поручено составить проект Конституции Горской Советской Республики, а председателю Терского областного исполнительного комитета В.М. Квиркелия – созвать 15 ноября во

³³⁸ ЦГА РД. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 19. Л. 7-8.

³³⁹ Коммунист. 1920. 26 декабря.

Владикавказе съезд народов Терской области³⁴⁰. На 10 ноября был намечен съезд народов Дагестанской области.

27-29 октября в столице Терской области Владикавказе состоялось краевое совещание большевистских организаций Дона и Кавказа, которое отметило, что «утверждение всех принципов советского строительства среди горцев станет возможным при том неременном условии, когда широкие горские массы вполне сроднятся с советскими формами общежития и станут активно участвовать в советском строительстве». Достигнуть этого можно было лишь путем «непосредственного вовлечения горского населения в общее советское русло», а одним из наиболее верных способов к этому совещание сочло организацию «горских автономных республик на тех основаниях, кои установлены для окраинных автономных республик, входящих в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику». С этой целью было решено провести съезд всех горских народов Терека по норме представительства: один делегат от 5000 жителей³⁴¹.

Однако часть членов Дагестанского ревкома (бывшие национальные социалисты) вновь выдвинула лозунг создания независимой Дагестанской ССР. Но другая часть (в основном, русские) выступила против автономии, отмечая, что Дагестан еще «не созрел» для нее, что «буржуазный национализм» еще не изжит. Они опасались того, что Дагестан может превратиться в республику, управляемую только представителями горских народов, а русскоязычные граждане будут в таком случае вытеснены с политической арены. Кроме того, создание автономии в условиях начавшегося исламистского мятежа (он вспыхнул в конце августа 1920 г. под руководством бывшего имама Н. Гоцинского и вскоре охватил весь Нагорный Дагестан) представлялось им крайне непродуманным шагом. 9 ноября на пленуме бюро обкома антиавтономисты, «принимая во внимание политическую ситуацию и отсутствие как партийных, так и советских

³⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 203. Л. 3.

³⁴¹ Коммунист. 1920. 30 октября.

работников, вышедших из недр Дагестана», провели резолюцию о «несвоевременности автономии Дагестана», т.к. в сложившихся условиях это была бы «уступка контрреволюции». Было также отмечено, что «нельзя ставить интересы Дагестана выше интересов революции»³⁴².

Тем не менее, В.И. Ленин считал необходимым по политическим причинам поддержать автономистов. В связи с этим 13 ноября Дагестанский обком одобрил решение о предоставлении Дагестану внутреннего самоуправления. В тот же день на Чрезвычайном съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре И.В. Сталин зачитал «Декларацию об автономии Дагестана». Согласно этому документу Дагестан становился автономной республикой в составе РСФСР, приобретая внутреннее самоуправление. Жители Дагестана получали право на своих съездах Советов избирать ЦИК – орган законодательной власти в промежутках между съездами. ЦИК формировал местный СНК – правительство республики. В Декларации нашел отражение статус ислама как религии подавляющего большинства населения края. В частности, отмечалось, что «Советское правительство считает шариат таким же правомочным обычным правом, какое имеется и у других народов», т.е. допускался суд по шариату. В то же время четко оговаривалось, что Дагестан должен сохранить «братскую связь с народами России». Сама автономия фактически представлялась как «милость», оказанная Москвой горцам. «Высокое доверие», оказанное им Советским правительством, горцы, по словам Сталина, должны были оправдать, изгнав Гоцинского³⁴³. Г.К. Орджоникидзе добавил: «Это не будет предательская горская республика, это будет социалистическая республика!»³⁴⁴ Кроме того, временно вся власть по-прежнему оставалась у Дагестанского ревкома.

17 ноября во Владикавказе открылся съезд народов Терской области, созванный, по словам В.М. Квиркелия, с целью «выяснить, в какие формы следует вылить взаимоотношения разноплеменных народностей Терека и те условия, при которых каждый народ смог бы развить свою культуру,

³⁴² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 12. Д. 11. Л. 1.

³⁴³ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. №516. С. 454.

³⁴⁴ Там же. С. 455.

самодеятельность и экономику»³⁴⁵. Народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин отметил, что власть в новой республике будет принадлежать национальным Советам и исполкомам, которые будут принимать решения «с учетом быта и особенностей» терских народов. Носителем верховной власти станет съезд Советов Горской республики, который изберет ЦИК и СНК. Сталин подчеркнул, что предоставляя горцам автономию, «Россия тем самым возвращает вам те вольности, которые украли у вас кровопийцы-цари и угнетатели – царские генералы». Он также указал на то, что внутренняя жизнь Горской республики «должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев, конечно, в рамках общей Конституции России. Во всех органах управления, - продолжал нарком, - будут стоять ваши люди, знающие ваш язык, ваш быт. В этом смысл автономии. Автономия должна вас научить ходить на своих собственных ногах – в этом цель автономии»³⁴⁶.

Горская и Дагестанская автономные республики создавались не по национально-этническому принципу (т.к. с учетом многонационального состава населения опора на этот принцип представлялась невозможным), а по административно-территориальному, в границах Терской и Дагестанской областей. Отличие заключалось в том, что полнота власти в новых республиках должна была принадлежать большинству населения, а им являлись горцы.

В конце октября 1920 г. Кавказское бюро ЦК РКП (б) и СНК решили включить территорию проживания карачаевцев в состав создаваемой Горской республики. Съезд карачаевского народа в Учкулане 11-19 ноября 1920 г. одобрил это решение высших государственных и партийных органов, высказался за образование отдельного Карачаевского округа Горской республики как формы национальной автономии карачаевского народа и избрал Карачаевский окружной революционный комитет, которому передал всю власть на территории Карачая. Возглавил его У.Д. Алиев, который был также избран секретарем Карачаевского

³⁴⁵ Жизнь национальностей. 1920. 8 декабря.

³⁴⁶ Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М.: Правда, 1947. С. 401-406.

оргбюро РКП (б) и совместил в своих руках высшую государственную и партийную власть в регионе³⁴⁷.

25 ноября чрезвычайный съезд трудящегося населения Дигорского района (населенного в основном осетинами-мусульманами) Владикавказского округа признал «необходимым и желательным выделение Дигорского района в отдельную административную единицу Терской области на правах округа»³⁴⁸. Временно вся полнота власти в Дигории была вручена революционному комитету (председатель - Д. Елбаев). Кавказское бюро и Народный комиссариат по делам национальностей поддержали это решение дигорцев, поэтому в марте 1921 г. I съезд Советов Дигорского округа официально провозгласил его создание и избрал окружной исполнительный комитет в количестве 20 человек, разместившийся в селе Христиановском, а также окружное партийное бюро РКП (б), которое расположилось в селе Магометанском³⁴⁹.

12 февраля 1921 г. был сформирован Казачий революционный комитет Терской области, которому была передана вся полнота гражданской власти на территории проживания терских казаков. 14 апреля этот ревком был преобразован в постоянно действующий окружной казачий исполнительный комитет. Председателем его был избран известный казачий политический деятель, член партии большевиков М. Томашевский³⁵⁰.

20 января 1921 г. ВЦИК (за подписями М.И. Калинина и А.С. Енукидзе) издал декрет «Об Автономной Горской Советской Социалистической Республике», регламентирующий политическое устройство вновь создаваемой автономии, основы взаимоотношений республиканских органов власти друг с другом и с Центром. Горская Автономная Советская Социалистическая Республика (ГАСССР) признавалась составной частью РСФСР, включающей в себя территорию проживания чеченского, осетинского, ингушского, кабардинского,

³⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

³⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 6. Д. 3. Л. 16.

³⁴⁹ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 59. Л. 1-3.

³⁵⁰ Там же. Д. 319. Л. 2.

балкарского и карачаевского народов, а также казаков и иногородних (под иногородними понимались представители всех остальных народов Терека – С.О.). В административном отношении республика состояла из шести административных округов: Чеченского (включал территорию бывших Веденского и Грозненского округов, правотеречную часть Кизлярского отдела и восточную часть Сунженского отдела), Ингушского (совпадал с границами Назрановского округа), Осетинского (Владикавказский округ и западная часть Сунженского отдела), Кабардинского (северная часть Нальчикского округа), Балкарского (южная часть Нальчикского округа) и Карачаевского (западная часть Нальчикского округа, южная часть Пятигорского отдела Терской области и южная часть Баталпашинского отдела Кубанской области). Города Владикавказ и Грозный с районом нефтяных промыслов выделялись в самостоятельные административные единицы, подчиняющиеся непосредственно ЦИК и Совнаркому Горской АССР.

Органами управления ГАССР являлись Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Горской Социалистической Советской Республики и местные Советы, избираемые на основе Конституции РСФСР. Для управления делами Горской АССР учреждалось одиннадцать народных комиссариатов (внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, труда, земледелия, продовольствия, финансов, Совета народного хозяйства, рабоче-крестьянской инспекции). Иностранные дела и внешняя торговля оставались целиком в ведении центральных органов РСФСР, борьба с контрреволюцией – в ведении органов ВЧК, организованных по соглашению с ЦИК и СНК ГАССР и несущих двойную ответственность перед Центром и перед Советом Народных Комиссаров Горской республики.

«В целях сохранения единства финансовой и хозяйственной политики Р.С.Ф.С.Р. по всей территории Республики» стратегически важные народные комиссариаты продовольствия, финансов, труда, Совет народного хозяйства, рабоче-крестьянская инспекция, отделы путей сообщения, почты и телеграфа

оставались в подчинении соответствующих наркоматов РСФСР, «причем все распоряжения и мероприятия последних соответствующими Народными Комиссариатами Горской Социалистической Советской Республики проводятся в пределах Автономной Горской Социалистической Советской Республики через Совет Народных Комиссаров, перед которыми ответственны поименованные Народные Комиссариаты Горской Социалистической Советской Республики».

Народные комиссары вышеуказанных наркоматов, председатель республиканской ЧК и краевой военный комиссар назначались по соглашению Совнаркома ГАССР с соответствующими наркоматами РСФСР и утверждались ЦИК Горской республики. Коллегии при наркоматах и Чрезвычайной комиссии Горской АССР назначались ее Совнаркомом. Народные комиссариаты внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и земледелия были автономны в своих действиях и ответственны перед ВЦИК через Центральный Исполнительный Комитет Горской республики. Все дело производство республиканского ЦИК и СНК, а также окружных исполнительных комитетов велось на «родном и русском языках»³⁵¹.

Одновременно с целью национально-территориального размежевания казачьего и горского населения было принято решение создать отдельную Терскую губернию со столицей в городе Георгиевске, включив в ее состав Кизлярский, Пятигорский и Моздокский отделы бывшей Терской области, Свято-Крестовский уезд Ставропольской губернии и территорию Караногайской степи³⁵².

В этот же день, 20 января 1921 г. еще одним постановлением ВЦИК создавалась Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР со столицей в Темир-Хан-Шуре. В административном отношении республика состояла из 10 округов: Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского, Кази-Кумухского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского,

³⁵¹ Собрание узаконений РСФСР. 1921. №6. Ст. 41.

³⁵² ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 2. Д. 191. Л. 2.

Самурского, Темир-Хан-Шурина и Хасавюртовского. Органами управления республики должны были стать избираемый на Вседагестанском съезде Советов Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), формируемый им Совет Народных Комиссаров (СНК) и местные Советы. В составе СНК планировалось образовать одиннадцать народных комиссариатов (внутренний, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, земледелия, продовольствия, финансов, труда, Совет Народного Хозяйства, Рабоче-Крестьянская Инспекция). Иностранное дело и внешняя торговля находились в исключительном ведении властей РСФСР. Для решения военных дел создавалось территориальное управление, подчиненное командованию Северо-Кавказского военного округа. Борьбой с контрреволюцией занималось областное отделение Всероссийской Чрезвычайной комиссии.

Наркоматы внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и земледелия считались автономными и ответственными, через Дагестанский ЦИК, только перед ВЦИК, в то время как остальные подчинялись соответствующим народным комиссариатам РСФСР и несли ответственность перед СНК ДАССР. Особо оговаривалось, что до созыва Учредительного Съезда Советов вся полнота власти по-прежнему находилась в руках Революционного комитета Дагестанской АССР и местных ревкомов³⁵³, при этом сроки созыва съезда не оговаривались. Фактически в республике на неопределенный срок сохранялась система чрезвычайного управления.

16 – 22 апреля 1921 г. во Владикавказе состоялся Учредительный съезд Советов Горской Автономной Советской Социалистической Республики. В нем принимало участие 330 делегатов с решающим голосом, из них 179 (или 54%) состояли в РКП (б), 9 (2.5%) были кандидатами в члены партии, 14 (4%) сочувствующими и 128 (39.5%) – беспартийными. По социальной принадлежности среди присутствующих было 43 рабочих (14%), 140 крестьян (41%), 143 служащих (43%) и 4 учащихся (2%)³⁵⁴. Среди участников съезда

³⁵³ Собрание узаконений РСФСР. 1921. №6. Ст. 41.

³⁵⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 5. Л. 67-70.

преобладали коммунисты и их сторонники, составлявшие меньшинство населения региона, а крестьянство уступало по количеству представителей служащим. Делегаты одобрили внутреннюю и внешнюю политику Советского руководства и обещали оказать ему поддержку в борьбе с «кознями международной буржуазии, которая обескровливает пролетариат всех стран». Обсудив остро стоявший в то время вопрос о шариатских судах, делегаты приняли резолюцию «О введении шариатского судопроизводства в Горской АССР», согласно которой шариатские суды могли быть созданы по желанию трудящихся мусульман. Они функционировали наряду со светскими народными судами и могли рассматривать дела исключительно мусульманского населения. При народном комиссариате юстиции ГАССР открывался шариатский отдел с коллегией из знатоков шариата, самостоятельные шариатские отделы создавались и при окружных исполкомах. Кроме того, было принято решение предоставить избирательное право муллам, «показавшими себя активными революционерами и защитниками трудящихся масс»³⁵⁵.

Съезд принял решение удовлетворить ходатайство горских народов Баталпашинского отдела Кубанской области и присоединить их к ГАССР на правах самостоятельного округа, принимая во внимание «историческое прошлое этих родственных народов, их этнографическое единство, экономическое тяготение, тесную связь во всех отношениях с народами», проживающими на территории Горской республики и поставить вопрос об этом перед ВЦИК³⁵⁶.

Вся полнота власти в республике вручалась Горскому съезду Советов, избираемому по норме представительства: один делегат от 10000 населения в округах и один делегат от 2000 населения в Грозном и Владикавказе. Съезд собирался раз в год, он мог рассматривать любые вопросы кроме тех, которые Конституция РСФСР относил к компетенции исключительно высших органов власти Российской Федерации. Съезд избирал Центральный Исполнительный

³⁵⁵ ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 5. Л. 67-70.

³⁵⁶ ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 6. Л. 2а.

Комитет в количестве не более 75 человек – высший законодательный распорядительный и контрольный орган власти Горской республики, собиравшийся на сессии один раз в три месяца. ЦИК определял общее направление деятельности всех органов власти, объединял и согласовывал их усилия по проведению в жизнь Конституции РСФСР, постановлений съездов Советов ГАССР и центральных органов РФ, рассматривал и утверждал проекты декретов и других законодательных актов, издавал собственные декреты и распоряжения, созывал съезды Советов и представлял им отчет о своей деятельности, осуществлял общее руководство внутренней политикой, разрешал споры между округами, утверждал республиканский бюджет, устанавливал налоги и повинности, назначал и смещал членов республиканского СНК, мог отменить или приостановить любое решение Горского Совнаркома, если оно противоречило законодательству, рассматривал жалобы отдельных наркоматов.

Президиум ЦИК, являвшийся постоянным рабочим органом, созывал сессии ЦИК и руководил его заседаниями, готовил для них материалы, наблюдал за выполнением его постановлений, вносил на утверждение проекты декретов, руководил инструкторской работой как в центре, так и на местах, рассматривал различные ходатайства, утверждал или отменял постановления республиканского СНК, разрешал споры между наркоматами и местными исполкомами, определял административное деление ГАССР и мог вносить в него изменения.

Исполнительная власть принадлежала Совету Народных Комиссаров Горской АССР. Он издавал декреты, распоряжения, инструкции, осуществлял общее управление всеми делами вновь образованной республики. Съезд принял декларацию, в которой объявлялось о раскрепощении горских народов Кавказа и создании их добровольного, честного и братского союза под общим знаменем окончательного освобождения и возрождения угнетенной горской бедноты, приступившей, вместе со всеми трудящимися Советской России, к строительству социализма.

Съезд завершил свою работу 22 апреля, избрав Центральный Исполнительный Комитет из 65 членов и 21 кандидата, среди которых было 18 чеченцев, 10 кабардинцев, 7 осетин, 2 дигорца (этнографическая группа осетинского этноса – С.О.), 3 балкарца, 3 ингуша, 4 карачаевца, 3 казака. 7 депутатов представляли Грозный, 6 – Владикавказ, 3 – Кавказскую армию труда³⁵⁷. 25 апреля на первой сессии ЦИК был утвержден состав его Президиума (9 человек), который возглавил чеченец Т.Э. Эльдарханов, а почетными членами избраны В.И. Ленин и М.И. Калинин³⁵⁸. Председателем Совета Народных Комиссаров ГАССР из 12 человек стал осетин С.А. Такоев³⁵⁹. 2 мая при Народном комиссариате по делам национальностей в Москве было открыто представительство Горской АССР (руководитель – С. Назаров), на которое была возложена обязанность «защищать интересы Горской Автономной Советской Социалистической Республики и ее народностей, живущих как в пределах Горреспублики, так и в других местностях РСФСР» в политической, экономической и культурной сферах, «способствовать сближению этих народностей с другими национальностями для общих задач государственного строительства»³⁶⁰.

Одновременно шел процесс государственного строительства на территории Терской губернии. К началу июня 1921 г. там завершились выборы в Советы всех уровней, принесшие предсказуемую победу коммунистам и их сторонникам из числа беспартийных, а 13-14 июня в Георгиевске состоялся I губернский съезд Советов, в работе которого принимало участие 648 человек. По партийной принадлежности 131 делегат был членом РКП (б), а 517 – беспартийными. На съезде присутствовало 62 рабочих, 73 служащих, 13 представителей интеллигенции, остальные же были крестьянами³⁶¹. Собравшиеся одобрили национально-государственное размежевание на Тереке и создание отдельной

³⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 281. Л. 7.

³⁵⁸ ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³⁵⁹ Там же. Л. 2.

³⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 6. Д. 4. Л. 9.

³⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 28. Д. 357. Л. 208-213.

Терской губернии, подтвердили преданность идеям Советской власти и партии большевиков и избрали постоянно действующие органы государственной власти – губернский исполнительный комитет в центре и отдельные, станичные и сельские исполкомы на местах.

В Дагестане система чрезвычайного управления сохранялась дольше, чем на Тереке. Связано это было с тем, что подавить восстание исламистов и окончательно стабилизировать обстановку в регионе удалось только в мае 1921 г. 5-6 июня 1921 г. пленум Дагестанского областного комитета РКП (б) принял решение о подготовке и проведении повсеместно выборов в Советы. 31 августа в печати появилась «Инструкция о выборах в Советы депутатов и на съезды Советов ДАССР», которая определяла процедуру и порядок выборов в местные и центральные органы власти, а также круг избирателей. Предстоящие выборы были неравные (рабочие имели преимущество перед остальными категориями населения), не всеобщими (права голоса лишались представители бывших эксплуататорских классов, служащие полиции и жандармерии и вообще контрреволюционеры и их пособники), не прямыми, не тайными (голосование путем поднятия рук). Съезды Советов могли лишить полномочия любого депутата, «если найдет, что кто-нибудь избран неправильно». Участковый съезд мог назначить перевыборы сельских Советов. Депутаты на участковый съезд избирались сельскими Советами и, в свою очередь, избирали участковый исполнительный комитет. Окружной съезд, делегаты на который избирались участковыми Советами, мог назначить перевыборы участкового Совета. Выборные от окружных Советов становились делегатами Вседагестанского съезда, который должен был сформировать Центральный Исполнительный Комитет – постоянно действующий орган верховной власти³⁶². Фактически избирательный закон был направлен на сохранение монополии большевиков на власть.

³⁶² Образование Дагестанской АССР. №75. С. 130-138.

26 сентября Президиум Дагестанского революционного комитета принял решение лишить избирательного права духовенство (ранее право голоса гарантировалось тем муллам и богословам, которые стояли на платформе советской власти и участвовали в борьбе с Деникиным и Гоцинским), а также изъять из ведения шариатских судов уголовные дела³⁶³. 28 октября Дагестанский обком РКП (б) разослал всем окружным партийным комитетам циркулярное письмо о недопущении проникновения духовенства в Советы, потребовав «показать населению, что работа духовенства сводится к желанию властвовать, эксплуатировать трудящихся»³⁶⁴.

В октябре - ноябре 1921 г. в Дагестане прошли выборы в Советы разного уровня. В них приняло участие 44.3% лиц, имевших право голоса. Всего было избрано 2565 человек (2183 крестьян, 382 рабочих; 399 коммунистов, 17 представителей других партий, 2149 беспартийных; все – мужчины). В составе сельских Советов коммунисты составляли в среднем 15.5% (в Казикумухском округе – 34%, в Андийском – 3.4%). Гораздо более высоким был процент коммунистов в исполнительных комитетах всех уровней – постоянно действующих органах государственной власти, непосредственно управлявших той или иной территорией. В участковых исполкомах Казикумухского округа в партии большевиков состояло 85%, а Андийского – 27%. В окружных ИК процент коммунистов был еще выше: от 100% в Казикумухском округе до 60% в Андийском³⁶⁵. Наибольший процент коммунистов был сосредоточен в плоскостных и предгорных районах Центрального Дагестана, где национальные социалисты и большевики имели традиционно высокую поддержку, наименьший – в высокогорных Аварском и Андийском округах, считавшихся долгое время оплотом исламистской оппозиции.

³⁶³ Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (1919 – 1921 гг.). Сборник документов и материалов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. №283. С. 433.

³⁶⁴ Там же. №294. С. 433.

³⁶⁵ *Исрапилов А.К.-М.* Рожденные революцией. Деятельность революционных комитетов в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. С. 94-95.

1 декабря 1921 г. в Буйнакске открылся I Вседагестанский Учредительный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, на котором присутствовало 233 делегата, в том числе 10 женщин. По социальной принадлежности среди них были 81 рабочий (34.8%), 96 крестьян (41.2%), 56 служащих (24%), по партийной: 151 член РКП (б) (64.8%) и 82 беспартийных (35.2%), по национальной: 158 представителей коренных горских народов Дагестана (67.8%), 46 русских, 11 евреев, 5 чеченцев, 2 осетина, 2 латыша и 1 грузин³⁶⁶. Состав делегатов не отражал реальной социальной и политической картины Дагестана: крестьянство, составлявшее почти 95% населения, оказалось в меньшинстве, а большевики, которых к тому времени в республике насчитывалось всего 1637 человек (вместе с кандидатами в члены партии), доминировали на съезде.

Работа съезда свелась фактически к одобрению резолюций, разработанных на прошедшей 28-30 ноября областной конференции РКП (б). 5 декабря 1921 г. съезд единогласно принял Конституцию ДАССР, в общих чертах повторявшую Постановление ВЦИК от 20 января, основной задачей которой провозглашалось установление в регионе диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства «в виде сильной Вседагестанской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации и водворения социализма». Дагестан был объявлен Республикой Советов рабочих, крестьянских, батрацких, красноармейских и матросских депутатов, пользующейся автономией и входящей в состав РСФСР. Вся полнота власти официально передавалась «всему рабочему населению Дагестана, объединенному в городских и сельских Советах», а ее носителем признавался Вседагестанский съезд Советов и в перерывах – Центральный Исполнительный Комитет.

Центральный Исполнительный Комитет, избираемый съездом в количестве 50 человек, являлся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом. Он рассматривал и утверждал проекты декретов, издавал свои декреты и распоряжения, формировал состав Совета Народных

³⁶⁶Исрапилов А.К.-М. Рожденные революцией. Деятельность революционных комитетов в Дагестане. С. 97-98.

Комиссаров и наркоматов. ЦИК собирался на съезды, а постоянным рабочим органом являлся его Президиум, состоявший из 13 человек. СНК принадлежало общее управление делами ДАССР, однако ЦИК был вправе отменить или приостановить любое его постановление. При каждом наркомате СНК утверждал коллегию, которая могла обжаловать любое решение наркома в СНК или Президиум ЦИК. При правительстве РСФСР Дагестанский Совнарком открывал свое полномочное представительство.

На местах вся полнота власти принадлежала окружным съездам Советов, делегаты которых избирались из представителей сельских Советов (один от 500) и городских Советов (один от 100 избирателей), но их количество не должно было превышать 200 человек, и участковым съездам советов, делегаты которых также избирались сельскими Советами (один от 500 человек). Они должны были собираться не реже двух раз в год. Постоянно работающим властным органом являлся окружной исполнительный комитет, состоявший из 15 человек, в округе, и участковый ИК из 5 человек на территории участка. В городах все властные полномочия передавались городским Советам, в аулах – аульским Советам. Исполнительная власть в селениях принадлежала выборному сельскому исполнительному комитету в количестве трех человек.

Право голоса получили все граждане, добывающие средства к жизни «производственным общепольным трудом»: рабочие, служащие и крестьяне, не использующие наемный труд, а также красноармейцы и матросы, нетрудоспособные жители и трудящиеся иностранцы. Им гарантировалось право отзыва депутатов. Избирательного права были лишены все, живущие на нетрудовой доход, частные торговцы и посредники, бывшие служащие полиции и жандармерии, охранки, чиновники (с V класса Табели о рангах), судьи, старшины, ханы, беки, князья и члены Дома Романовых, сумасшедшие и подопечные, а также осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы³⁶⁷.

Съезд завершил свою работу 7 декабря 1921 г., избрав Центральный Исполнительный Комитет. Президиум ЦИК возглавил лезгин Н.П. Самурский

³⁶⁷ Образование Дагестанской АССР. №123. С. 193-209.

(Эфендиев). Председателем Совета Народных Комиссаров был избран кумык Д.А. Коркмасов, его товарищем – даргинец А.А. Тахо-Годи³⁶⁸. Большинство членов ЦИК и СНК были членами областного и окружных ревкомов, а также областного партийного комитета. Региональная элита, пришедшая в Терской и Дагестанской областях к власти в марте 1920 г., сохранила и даже укрепила свое положение после образования Горской и Дагестанской автономных республик.

Выводы к третьей главе. После окончания активной фазы Гражданской войны в регионе и разгрома ВСЮР в начале 1920 г. на Северном Кавказе центральные российские власти в связи с нестабильной внутренней обстановкой, малочисленностью и неорганизованностью сторонников советской власти, тяжелой экономической обстановкой, приняли решение не форсировать переход к Советам на Кавказе, а внедрить в регионе систему чрезвычайного управления, ключевым звеном которой являлись назначавшиеся сверху революционные комитеты, в формировании которых активную роль играли политические отделы действующих армий Кавказского фронта. Процесс становления органов советской власти на Северном Кавказе был не простым и противоречивым. Причина заключалась в сложном этноконфессиональном составе населения края, низком (по сравнению с Центральной Россией) уровне экономического развития, сохранявшихся многочисленных патриархально-родовых, феодальных и сословных пережитках. Следует отметить, что Кавказ не был готов к усвоению политической и социально-экономической программы большевиков.

Весной 1920 г. были заложены основы системы чрезвычайного управления: созданы областные/губернские и местные революционные комитеты, определены их структура и функции. Ревкомы, абсолютно независимые от местного населения, сосредоточили всю полноту законодательной и исполнительной власти. В то же время в сфере судопроизводства большевики, учитывая настроения горского крестьянства, должны были санкционировать создание на территориях компактного проживания мусульманского населения народно-шариатских судов во главе с мусульманскими кадиями (священнослужителями-

³⁶⁸ Исрапилов А.-К. М. Рожденные революцией. С. 103.

судьями). Начиная с лета 1920 г. на Северном Кавказе (прежде всего, в Терской области) начинается постепенная советизация, т.е. замена ревкомов выборными Советами. В то же время, в Кубанской и Дагестанской областях, где Гражданская война вспыхивает с новой силой (восстание Н. Гоцинского, движение генерала М.А. Фостикова, высадка десанта генерала С.Г. Улагая), наоборот, система чрезвычайного управления упрочивается: унифицируется организационная структура и численный состав революционных комитетов, определяются функции каждого отдела.

Эффективность работы ревкомов на протяжении всего описываемого периода была очень низкой. Связано это было с нехваткой квалифицированных кадров, малограмотностью и отсутствием опыта управления у большинства членов ревкомов, а также сложным внутренним положением Советской России в целом и Северного Кавказа в частности, испытывавших острую нехватку средств для преодоления экономического кризиса, вызванного Гражданской войной. Кроме того, неподконтрольность ревкомов местному населению порождала коррупцию, бюрократизм, злоупотребления служебным положением. Все это вызывало недовольство значительной части крестьянства, очень скоро разочаровавшейся в большевистском режиме.

Если на протяжении весны – лета 1920 г. большевики не выражали намерения вносить какие-либо изменения в государственно-правовой статус северокавказских регионов, то осенью положение начинает изменяться. Подход к этому вопросу был дифференцирован большевиками в зависимости от национального состава населения каждого региона. В наибольшей степени система управления была приближена к общероссийским нормам в регионах, где в процентном отношении преобладало русскоязычное население – Ставропольской и Терской губерниях и Кубано-Черноморской области. Что касается кубанского и терского казачества, то большевики, отказавшись от предоставления казакам национально-территориальной автономии, лишив их права формировать собственные законодательные и исполнительные органы власти, ликвидировав, наконец, казачество как отдельное сословие и упразднив на

официальном уровне казачьи войска, все-таки учитывали специфику казачьего уклада жизни. В Кубано-Черноморской области была образована отдельная казачья секция при областном ревкоме, на Тереке – Казачий революционный комитет, которые получили некоторые права в области управления казачьим населением и представляли его интересы, однако в большей степени использовались большевиками в качестве орудия ведения агитации и пропаганды в пользу советской власти среди казачества.

В то же время, отношение большевиков к горцам и кочевникам Северного Кавказа было принципиально иным. Кочевое население Ставропольской губернии и горцы Кубано-Черноморской области получили возможность сформировать национальные органы управления, и в 1921 г. де-факто обрели национально-территориальную автономию. Начиная с осени 1920 г. был взят курс на создание двух автономных советских республик на Северном Кавказе – Дагестанской (в границах дореволюционной Дагестанской области с присоединением к ней Хасавюртовского округа Терской) и Горской (в ее состав вошли населенные преимущественно горцами округа Терской области, Сунженский отдел, большую часть населения которого составляли казаки и часть Кизлярского отдела). Оно было продиктовано, прежде всего, политическими интересами, стремлением показать, что советская власть вовсе не проводит шовинистическую, великодержавную политику по отношению к мусульманским народам на Кавказе, в чем ее обвиняла оппозиция, а, напротив, способствует становлению горской национальной государственности.

По форме правления это были советские республики, их органы власти создавались в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г., а по форме государственного устройства они представляли собой автономные государственные образования, созданные с учетом в большей степени административно-территориального, а не национально-этнического принципа, т.к. в условиях многонационального состава их населения и отсутствия «титульной нации» именно первый подход был признан наиболее оправданным при создании данных государственных образований. В то же время именно представители

горской политической элиты (выражавшей лояльность большевикам) доминировали в органах управления этих республик, в самом названии «Горская» республика явственно выражалось привилегированное положение горских народов перед представителями иных этнических общностей, проживавших на ее территории, а термин «Дагестанская» республика стал трактоваться как республика (преимущественно) дагестанских (горских) народов. В этом, на наш взгляд, заключалась одна из причин обострения межнациональных отношений на Северном Кавказе в последующее время.

Следует отметить, что руководящие посты в Советах Северного Кавказа в 1920 – 1921 гг. заняли бывшие члены ревкомов. Постепенно все рычаги управления в регионе сконцентрировались в руках областных/губернских комитетов РКП (б), а Советы занимали явно подчиненные позиции. На местах Советы также постепенно утрачивали реальные рычаги управления, которые переходили к партийным организациям. На Северном Кавказе началось утверждение и упрочение однопартийного режима.

Заключение

Одним из вопросов Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России, а также Гражданской войны, последовавшей за ними, был вопрос о власти, который в такой полиэтничной и многоконфессиональной стране как Россия, тесно переплетался с национальным вопросом. Речь шла о том, какая модель государственности утвердится в конечном итоге в нашей стране, иными словами, что собой будет представлять форма правления и форма государственного устройства российского государства. Подобные же вопросы вставали перед властями и на национальных окраинах бывшей Российской империи, в том числе на Северном Кавказе – одном из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов России.

Суть процессов национально-государственного строительства на Северном Кавказе после падения монархии в России, в период революции и Гражданской войны в 1917 – 1921 гг., как и в России в целом, состояла в сосуществовании друг с другом и смене различных противоборствующих моделей государственности, выдвигаемых разными политическими силами. Особенность же их заключалась в нарастании центробежных тенденций после свержения самодержавия, в условиях начавшейся Гражданской войны, возрастании роли региональной и национальной элиты, которая, воспользовавшись слабостью центральной власти, предпринимала попытки повысить свой политический статус в крае.

На ход национально-государственного строительства на Северном Кавказе оказала большое влияние и «этническая мобилизация» - процесс осознания представителями этнических общностей себя как отдельной политической силы, охватившая казачество, горские и кочевые народы Северного Кавказа. Отчасти она была выражением стремления этих народов к осуществлению суверенитета на территории своего проживания, но в гораздо большей степени инспирировалась и

организовывалась национальными элитами, которые, воспользовавшись слабостью и политической пассивностью российского правительства, рассчитывали прийти к власти и упрочить свои позиции за счет полномочий, принадлежавших до этого центральным властям, что привело к всплеску этнического национализма среди казаков и горских народов. В то же время, русскоязычное население Северного Кавказа не было затронуто «этнической мобилизацией», не ощущало себя в качестве единого этнического целого и самоопределялось по социальному принципу, поддерживая те или иные общероссийские политические партии. Еще одной особенностью национально-государственного строительства на Северном Кавказе являлось то, что протекало оно в обстановке острейшего социально-политического кризиса, проявлением которого стала разразившаяся в регионе гражданская война, в которую оказались втянуты представители различных этнических групп, проживавших на Кавказе, политических сил, как местных, так и общероссийских, а также иностранные государства.

Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 1917 – 1921 гг. прошло ряд этапов, деление на которые носит, впрочем, несколько условный характер ввиду невозможности четко установить временные рамки, отграничивающие их друг от друга. Первый этап (**весна 1917 – весна 1918 гг.**) характеризовался распадом дореволюционной системы управления, общим ослаблением влияния центральной власти на состояние дел в регионе, активизацией национальных движений горских народов, а также казачества. В этих условиях Временное правительство не занималось целенаправленно национально-государственным строительством в регионе, полагая, что национальный вопрос в России в целом и на Северном Кавказе в частности может быть разрешен только Всероссийским Учредительным собранием, которое должно было выработать новую форму правления и государственного устройства страны. Отказ Временного правительства от проведения активной политики на Северном Кавказе привел к падению его популярности среди населения и

способствовал тому, что устойчивой социальной базы, на которую центральное правительство могло бы опереться, так и не сложилась.

В то же время, воспользовавшись демократизацией режима, горская и казачья элиты, создав свои общественно-политические организации, начинают добиваться сначала расширения прав органов казачьего и горского самоуправления (весна - лето 1917 г.), а затем автономии как всего Северного Кавказа, так и территорий, населенных горцами и казаками (лето – осень 1917 г.). Для закрепления этого статуса, они выступают под республиканскими лозунгами, за федерализацию России и децентрализацию системы управления. Первоначально они действовали мирным путем, стремясь привлечь путем агитации и пропаганды на свою сторону местное население. После большевистского переворота региональные элиты берут курс на обособление от петроградского правительства, легитимность которого они не признавали и предпринимают попытки сконцентрировать всю полноту власти в своих руках (ноябрь 1917 – весна 1918 гг.), не выдвигая, однако, сепаратистских требований. В этот период они переходят, опираясь на сформированные ими военизированные формирования, к использованию насильственных методов в борьбе за власть. Им, однако, не удалось консолидировать свои силы и сплотить казаков и различные горские народы края, разрешить мирным путем аграрный и национальный вопросы, иными словами – создать дееспособную региональную государственность, что привело к тому, что большевикам, выступавшим в союзе с левыми социалистическими партиями и опиравшимся на солдат, рабочих и отчасти иногороднее крестьянство, удалось сравнительно легко взять власть.

На втором этапе (**весна 1918 – зима 1918/19 гг.**) в регионе была предпринята попытка воплотить в жизнь советскую модель государственности, которая представляла собой систему управления, основанную на политической (законодательной и исполнительной) власти Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов, которая несколько отличалась от существовавшей в Центральной России, т.к. социальная база большевиков на Северном Кавказе

была уже, чем во внутренних губерниях России, и им приходилось идти на компромиссы как с представителями иных социалистических партий, так и с лидерами национальных движений, стремясь привлечь их на свою сторону. Избирательная система была более демократичной, а Советы обладали большей властью. Что касается формы государственного устройства, то в данный период большевики не видели необходимости в ее изменении, но вследствие усиления центробежных тенденций в период Гражданской войны в 1918 г. региональные власти добились существенной самостоятельности, однако этот де-факто автономный статус северокавказских губерний и областей (что дало основание советским исследователям говорить о существовании в 1918 г. «советских республик» на Северном Кавказе) не был закреплен центральным правительством де-юре. Иными словами, с ним мирились до тех пор, пока изменить ситуацию не представлялось возможным. Единственное исключение – Северо-Кавказская Советская республика, созданная в июле 1918 г. по инициативе представителя Центра Г.К. Орджоникидзе, преследовала исключительно утилитарные задачи и была расформирована в декабре 1918 г., когда выяснилось, что она с ними не справилась.

Основную социальную опору советской государственности в крае составляли рабочие промышленных предприятий, иногородние крестьяне-бедняки, небольшая часть казачьей и горской бедноты, а также интеллигенции, разделявшей левые взгляды. Среди сторонников советской власти встречались представители всех национальностей, проживавших на Кавказе, но большую часть из них составляли русские. Ведя борьбу за власть, большевики сочетали как мирные способы, так и насильственные. Следует отметить, что радикализм их социально-экономической программы привел к тому, что во второй половине 1918 г. значительная часть северокавказского социума отвернулась от большевиков, что предопределило падение советской государственности на Северном Кавказе к началу 1919 г.

Третий этап национально-государственного строительства (**осень 1918 – весна 1920 гг.**) был связан с одновременным сосуществованием, взаимодействием и противоборством белогвардейской, казачьей и горской государственности на Северном Кавказе. Белые, возглавляемые генералом А.И. Деникиным, придерживаясь в целом принципа «непредрешенчества», были сторонниками унитарного государства, что же касается формы правления, то А.И. Деникин установил на подконтрольной ему территории военную диктатуру, имевшую много сходных черт с политической системой, существовавшей на Северном Кавказе до Февральской революции (милитаризация и централизация управления, жесткий контроль над органами местного самоуправления). В то же время, в связи с необходимостью расширения социальной базы в регионе (которая состояла главным образом, из представителей зажиточных, собственнических слоев населения), белые вынуждены были пойти на уступки казачьему и горскому национальному движению, предоставив де-факто кубанскому и терскому казачеству и крупнейшим горским народам Кавказа (кабардинцам, осетинам, ингушам, чеченцам и коллективно – горцам Дагестана) национально-территориальную автономию с широкими полномочиями органов местного управления и самоуправления, в то время, как регионы, населенные в основном русскими (Ставропольская и Черноморская губерния) таких привилегий не получили. Национальный и религиозный состав сторонников Белого движения на Северном Кавказе был разнообразен, однако наиболее прочной опорой Деникин считал исповедовавших православие русских (в том числе казаков). Многие видные деятели деникинской администрации на Северном Кавказе были выходцами из других регионов России, в то время как часть местных элит выступила против белых. В целом, наиболее напряженные отношения сложились у белогвардейцев с представителями мусульманских народов Северного Кавказа, а также с рабочими и иногородним крестьянством, которые были недовольны их экономической политикой. В борьбе за власть в регионе, лидеры Белого движения, подобно большевикам, использовали как мирные способы, так и силовые, которым отдавали предпочтение.

Что касается лидеров казачества, то им удалось, (формально не заявляя о выходе из состава России и в тактических целях заключив союз с белогвардейцами), опираясь, в основном, на зажиточные слои казаков, создать свои государственные образования с республиканской формой правления на Кубани (парламентско-президентскую) и Тереке (президентско-парламентскую), при этом казачество находилось в привилегированном экономическом и политическом положении по сравнению с другими группами населения, что особенно наглядно проявлялось в Кубанской области. Добиться же объединения казачьих государственных образований Юга России не удалось из-за разногласий внутри их политической элиты.

Горские лидеры, в отличие от казаков, выступали за отделение от России, поэтому общий язык с белыми большинство из них найти не смогло. Не удалось им и выработать общую программу национально-государственного строительства: национал-демократы (опиравшиеся, в основном, на горскую торгово-промышленную буржуазию и средние слои города) провозгласили парламентскую федеративную республику (Горская республика), исламисты (их главной опорой были представители мусульманского духовенства и дворянства, отчасти - крестьянства) – теократическую монархию (Имамат во главе с Н. Гоцинским и Эмират во главе с Узун-Хаджи), при этом и те, и другие выступали за включение в их состав всего Северного Кавказа, в том числе и тех регионов, где горцы не составляли большинства. Если горские республиканцы подчеркивали полиэтничный и многонациональный характер своего государства и готовы были предоставить национальным меньшинствам культурно-национальную автономию, то исламисты заняли более жесткую позицию в отношении немусульман. Все эти факторы предопределили непрочность казачьих и горских государственных образований, могли существовать только при внешней поддержке (белогвардейцев на Кубани и Тереке, турок, а потом англичан в Дагестане) и так и не превратились в самостоятельную политическую силу, а, в конечном итоге, зажатые между белым «молотом» и красной «наковальней», они

были сравнительно легко разгромлены и сошли с политической сцены Северного Кавказа, не оставив в истории значительного следа.

Четвертый этап национально-государственного строительства (**весна 1920 – 1921 гг.**) был связан с восстановлением и укреплением советской модели государственности – сначала в виде назначавшихся революционных комитетов, а впоследствии – выборных (в соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г.) Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Большевикам удалось прийти к власти отчасти потому, что они обещали провести социальные реформы (прежде всего, аграрную) в интересах рабочих и крестьян, разрешить национальный вопрос на принципе самоопределения наций, но в гораздо большей степени – в связи с тем, что РККА смогла силовым путем разгромить все антисоветские вооруженные формирования.

В этот период положение большевиков, опиравшихся на многочисленные части Красной Армии, занявшие территорию Северного Кавказа, было более прочным, чем два года назад, поэтому они уже не были заинтересованы в сотрудничестве с другими политическими партиями. В регионе под видом восстановления советской власти началось установление однопартийной коммунистической диктатуры. Что касается формы государственного устройства региона, то, столкнувшись с усилением летом-осенью 1920 г. антисоветского сопротивления, российские власти вынуждены были внести некоторые коррективы в свою национальную политику. С целью упрочения своей власти и недопущения складывания единого антибольшевистского фронта всех народов Кавказа, коммунисты проводили дифференцированную политику в отношении различных этнических групп.

В 1921 г. были созданы Дагестанская и Горская Автономные Советские Социалистические Республики, которые формально создавались по административно-территориальному принципу на территории Дагестанской и большей части Терской областей, но фактически представляли собой своего рода коллективную форму автономии горских народов, т.к. именно представители

горских народов заняли ключевые должности в республиканских органах власти. Были сделаны и шаги по созданию национально-территориальной автономии горцев Кубани. В отличие от горцев, казачество не получило территориальной автономии и должно было довольствоваться неким подобием автономии культурно-национальной, проводниками которой являлись казачья секция Кубано-Черноморского областного ревкома и казачий ревком на Тереке. Что же касается русскоязычного населения Северного Кавказа, то большевики не видели никакой необходимости в выделении его каким-то образом из числа других этнических общностей и предоставления каких-либо форм автономии, управляя им на точно таких же основаниях, как и русским населением в остальных губерниях России.

В то же время следует отметить, что реальная власть в регионе на протяжении 1920 – 1921 гг. постепенно начинала сосредотачиваться в руках партийных комитетов РКП (б), а Советы оттесняться от рычагов управления. Небольшевистские политические партии и организации подвергались репрессиям. Эти тенденции сохранились и усилились в последующие годы, в результате власть большевиков в регионе стала единоличной, а на Северном Кавказе (как и на всей территории бывшей Российской империи, оказавшейся под контролем большевиков) установился однопартийный режим.

Библиография

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

1. Ф. Р-115. Южнорусская конференция по созданию союза государственных образований на Юге России. Новочеркасск. [1919].
2. Ф. Р-393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). 1917-1930.
3. Ф. Р-439. Особое совещание при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. Екатеринодар. 1918-1919.
4. Ф. Р-440. Отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. Екатеринодар, Ростов-на-Дону. 1918-1920.
5. Ф. Р-446. Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. Екатеринодар. 1918-1919.
6. Ф. 601. Николай II.
7. Ф. Р-1235. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (ВЦИК). 1917-1938.
8. Ф. Р-1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР. 1917-1924.
9. Ф. Р-1779. Канцелярия Временного правительства. 1917.
10. Ф. Р-1788. Министерство внутренних дел Временного правительства. 1917.

11. Ф. Р-1791. Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан министерства внутренних дел Временного правительства. 1917.
12. Ф. Р-5354. Управление внутренних дел Особого совещания (до декабря 1919 г.) при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Екатеринодар, Симферополь, Ростов-на-Дону. 1919 – 1920.
13. Ф. Р-5677. Административная комиссия при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. 1918-1938.
14. Ф. Р-5827. Деникин Антон Иванович, генерал-лейтенант, главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России. 1872-1947.
15. Ф. Р-5881. Коллекция отдельных мемуаров и документов эмигрантов.
16. Ф. Р-6546. Стремоухов Петр Петрович, губернатор в Сувалках (1904-1910 гг.), в Саратове (1911 – 1912 гг.), в Костроме (1913-1915 гг.), в Варшаве (1915 г.), уполномоченный по денежным делам в Ярославской и Костромской губерниях (1916 г.), директор департамента общих дел МВД (1916-1917 гг.), помощник начальника Минераловодского района (1919г.), помощник главноначальствующего Северного Кавказа (1919 г.). 1865 – после 1935.
17. Ф. Р-6611. Челищев Виктор Николаевич, председатель Московской судебной палаты, работал в юридическом отделе Союза городов и Земском Союзе, в Национальном центре, управляющий отделом юстиции при генерале Деникине, обер-прокурор 1-го Департамента Сената при генерале Врангеле. 1870-1952.

Российский государственный социально-политический архив (РГАСПИ).

1. Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898,1903-1991).

2. Ф. 64. Кавказское бюро ЦК РКП (б) (Кавбюро) (1920-1922)
3. Ф. 65. Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) (1921-1924).
4. Ф. 71. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) (1931 – 1991).
5. Ф. 80. Киров Сергей Миронович (1886-1934).
6. Ф. 85. Орджоникидзе Георгий Константинович (1886-1937).
7. Ф. 274. Центральный комитет Партии социалистов-революционеров (эсеров) (1901-1923).
8. Ф. 354. Организация «Кермен» (1917-1918).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВА).

1. Ф. Р-39779. Партизанский отряд генерала Бичерахова. 1918-1919.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

1. Ф. 400. Главный штаб Военного министерства. 1836-1919 гг.
2. Ф. 1300. Штаб Кавказского военного округа.

Российский государственный исторический архив (РГИА).

1. Ф. 1276. Совет Министров (1905 – 1917).

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А).

1. Ф. Р-1. Войсковое правительство Терского казачьего войска. 1917-1920.
2. Ф. Р-9. Временное правительство Союза Объединенных Горцев Северного Кавказа и Дагестана.
3. Ф. Р-39. Владикавказский (Северо-Осетинский) окружной революционный комитет.
4. Ф. Р-41. Горский Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

5. Ф. 225. Караулов Михаил Александрович.

Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД).

1. Ф. Р-4. Революционный Комитет Дагестанской АССР, г. Буйнакск, 1920-1922 гг.
2. Ф. Р-528. Дагестанский областной Военно-Революционный Комитет, г. Темир-хан-Шура. 1918 г.
3. Ф. Р-608. Совет Оборона Северного Кавказа и Дагестана, г. Темир-Хан-Шура, май 1919 – апрель 1920.
4. Ф. Р-610. Временный гражданский Исполнительный Комитет Дагестанской области (временного правительства), г. Темир-Хан-Шура. 1917-1918 гг.
5. Ф. Р-614. Дагестанский (областной) мусульманский Национальный Комитет Дагестанской области, г. Темир-Хан-Шура. 1917-1920 гг.
6. Ф. Р-621. Правительство республики Союза горских народов Северного Кавказа и Дагестана (горское правительство), г. Темир-Хан-Шура Дагестанской области. 1917-1919 гг.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).

1. Ф. Р-100. Ставропольский губернский революционный комитет (Губревком). 29 февраля 1920 - 30 марта 1921 гг. Ставрополь.
2. Ф. Р-210. Медвеженский уездный революционный комитет. Февраль-март 1920 - апрель 1921. с. Медвежье, Медвеженского уезда, Ставропольской губернии.
3. Ф. Р-1658. Ставропольский губернский комитет «Общественной безопасности». Г. Ставрополь 06.03.1917-31.12.1917 гг.
4. Ф. Р-1867. Канцелярия Ставропольского губернского комиссара. 1917.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).

1. Ф. Р-6. Канцелярия Совета Кубанского краевого правительства. 1917 – 1920 гг.
2. Ф. Р-158. Кубано-Черноморский областной революционный комитет. 1919-1924 гг.
3. Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и гражданской войны на Кубани. 1902 – 1983 гг.
4. Ф. Р-1511. Коллекция материалов по истории гражданской войны на Северном Кавказе, собранная Лехно Евгением Давыдовичем, активным участником борьбы за установление советской власти.
5. Ф. Р-1542. Кубанская Законодательная Рада. 1918 – 1920 гг.

Государственный архив города Сочи (ГАГС).

1. Ф. Р-282. Коллекция документов революционного движения и Гражданской войны на Черноморье.

Публикации документов

1. Борьба за власть Советов в Дагестане: Сборник воспоминаний участников. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 178 с.
2. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии: Сборник документов и материалов / Сост. В.С. Гальцев, А.К. Джанаев и др. – Орджоникидзе: Ир, 1972. – 510, 4 с.
3. Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917 – 1920 гг.): Сборник документов и материалов / Сост. Е.П. Киреев, Л.Ф. Мануйленко. – Грозный: Чечен.-Ингуш. кн. изд., 1958. – 265 с.
4. Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917 – 1920 гг. Сборник документов и материалов / Сост.: Г. Т. Чучмай, В. Ф. Латкин, Я. И. Куценко, Л. Н. Корниенко. – Краснодар: Кн. изд., 1957. – 436 с.

5. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане: 1917 – 1921 гг.: Сборник документов и материалов / Редкол. Г.-А.Д. Даниялов (отв. ред.) и др. - М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1958. – 539 с.
6. Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье. (1917 – апрель 1921 гг.). Сборник документов и материалов / Сост.: Н. С. Дикалова, Л. В. Зарубина, Ю. И. Кузьменко. - 2-е изд., доп. - Ставрополь: Кн. изд., 1968. – 245 с.
7. Воспоминания участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Кабардино-Балкарии / Сост. У.А. Улигов, Х.С. Кушхов. – 3-е изд., испр. и доп. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 314 с.
8. Документы по истории борьбы за Советскую власть и образование автономной Кабардино-Балкарии (1917 – 1922 гг.) / Сост. Р.Х. Гугов и др. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 799 с., табл.
9. За власть Советов! Документы и материалы из истории Гражданской войны в Чечено-Ингушетии / Партархив Чечено-Ингуш. обкома КПСС. - Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд., 1967. – 127 с.
10. **Киров, С.М.** Избранные статьи и речи (1912 – 1934) / С.М. Киров. - М.: Политиздат, 1957. – 718 с.
11. Образование Дагестанской АССР (1920 – 1921 гг.): Сборник документов и материалов / Дагест. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. – 216 с.
12. **Орджоникидзе, Г.К.** Статьи и речи / Г.К. Орджоникидзе. - Т. 1. - М.: Госполитиздат, 1956.
13. Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства (1919 – 1921 гг.). Сборник документов. Посвящ. 40-летию установления Советской власти в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 503 с.

14. Революционные комитеты Кабардино-Балкарии и их деятельность по восстановлению и упрочение Советской власти и организации социалистического строительства. Декабрь 1919 г. – июль 1920 г.: Сборник документов и материалов / Сост. Л.Б. Татарокова, Р.А. Ташилова, А.В. Грудцина. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд., 1968. – 146 с.
15. Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти (октябрь 1919 г, - август 1920 г.): Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Кобахидзе. - Сухуми: «Алашара», 1971. – 471 с.
16. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 гг.), Горская республика (1918 – 1920 гг.): (Документы и материалы) / Даг. науч. центр, Рос. АН, Ин-т истории, археологии и этнографии; [Сост. Какагасанов Г. И. и др.]. – Махачкала: Юпитер, 1994. – 438 с.
17. Съезды народов Терека. 1918: Сборник документов и материалов. В. 2 т. / Сост. Х.Х. Бекузаров и др. Т. 1. - Орджоникидзе: «Ир», 1977. – 349, 3 с.
18. Съезды народов Терека. 1918: Сборник документов и материалов. В. 2 т. / Сост. Х.Х. Бекузаров и др. Т. 2. – Орджоникидзе: «Ир», 1978. – 279 с.
19. Установление Советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее (1917 – 1923 гг.): Сб. документов и материалов / Гос. арх. Адыг. авт. обл.; [Составители Л. Т. Арутюнова и др.]. – Майкоп: Краснодар. кн. изд., Адыг. отд-ние, 1980. – 269 с.

Периодические издания

1. *«Бюллетень Комитета освобождения Черноморской губернии»* - орган Комитета освобождения Черноморской губернии (Сочи, 1920).

2. *«Вольная Кубань»* (Екатеринодар, 1917 – 1920), газета.
3. *«Горская жизнь»* - орган Центрального комитета Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (Владикавказ, 1917 – 1918), газета.
4. *«Дагестан»* (Темир-Хан-Шура, 1918 – 1919), газета.
5. *«Жизнь национальностей»* - орган Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, журнал.
6. *«Известия ВЦИК»* - орган Всероссийского Центрального исполнительного комитета РСФСР, газета.
7. *«Известия Кубанского Областного Исполнительного Комитета и Екатеринодарского Совета рабочих и красноармейских депутатов»* (Екатеринодар, 1918), газета.
8. *«Известия Кубанского Центрального Исполнительного Комитета»* (Екатеринодар, 1918), газета.
9. *«Известия Центрального Исполнительного Комитета Кубано-Черноморской Советской Республики»* (Екатеринодар, 1918), газета.
10. *«Известия ЦИК Совета народных депутатов Северо-Кавказской Советской Социалистической Республики и Екатеринодарского Совета народных депутатов»* (Екатеринодар, Пятигорск, 1918), газета.
11. *«Знамя борьбы»* - орган левых социалистов-революционеров (Москва), газета.
12. *«Коммунист»* - орган Терского обкома РКП(б) и исполкома, газета.
13. *«Кубанский край»* - общественно-политическая газета (Екатеринодар).
14. *«Листок войны»* - общественно-политическая газета (Екатеринодар).
15. *«Народная власть»* - орган Терского областного Народного Совета (Владикавказ, 1918 – 1919), газета.
16. *«Правда»* - орган Центрального комитета РСДРП(б) / РКП(б), газета.
17. *«Приазовский край»* (Ростов-на-Дону), общественно-политическая газета.
18. *«Терские ведомости»* - орган Владикавказского городского самоуправления (Владикавказ, 1917), газета.
19. *«Терский вестник»* (Владикавказ, 1917 – 1918), газета.

20. «Черноморские губернские ведомости» (Новороссийск), газета.

Источники личного происхождения

1. **Баммат, Г.** Кавказ и русская революция. Исторический обзор / Г. Баммат // Наш Дагестан. - Махачкала, 1994. - №172-173. С. 33-45.
2. **Булле, Ф.** Борьба за Советы на Тереке / Ф. Булле // Каторга и ссылка. - М., 1932. - №11-12 (96-97). С. 268-286.
3. **Вдовенко, Г.** Борьба терских казаков с большевиками в 1918 год / Г. Вдовенко // Соппротивление большевизму. 1917 – 1918 гг. - М.: Центрополиграф, 2001. - С. 448-455.
4. **Воронович, Н.В.** Меж двух огней (записки зеленого) / Н.В. Воронович. - Сочи: Русское географическое о-во, Сочинское отд-ние, 2013. - 201 с.
5. **Далгат, А.** В огне революции: Воспоминания / А. Далгат. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 106, 2 с.
6. **Деникин, А.И.** Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919 / А. И. Деникин. –Минск : Харвест, 2002. – 560 с.
7. **Деникин, А. И.** Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920 / А. И. Деникин. –Минск : Харвест, 2002. – 464 с.
8. **Джабагиев, В.Г.** Революция и гражданская война на Северном Кавказе / В.-Г. Джабагиев // Наш Дагестан. - Махачкала, 1994. - №167-168.
9. **Коцев, П.Т.** Свобода не дается без жертв. Из истории Горской республики / П.Т. Коцев // Наш Дагестан. – Махачкала,1994. - №172-173.
10. **Крутоголов, Ф.Ф.** Огненные версты. Записки участника Гражданской войны на юге России / Ф.Ф. Крутоголов. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1975. – 176 с.

11. **Кузнецов, Б.М.** 1918 год в Дагестане / Б.М. Кузнецов // Сопротивление большевизму. 1917 – 1918 гг. - М.: Центрополиграф, 2001. - С. 506 – 537.
12. **Носов, А.Ф.** Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии (К истории народов Чечено-Ингушетии). 1917 – 1920. Воспоминания / А.Ф. Носов. – Грозный: Чечено-Ингуш. кн. издат., 1961. – 156 с.
13. **Попов, А.Н.** Революционная Чечня в огне сражений / А.Н. Попов. – Грозный: Чечено-Ингуш. кн. издат, 1973. – 152 с.
14. **Филимонов, А.П.** Кубанцы (1917 – 1918 гг.) / А.П. Филимонов // Белое Дело. Т. 2. - Берлин, 1927. - С. 62-107.
15. Его же. Разгром Кубанской рады / А.П. Филимонов // Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 527 – 538.
16. **Шатилов, П.** В Добровольческой армии / П. Шатилов // Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. - М.: Центрополиграф, 2002. - С. 308 – 323.
17. **Шкуро, А.Г.** Записки белого партизана / А.Г. Шкуро // Белое дело. Добровольцы и партизаны. - М.: «Голос, Спалохи», 1996. - С. 75 – 246.

Литература

1. **Абазатов, М.А.** Из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии / М.А. Абазатов. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд., 1962. – 172 с.
2. Его же. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть (1917 – 1920 годы) / М.А. Абазатов. - Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд., 1969. – 218, 2 с.

3. **Абулова, Е.А.** Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. 1917 – 1937 / Е.А. Абулова. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1984. – 163 с.
4. Автономия народов Северного Кавказа: о зарождении, становлении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе. - Орджоникидзе: Ир, 1973. – 255 с.
5. **Авторханов, А.Г.** Революция и контрреволюция в Чечне: Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки / А.Г. Авторханов. – Грозный: Чеченское национальное издательство, 1933. – 173 с.
6. **Аликберов, Г.А.** Победа социалистической революции в Дагестане / Г.А. Аликберов. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. – 285 с.
7. Его же. Революция и гражданская война в Дагестане. Хроника важнейших событий. 1917 – 1921 гг. / Г.А. Аликберов – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. – 216 с.
8. **Ансоков, М.Г.** Образование и развитие национальной советской государственности народов Кабарды и Балкарии (1917 – 1936 гг.) / М.Г. Ансоков. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 209 с.
9. **Анчабадзе, Ю.Д.** Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в.-1920-е годы) / Ю. Д. Анчабадзе; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Рос. акад. Наук. –М.: ИЭА , 2012 - 340 с.
10. **Афаунов, А.А.** Национальная политика России и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе: исторический опыт. 1906 – 1921 гг.: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Афаунов Артур Ауесович. - Владикавказ, 2004. – 220 с.
11. **Биджиев, Р.М.** Политика Белого движения и ее реализация на Северном Кавказе в годы гражданской войны: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Биджиев Руслан Маратович. - Ставрополь, 2011. – 199 с.

12. **Борисенко, И.** Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Т. 1-2 / И. Борисенко. – Т. 1. – Ростов н/Д: «Северный Кавказ», 1930. – 269, 1 с.
13. **Борисенко, И.** Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Т. 1-2 / И. Борисенко. – Т. 2. – Ростов н/Д: «Северный Кавказ», 1930. – 269, 2 с.
14. Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане / Б. О. Кашкаев, Н. П. Эмиров, А. С. Гаджиев и Г. А. Аликберов ; Под ред. Г. А. Аликберова . – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 624 с.
15. **Брызгалова, И.Г.** Февраль 1917 года: Казачье самоуправление – основа новой модели региональной государственности на Дону, Кубани и Тереке / И.Г. Брызгалова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. - №6 (20): в 2 ч. - Ч. I. - С. 48 – 55.
16. **Бугаев, А.М.** Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития / А.М. Бугаев. – Грозный: ИЦ ЧР, 2012. – 89 с.
17. **Бугай, Н.Ф.** Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа. 1919 – 1920 гг. / Н.Ф. Бугай. – Нальчик: Эльбрус, 1977. – 156 с.
18. Его же. Революционные комитеты Адыгеи (1920 – 1921 гг.) / Н.Ф. Бугай // Сборник статей по истории Адыгеи. – Майкоп: [б.и.], 1977.
19. Его же. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919 – 1921 гг. / Н.Ф. Бугай - М.: Наука, 1979. – 235 с.
20. Его же. Революционные комитеты Ставрополя / Н.Ф. Бугай. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1978. – 103 с.
21. **Бугай, Н.Ф., Джимов, Б.М.** От ревкомов к Советам на Кубани / Н.Ф. бугай, Б.М. Джимов. – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, Адыг. отд-ние, 1989. – 231 с.

22. **Бугай, Н.Ф., Мекулов, Д.Х.** Народы и власть: «социалистический эксперимент». (20-е гг.) / Н.Ф. Бугай, Д.Х. Мекулов. - Майкоп: Меоты, 1994. - 424 с.
23. **Буркин, Н.Г.** Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа / Н.Г. Буркин. - Ростов-на-Дону: Партиздат, 1933. – 63 с.
24. **Бутаков, Я.А.** Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.) / Я.А. Бутаков. - М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000. – 190 с.
25. **Венков, А.В.** Антибольшевистское движение на Юге России (1917 – 1920 гг.) / А.В. Венков. - Ростов-на-Дону: Логос, 1996. – 128 с.
26. **Врублевский, Ф.И.** Создание советской национальной государственности чечено-ингушского народа – торжество ленинской национальной политики / Ф.И. Врублевский. – Грозный: [б.и.], 1964. – 39 с.
27. **Гатуев, Дз.** «Империя» Узуна-Хаджи / Дз. Гатуев // Революционный Восток – М., 1928. - №4-5. – С. 264 – 301.
28. **Гиоев, М.И.** Деятельность революционных комитетов в Северной Осетии / М.И. Гиоев. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1957. – 96 с.
29. **Гиоев, М.И., Гойгова, З.А., Гугов, Р.Х, Улигов, У.А.** Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма / М. И. Гиоев, З. А. Гойгова, Р. Х. Гугов, У. А. Улигов. – Орджоникидзе: Ир, 1983. – 208 с.
30. **Гойгова, З.А.-Г.** Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина / З.А.-Г. Гойгова. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. – 222 с.
31. **Головенченко, Ф.** 1917 год в Ставропольской губернии / Ф. Головенченко. – Ставрополь: Кн. изд., 1927.

32. Его же. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918 – 1920 гг.). Исторический очерк / Ф. Головенченко, Ф. Емельянов. – Ставрополь: Ставроп. окр. Октябрьская комиссия, 1928. – 221 с.
33. **Гугов, Р.Х., Улигов, У.А.** Борьба трудящихся за власть Советов в Кабарде и Балкарии / Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1957. – 268 с.
34. Их же. Очерки революционного движения в Кабардино-Балкарии / Р.Х. Гугов, У.А. Улигов. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967. – 386 с.
35. **Даудов, А.Х.** Образование и развитие Горской АССР. 1920-1924 гг. (проблемы национально-государственного строительства): дис. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Даудов Абдулла Хамидович. – Л., 1984. – 220 с.
36. **Даудов, А.Х., Месхидзе, Д.И.** Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917 - 1924 гг.) / А.Х. Даудов, Д.И. Месхидзе. - СПб: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009. – 222 [1] с.
37. **Джимов, Б.М.** Борьба трудящихся Адыгеи за победу и дальнейшее укрепление Советской власти (апрель 1917 – декабрь 1920 гг.) / Б.М. Джимов // Исследования по истории адыгов. Советский период. – Майкоп: [б.и.], 1976. – 221 с.
38. **Дзидзоев, В.Д.** От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917 – 1924 гг.) / В.Д. Дзидзоев. – Владикавказ: СОГУ, 2003. – 210 с.
39. **Доного, Х.М.** Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Доного Хаджи Мурад. – М., 2008. – 454 с.
40. **Ермолин, А.П.** Революция и казачество (1917 – 1920) / А.П. Ермолин. - М.: Мысль, 1982. – 224 с.

41. **Жанситов, О.А.** Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917 – 1920 гг.) / О.А. Жанситов. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – 149 с.
42. **Зверева, Л.А.** Органы государственной власти на Ставрополье (декабрь 1917 – 1929 гг.) / Л.А. Зверева. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2011. – 182 с.
43. **Иванько, Н.И.** За власть Советов / Н.И. Иванько. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1957. – 164 с.
44. **Игонин, А.В.** Северокавказское общество на историческом переломе (1917 - конец 1920-х гг.) / А. В. Игонин, Е. Ю. Оборский, Н. И. Суханова. - Ставрополь : Изд-во СГУ ,2009 - 292 с.
45. **Исрапилов, А.К.-М.** Революционные комитеты в борьбе за установление и упрочение Советской власти в национальных районах Северного Кавказа / А.К.-М. Исрапилов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1976. – 154 с.
46. Его же. Рожденные революцией. Деятельность революционных комитетов в Дагестане / А.К.-М. Исрапилов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. – 106 с.
47. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. - Т. 2. - М.: Наука, 2005. – 657, [1] с.
48. История Ингушетии. - Магас – Нальчик: Телеграф, 2011. – 483 [1] с.
49. История национально-государственного строительства в СССР. 1917 – 1978. 3-е изд., доп. и перераб.: В 2 томах / Ред. кол. В.П. Щерстобитов (отв. ред.) и др. – Т. 1. Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917-1936 гг.) / Д.А. Чугаев, В.П. Щерстобитов, Ф.П. Шевченко и др. - М.: Наука, 1979. – 399 с.
50. История Северной Осетии: XX век / Гл. ред. А.С. Дзасохов и др. - М.: Наука, 2003. – 648 с.

51. **Казанбиев М.А.** Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана / М.А. Казанбиев. – Махачкала [б.и.], 1970. – 383 с.
52. **Каппелер, А.** Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / А. Каппелер. - М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 343 с.
53. **Кашкаев, Б.О.** Борьба за Советы в Дагестане (1917 – 1920 гг.) / Б.О. Кашкаев. - М.: Соцэкгиз, 1963. – 287 с.
54. Его же. Гражданская война в Дагестане. 1918 – 1920 гг. / Б.О. Кашкаев. - М.: Наука, 1976. – 294 с.
55. Его же. От Февраля к Октябрю (Национально-освободительное движение в Дагестане) / Б.О. Кашкаев. - М.: Наука, 1972. – 365 с.
56. **Кесаев, А.К.** Из истории борьбы трудящихся Северной Осетии за власть Советов / А.К. Кесаев. – Орджоникидзе: Ир, 1979. – 240 с.
57. **Кичев, М.И.** Из истории борьбы за упрочение Советской власти в Дагестане (1920 – 1921 гг.) / М.И. Кичев. – Махачкала [б.и.], 1963. – 103 с.
58. **Козлов, А.И.** Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917 – 1920 гг.) / А.И. Козлов. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1972. – 165 с.
59. **Кокиев, Г.А.** Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917 – 1921) / Г.А. Кокиев. – Нальчик: Кабгосиздат, 1946. – 70 с.
60. **Кокорхоева, Д.С.** Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа (1917 – 1944 гг.) / Д.С. Кокорхоева. - Элиста, 2002. – 179 с.
61. **Кониев, Ю.И.** Автономия народов Северного Кавказа: О зарождении и развитии форм советской национальной государственности на Северном Кавказе / Ю.И. Кониев. - Орджоникидзе: Ир, 1973. - 255 с.
62. Его же. Национально-государственное строительство на Тереке / Ю.И. Кониев. – Орджоникидзе: Ир, 1969. – 98 с.

63. **Коренев, Д.З.** Революция на Тереке. 1917 – 1918 гг. / Д.З. Коренев. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. – 352 с.
64. **Корольков, И.В.** Борьба за власть Советов на Северном Кавказе. (Спец. курс лекций по истории СССР): Пособие для студентов Ист.-филол. фак. Пед. ин-та / И.В. Корольков. – Чита: [б.и.], 1962. – 185 с.
65. **Кулаков, В.В.** История военного и государственного строительства белых властей на Юге России (1917 – 1920 гг.): дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Кулаков Владимир Владимирович. - М., 2005. – 364 с.
66. **Кучиев, В.Д.** Октябрь и Советы на Тереке. 1917 – 1918 / В.Д. Кучиев. – Орджоникидзе: Ир, 1979. – 157 с.
67. **Ладоха, Г.** Очерки гражданской борьбы на Кубани / Г. Ладоха. – Краснодар: «Буревестник», 1923. – 122 с.
68. **Лайпанов, К.Т.** Октябрь в Карачаево-Черкесии: Борьба большевиков за власть Советов (1917 – 1920 гг.) / К.Т. Лайпанов. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1987. – 192 с.
69. **Лебедев, П.А.** Кабарда в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции / П.А. Лебедев // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1951. - Вып. 2. – 200 с.
70. **Левин, М.** Советский век / М. Левин. - М.: «Европа», 2008. – 680 с.
71. **Летифов, А.Л.** Возникновение и развитие советской национальной государственности народов Дагестана / А.Л. Летифов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. – 123 с.
72. **Лобанов, В.Б.** История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917 – 1920 гг.: на материалах Терека и Дагестана / В.Б. Лобанов. - СПб: Полторак, 2013. – 434 с.
73. **Магомедов, М.А.** Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция: (Правда истории и домыслы антикоммунистов) / М.А. Магомедов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1980. – 158 с.

74. Его же. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе / М.А. Магомедов // Отечественная история. – М.: Наука, 1997. - №6. – С. 81 – 90.
75. **Магомедов, Ш.Б.** Проблемы национально-государственного устройства Дагестана: история и современность / Ш.Б. Магомедов. - М.: Манускрипт, 1998. – 104 с.
76. **Магомедов, Ш.М.** Октябрь на Тереке и в Дагестане / Ш.М. Магомедов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1965. – 223 с.
77. Его же. Северный Кавказ в трех революциях. По материалам Терской и Дагестанской областей / Ш.М. Магомедов. - М.: Наука, 1986. – 208 с.
78. **Матвеев, В.А.** Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В.А. Матвеев. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2008. – 237 с.
79. Его же. Сепаратизм на Северном Кавказе в период Гражданской войны / В.А. Матвеев // История и историки. Нелегкий путь к истине. - М.: Собрание, 2010. С. 276 – 289.
80. **Машитлев, Р.М.** Адыги Северо-Западного Кавказа в революционных событиях и Гражданской войне: 1917 – 1920 гг.: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Машитлев Руслан Маратович. - Майкоп, 2005. – 225 [4] с.
81. **Месхидзе, Д.И.** Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917 – 1920 гг.): дисс... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Месхидзе Джульетта Изауовна. - СПб, 2006. – 190 с.
82. **Миронов, Б.Н.** Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. / Б. Н. Миронов. - Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин. – 582 [1] с.

83. **Музаев, Т.М.** Союз горцев: русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. / Т.М. Музаев. - М.: Патрия, 2007. – 518 [1] с.
84. **Мулукаев, Р.С.** Развитие советской государственности в Северной Осетии. Краткий историко-юридический очерк / Р.С. Мулукаев. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1958. 122 с.
85. Национальная политика России: история и современность / Кулешов С. В., Аманжолова Д. А., Волобуев О. В. и др.; Ред. совет: Михайлов В. А. (отв. ред.) и др. - М.: Русский мир, 1997. – 680 с.
86. **Нахибашев, М.З.** Узун-Хаджи Салтинский – общественно-политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни / М.З. Нахибашев. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2009. – 208 с.
87. Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ (1917 – 1941 гг.) / Ред. кол. Н.Ф. Бугай и др. – Майкоп: Меоты, 1995. - 286 с.
88. **Никитин, А.Н.** Суверенная Кубань: опыт отечественного парламентаризма (1917 – 1920 гг.) / А.Н. Никитин. - М.: Национальный институт бизнеса, 2010. – 367 с.
89. Октябрь на Дону и Северном Кавказе / Ред. коллегия: К. А. Хмелевский (отв. ред.). – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1977. – 302 с.
90. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. – Орджоникидзе: Ир, 1973. – 299 с.
91. **Османов, А.И.** Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития: В 2 кн. Кн. 2: Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов / А.И. Османов. – Махачкала: ДИНЭМ, 2007. – 621 с.
92. **Остапенко, П.И.** Казачьи государственные образования на юге России (февраль 1917 – начало 1920 г.): дисс. ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Остапенко Павел Иванович. - Краснодар, 2004. – 522 с.

93. Очерки истории Адыгеи. Т. II. Советский период / Редкол. Г. П. Иванов, д-р ист. наук, проф. (гл. ред.) и др. – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, Адыг. отд-ние, 1981. – 368 с.
94. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Том второй. Советский период / Ред. коллегия: канд. ист. наук Р. Х. Джанибекова (отв. ред.) и др. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1972. – 448 с.
95. Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Т. 2: С 1917 года до наших дней / Редкол. А. А. Коробейников (отв. ред.) и др. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – 488 [5] с.
96. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. 2. 1917 – 1970 гг. / Ред. кол. М.С. Тотоев (гл. ред.) и др. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. – 359 с.
97. **Паин, Э.А.** Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э.А. Паин. - 2-е изд., доп. - М.: Новое изд-во: Фонд Либер. миссия, 2004. – 246 [1] с.
98. **Покровский, Г.** Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918 – 1919 гг.) / Г. Покровский. – Харьков: «Пролетарий», 1926. – 234, 2 с.
99. **Почешхов, Н.А.** Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917 – 1920 гг.) / Н.А. Почешхов. – Майкоп: АГУ, 1998. – 150 с.
100. **Пученков, А.С.** Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.) / А.С. Пученков. – СПб.: ООО «Полтораки», 2012. – 337 с.
101. **Раенко-Туранский, Я.Н.** Адыги до и после Октября / Я.Н. Раенко-Туранский. - Ростов н/Д: Крайнациздат, 1927. – 180 с.
102. **Разгон, И.Э.** Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе / И.Э. Разгон. - М.: Госполитиздат, 1941. - 332 с.

103. **Разгон, И., Мельчин, А.** Борьба за власть Советов в Дагестане (1917 – 1925 гг.) / Проф. И. Разгон, А. Мельчин. – Махачкала: Даггиз, 1945. – 141 с.
104. Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – 384 с.
105. Северный Кавказ в составе Российской империи. - М.: Новое лит. обозрение, 2007. – 460 [1] с.
106. **Семенов, А.А., Щербинин, С.А.** Власть и население Северного Кавказа в период Гражданской войны и НЭПа (1917-1925) / А.А. Семенов, С.А. Щербинин. - Славянск-на-Кубани: Изд. Центр СГПИ, 2008. – 150 с.
107. **Сенцов, А.А.** Рождение Кубано-Черноморской республики (1917 – 1918 гг.). Из истории становления советской государственности / А.А. Сенцов. – Краснодар: Кн. изд-во, 1984. – 175 с.
108. **Сергеев, В.Н.** Многопартийность и государственная власть на Юге России в 1905 – 1920 гг. / В.Н. Сергеев. - М.: Вузовская книга, 2012. – 414 [1] с.
109. **Сулаев, И.Х.** Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: Борьба и сотрудничество (1917 – 1921 гг.) / И.Х. Сулаев. – Махачкала: Деловой мир, 2004. – 184 с.
110. **Суханова, Н.И.** Институциональная политика советской власти и белого движения на Северном Кавказе в годы Гражданской войны (1917-1920 гг.) / Н. И. Суханова. - Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2004 - 202, [1] с.
111. Ее же. Ставрополье в годы Гражданской войны (1918 – 1920 гг.) / Н.И. Суханова // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 40. - Ставрополь, 2005. С. 44 – 53.
112. **Тахо-Годи, А.** Революция и контр-революция в Дагестане / А.А. Тахо-Годи. – Махачкала: Дагестанское гос. изд., 1927. – 236 с.

113. **Теунов, М.К.** Шариатские суды в Советской Кабардино-Балкарии. 1918 – 1928 гг.: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Теунов Мурат Касимович. - Нальчик, 2007. – 174 с.
114. **Тишков, В.А.** Очерки теории и политики этничности в России / В.А. Тишков. - М.: Русский мир, 1997. – 531 [1] с.
115. **Тишков, В.А., Шабает, Ю.П.** Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов / В.А. Тишков, Ю.П. Шабает. - М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. – 375 с.
116. **Ткачев, Е.А.** Терское казачество в годы революций и гражданского противостояния (1917 – 1923): участие, политические приоритеты, итоги: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Ткачев Евгений Алексеевич. - Пятигорск, 2005. – 217 с.
117. **Труженикова, Л.А.** Становление и развитие национальной государственности Дагестана. XX – начало XXI вв. / Л.А. Труженикова. – Махачкала: АЛЕФ, 2011. – 353 с.
118. **Трусова, Е.М.** Возникновение и эволюция органов управления и самоуправления на Юге России в феврале – октябре 1917 года. (Дон, Кубань, Ставрополье): дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Трусова Елена Михайловна. - М., 2000. – 395 с.
119. **Трут, В.П.** Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций / В.П. Трут. - М.: Яуза: Эксмо, 2007. – 539 [1] с.
120. Его же. Казачий излом (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революций 1917 года) / В. П. Трут. - Ростов н/Д: Гефест, 1997. - 253 с.
121. **Узнародов, М.Т.** Деятельность Кавказского и Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б) по руководству партийными организациями Юго-Востока России в 1920-1924 гг. / М.Т. Узнародов. – Орджоникидзе: Ир, 1968. – 207 с.

122. **Улигов, У.А.** Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии / У.А. Улигов. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 164 с.
123. Его же. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917 – 1937 гг.) / У.А. Улигов. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 353 с.
124. **Улько, Г.Е.** Октябрь на Черноморье. Исторический очерк об установлении Советской власти в бывшей Черноморской губернии / Г.Е. Улько. – Краснодар: Кн. изд-во, 1957. – 118 с.
125. **Филатова, Ж.В.** Трансформация органов местного управления и самоуправления в Ставропольской губернии и Терской области: март 1917 – март 1918 г.: дисс. ... канд. исторических наук: 07.00.02 / Филатова Жанна Викторовна. - Пятигорск, 2009. – 240 с.
126. **Халифаева, А.К.** История государства и права Дагестана / А.К. Халифаева. – Махачкала: Риасофт ЛТД, 2012. – 372 с.
127. **Хасбулатов, А.И.** Февральская революция в Чечне (февраль – октябрь 1917 года) / А.И. Хасбулатов // Научная мысль Кавказа. - Ростов н/Д.: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 2002. - №4.
128. **Хасмагомадов, Э.Х.** Чечня в период революции и Гражданской войны (1917 – 1920 гг.) / Э.Х. Хасмагомадов // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы / [отв. ред. Х.В. Туркаев]; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. - М.: Наука, 2008. – 630 с.
129. **Хлынина, Т.П.** Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917 – 1937 гг.: проблемы историографии / Т.П. Хлынина. - М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 266 [1] с.

130. **Цветков, В.Ж.** Белое дело в России. 1917 – 1918 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В.Ж. Цветков. - М.: Посев, 2008. – 519 [1] с.
131. Его же. Белое дело в России. 1919 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В.Ж. Цветков. - М.: Посев, 2009. – 635 с.
132. Его же. Белое дело в России. 1919 – 1922 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России): В 2 частях. Ч. 1 / В.Ж. Цветков. - М.: Посев, 2013. – 495 с.
133. Его же. «... Добровольческая армия идет на Ингушетию не с миром, а с войной» / В.Ж. Цветков // Военно-исторический журнал. М., 1999. №1. С. 31 – 40. №2. С. 52 – 61.
134. **Чеботарева, В.Г.** Наркомнац РСФСР: Свет и тени национальной политики. 1917 – 1924 гг. / В.Г. Чеботарева. - М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2003. – 851 [1] с.
135. **Чистяков, О.И.** Становление Российской Федерации (1917 – 1922) / О.И. Чистяков. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966: . – 327 с.
136. **Эбзеева, С.Э.** Становление советской национальной государственности народов Северного Кавказа / С.Э. Эбзеева. - М.: Юрид. лит., 1976. – 135 с.
137. **Эмиров, Н.П.** Из истории военной интервенции и гражданской войны в Дагестане / Н.П. Эмиров. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. – 215 с.
138. Его же. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами. 1917 – 1918 / Н.П. Эмиров. – М.: Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1949. – 188 с.
139. **Юсупов, П.И.** Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии (1920 – 1925 гг.) / П.И. Юсупов. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1968. – 64 с.

140. **Яндиева, М.Д., Мальсагов, А.А.** Общекавказская государственность: вчера, сегодня, завтра / М.Д. Яндиева, А.А. Мальсагов. - Назрань – Москва: Мемориал, 2003. – 35 с.
141. **Янчевский, Н.Л.** Гражданская борьба на Северном Кавказе: В 2 т. / Н.Л. Янчевский. – Т. 1. – Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. – 205 с.
142. **Янчевский, Н.Л.** Гражданская борьба на Северном Кавказе: В 2 т. / Н.Л. Янчевский. – Т. 2. – Ростов н/Д: Севкавказ, 1927. – 157 [1] с.